

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук

На правах рукописи

Вахрушева Евгения Александровна

Политическая философия Фредрика Джеймисона

Специальность 23.00.01 – «Теория и философия политики, история
и методология политической науки»

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
кандидат политических наук, доцент
Мартьянов Виктор Сергеевич

Екатеринбург – 2016

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИКО- ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ Ф. ДЖЕЙМИСОНА.....	16
1.1. Становление методологии Ф. Джеймисона в контексте влия- ния философии Ж.-П. Сартра	16
1.2. Марксистские и неомарксистские истоки политико- философских идей Ф. Джеймисона.....	33
1.3. Особенности рецепции структуралистской методологии в по- литической философии Ф. Джеймисона	48
1.4. Развитие политико-философских взглядов Ф. Джеймисона в контексте формирования постмодернистских теорий	57
Глава 2. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛО- СОФИИ Ф. ДЖЕЙМИСОНА	67
2.1. Концепция идеологии Ф. Джеймисона	67
2.2. Концепция утопии Ф. Джеймисона	92
2.3. Концепция когнитивного картографирования Ф. Джеймисона в контексте проблемы глобализации.....	109
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	125
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	129

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования

Политическая ситуация в постсоветской России 1990-х гг. способствовала тому, что марксизм как некогда доминировавший способ описания социальной действительности был оттеснен на периферию академического дискурса. В значительной степени этот сдвиг был обусловлен тем, что марксизм стал напрямую ассоциироваться с неудачами советского социалистического проекта. Еще одной важной причиной снижения востребованности марксистских идей явилась растущая конкуренция со стороны других теоретических парадигм, в частности либерализма и консерватизма, которые стали представлять в качестве альтернативных марксизму объяснительных матриц, более пригодных для описания меняющегося общества. Напротив, в это же время в западном интеллектуальном пространстве марксистские идеи вновь набирали популярность и становились основой для прорывных концепций в различных социально-гуманитарных науках – политической и социально-экономической географии, городских и гендерных исследованиях, эстетике и литературоведении, теории международных отношений и исследованиях политики. Как следствие возникла ситуация, когда в оборот отечественной науки до сих пор оказались не вовлечены целые пласты современных зарубежных марксистских и критических теорий и концепций, о которых в лучшем случае имеются лишь фрагментарные представления. Это порождает проблему, связанную с тем, что продуцируемый ими язык, в значительной степени определяющий современный дискурс всей западной марксистской политической философии и теории, остается неусвоенным на российской почве, что негативно влияет на столь важную сегодня проблему научной коммуникации.

Американский исследователь Фредрик Джеймисон относится к той категории влиятельных зарубежных теоретиков современного марксизма, ко-

торые по каким-то причинам оказались вне поля активного исследовательского внимания в России. Безусловно, в последние годы внимание российских исследователей к идеям Ф. Джеймисона возрастает: появляются переводы его статей и статьи, посвященные анализу его отдельных концепций. Особенно важным в этом смысле событием стал выход в 2014 г. сборника переводов статей Ф. Джеймисона «Марксизм и интерпретация культуры» под редакцией А.А. Парамонова¹. Однако в целом идеи Джеймисона в России остаются крайне слабо изученными. Между тем он является знаковым марксистским теоретиком, идеи которого оказали большое методологическое влияние на развитие современных социально-гуманитарных исследований. Прежде всего своей концепцией постмодернизма как культурной логики позднего капитализма Ф. Джеймисон задал методологические границы новой объяснительной матрицы, основанной на синтезе теоретических парадигм, имеющих в своей основе принцип тотализации, и постмодернистских концепций, отвергающих любые тотализации.

Интеллектуальное влияние идей Ф. Джеймисона на развитие современной общественной мысли достаточно велико. Методологические принципы, разработанные Ф. Джеймисоном, были восприняты целым рядом известных современных исследователей. Так, его влияние проявляется в проекте спатиализации истории и политики Э. Соджа, в котором этот исследователь стремится установить связь между постмодернизмом и транснациональным капитализмом через категорию пространства. Д. Харви в своей работе «Состояние постмодерна» (1990) продолжает идеи Ф. Джеймисона, рассматривая постмодерн как новую историческую ситуацию и более подробно раскрывая ее экономическую специфику. Д. Гартман также фундирует свою концепцию постфордизма на джеймисоновской концепции постмодернизма, акцентируя внимание на несинхронности развития экономики и культуры. Предложенная Ф. Джеймисоном периодизация развития капитализма и его культурных

¹ Джеймисон Ф. Марксизм и интерпретация культуры / Пер. с англ. Москва, Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. 414 с.

форм была продолжена в концепциях постпостмодернизма, в которых прослеживаются элементы его методологии (А. Кирби, Дж. Т. Нилон, и др.). Наконец, широкое распространение идеи Джеймисона получили в постколониальных исследованиях (А. Ахмад, Н. Лазарус и др.) и исследованиях архитектуры (Д. Каннингэм, Н. Лахиджи, Г. Хартунян и др.), в частности его концепция политического бессознательного.

Перечисленные концепции получили признание в соответствующих областях знания и определяют направление развития современного марксизма и критической теории. Между тем в области политической философии и теории, как западной, так и российской, разработанная Ф. Джеймисоном методология пока недостаточно изучена и усвоена. Более того, должным образом не исследовано политико-философское содержание тех его категорий, которые образуют ядро его политической философии. Восполнение данного пробела, во-первых, позволит обогатить методологический аппарат современной политической философии. Во-вторых, расширить представления о современной западной марксистской политической философии в России.

Объект и предмет исследования

Объектом диссертационного исследования является комплекс политико-философских идей Фредрика Джеймисона и их становление в контексте влияния различных теоретических парадигм. **Предметом** – структурные и функциональные связи между ключевыми категориями и концепциями политической философии Ф. Джеймисона.

Степень разработанности проблемы

Творчество Фредрика Джеймисона на протяжении нескольких десятилетий является объектом исследования самых разных областей социально-гуманитарного знания на Западе, прежде всего в США, а также в странах Азии, в первую очередь в Китае, где его идеи приобрели особую популяр-

ность¹. Работы Джеймисона широко исследовались в рамках философии, социальной теории, этики, эстетики, культурологии, искусствоведения, литературоведения и в гораздо меньшей степени в рамках политической философии и политической теории.

Наиболее полный политический анализ идей Ф. Джеймисона осуществлен в работе марксистского теоретика А. Каллиникоса «Против постмодернизма: марксистская критика»². Единственная попытка системного описания идей Ф. Джеймисона с позиций политической философии в России была предпринята Т.А. Алексеевой в учебнике «Современные политические теории»³, которая, однако, была ограничена форматом самой работы.

Особенности марксизма Фредрика Джеймисона анализируются в работах У. Доулинга⁴, К. Уэста⁵, Ш. Хомера⁶, У. Шуленберга⁷, Дж.М. Эллиса⁸. Данная проблематика также рассматривалась в работах отечественных исследователей М.С. Ильченко⁹, О.Ю. Назаровой¹⁰.

Наиболее подробно с различных дисциплинарных и междисциплинарных позиций исследована его концепция постмодернизма как культурной логики позднего капитализма. Ее анализ представлен в работах П. Андерсо-

¹ *Xudong Zhang*. Modernity as Cultural Politics: Jameson and China // *Fredric Jameson: a Critical Reader* / ed. by Douglas Kellner and Sean Homer. Houndmills; Basingstoke ; New York, 2004. P. 169–194.

² Callinikos A. *Against Postmodernism: A Marxist Critique*. Cambridge. Polity, 1989. 207 p.

³ Алексеева Т.А. *Современные политические теории* / Т.А. Алексеева. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2000. 479 с.

⁴ *Dowling W.C.* Jameson, Althusser, Marx. *An Introduction to The Political Unconscious*. Ithaca ; New York : Cornell Univ. Press, 1984. 148 p.

⁵ *West C.* Fredric Jameson's American Marxism // *The Cornell West Reader*. New York, 2000. P. 231–250.

⁶ *Homer S.* Fredric Jameson: Marxism, Hermeneutics, Postmodernism. New York : Routledge, 1998. X, 216 p.

⁷ *Schulenberg U.* Fredric Jameson's American Neo-Marxism and the Dialectics of Totality and Difference // *Amerikastudien / American Studies*. 2001. Vol. 46, iss. 2. P. 281–299.

⁸ *Ellis J.M.* Fredric Jameson's Marxist Criticism // *Academic Questions*. 1994. Spring. P. 30–43.

⁹ *Ильченко М.С.* Не(о)марксистский дискурс эпохи постмодерна // *Дискурс-Пи : науч.-практ. альм.* 2007. № 7. С. 25–27.

¹⁰ *Назарова О.Ю.* Актуальность марксизма в современном мире: неомарксизм Ф. Джеймисона // *Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина*. 2009. № 1 (25). С. 23–30.

на¹, И. Бьюкинена², Д. Келлнера³, Р.Ч. Робертса⁴, Ш. Хомера⁵, осуществивших ее всестороннее и глубокое исследование в философском и междисциплинарном ключе. Отдельные элементы этой концепции рассмотрены в работах Ф.Е. Вегнера, Д.С. Гросса⁶, Дж.О' Кейна⁷, К. Лесжак⁸, М. Харта и К. Уикс⁹, С. Хелмлинга¹⁰, С. Чжана¹¹. Данная концепция также является наиболее разработанной концепцией Джеймсона в российских социальных и гуманитарных науках. Так, общая характеристика концепции постмодернизма представлена в разделе учебника Т.А. Алексеевой¹², статьях В.М. Диановой¹³ и Е.Н. Шапинской¹⁴, отдельные ее элементы раскрыты в работах И.П. Ильина¹⁵, А.М. Коренева¹⁶, М.В. Максимовой¹⁷. Особенно ценным источником представлений о концепции постмодернизма Джеймсона на рус-

¹ *Anderson P.* Origins of Postmodernity. London ; New York : Verso, 1998. 143 p.

² *Buchanan I.* Fredric Jameson: Live Theory. London : Continuum, 2006. 140 p.

³ *Kellner D.* Introduction // Postmodernism : Jameson. Critique / ed. by Douglas Kellner. Washington, DC, 1991.

⁴ *Roberts A.* Fredric Jameson. Routledge Critical Thinkers. London ; New York : Routledge, 2000. X, 164 p.

⁵ *Homer S.* Op. cit.

⁶ *Gross D.S.* Marxism and Resistance: Fredric Jameson and the Moment of Postmodernism // Canadian Journal of Political and Social Theory. 1988. Vol. 12, № 3. P. 71–86.

⁷ *O'Kane J.* Postmodern Negative Dialectics // Fredric Jameson: a Critical Reader / ed. by Douglas Kellner and Sean Homer. Houndmills ; Basingstone ; New York, 2004. P. 142–168.

⁸ *Lesjak C.* History, Narrative, and Realism. Jameson's Search for a Method // On Jameson : from postmodernism to globalization / ed. by Caren Irr and Ian Buchanan. Albany, 2006. P. 27–50.

⁹ *Hardt M., Weeks K.* [Intriductoin] // The Jameson Reader / ed. by Michael Hardt and Kathi Weeks. Oxford, UK, 2000. P. 2–29.

¹⁰ *Helmling S.* The Success and Failure of Fredric Jameson: Writing, the Sublime and the Dialectic of Critique. Albany : State Univ. of New York Press, 2001. 182 p.

¹¹ *Xudong Zhang.* Op. cit.

¹² *Назарова О.Ю.* Указ. соч.

¹³ *Дианова В.М.* Джеймсон как теоретик постмодернизма // Философия Р. Рорти и постмодернизм конца XX века : материалы конф. СПб., 1997.

¹⁴ *Шапинская Е.Н.* Фредерик Джеймсон: постмодернизм как культурная логика позднего капитализма // Личность. Культура. Общество. 2005. № 2 (26). С. 358–374.

¹⁵ *Ильин И.П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М. : Интрада, 1996. 256 с.

¹⁶ *Корнев А.М.* Семантические проблемы теоретического познания в эпоху постмодернизма в философии Ф. Джеймсона // Вестн. Моск. ун-та. Серия 7. Философия. 2008. № 6. С. 3–12.

¹⁷ *Максимова М.В.* Онтологический хаос в концепции Ф. Джеймсона // Теория и практика общественного развития. 2014. № 3. С. 24–27.

ском языке являются словарные статьи А.А. Горных¹, в которых автором предпринята успешная попытка представить ее системное описание, а также очертить границы теории Джеймисона в целом.

Концепции идеологии, утопии и когнитивного картографирования Джеймисона, политико-философская реконструкция которых будет осуществлена в настоящей работе, исследованы в гораздо меньшей степени как зарубежной, так и отечественной наукой. Так, отдельные аспекты концепции идеологии Джеймисона раскрыты лишь в немногочисленных работах – И. Бьюкинена², Дж. Гранта³, Ш. Хомера⁴.

Концепция утопии Джеймисона получила признание в рамках направления «утопических исследований», и как следствие – более широкое научное освещение. Эволюция взглядов Джеймисона на проблему утопии анализируется в статье Ф.Е. Вегнера⁵; вопрос о диалектике идеологии и утопии у Джеймисона рассматривается Ш. Хомером⁶ и И. Бьюкиненом⁷; утопия осмысливается как импульс надежды в статьях И. Бьюкинена⁸, который также дает развернутый анализ этой концепции в целом, акцентируя внимание на проблеме репрезентации; идеи Джеймисона об утопии в контексте проблемы глобализации рассматриваются в статье Э. Каздина⁹; П. Фиттинг представляет утопию Джеймисона в качестве стратегии анти-антиутопизма¹⁰.

¹ Горных А.А. Джеймисон // Новейший философский словарь. Минск, 2001. С. 312–316; 316; *Он же*. Постмодернизм, или логика культуры позднего капитализма // Социология : энцикл. Минск, 2003. С. 226–229.

² Buchanan I. Ideology and Utopia in the Work of Fredric Jameson or the Counter-revolution in the Revolution // *Arena Journal*. 2006. № 25/26. P. 83–98.

³ Grant J. The End of Critique? Ideology as Replication in Adorno and Jameson // *Culture, Theory and Critique*. 2014. Vol. 55, № 1. P. 1–16.

⁴ Homer S. *Op. cit.* P. 70–97.

⁵ Wegner Ph.E. Horizons, Figures, and Machines: The Dialectic of Utopia in the Work of Fredric Jameson // *Utopian Studies*. 1998. Vol. 9, iss. 2. P. 58–73.

⁶ Homer S. *Op. cit.* P. 93–97.

⁷ Buchanan I. Ideology and Utopia ...

⁸ Buchanan I. Metacommentary on Utopia, or Jameson's Dialectic of Hope // *Utopian Studies*. 1998. Vol. 9, iss. 2. P. 18–30.

⁹ Cazdyn E. Anti-anti: Utopia, Globalization, Jameson // *Modern Language Quarterly*. 2007. Vol. 68, № 2. P. 331–343.

¹⁰ Fitting P. Fredric Jameson and Anti-anti-Utopianism // *Arena Journal*. 2006. № 25/26. P. 37–51.

Концепция когнитивного картографирования Джеймсона обстоятельно проанализирована в работах И. Бьюкинена¹, Р.Т. Талли², а также рассмотрена в статьях Ф.Е. Вегнера, К. Лесжак³, М. Ротберга⁴ и М.Е. Севаско⁵. Особый интерес представляет статья Т. Миррлиса⁶, где автор последовательно описывает когнитивное картографирование как стратегию сопротивления.

В России детальных исследований указанных концепций Джеймсона еще не проводилось, хотя к ним довольно часто апеллируют в различного рода работах, где они представлены лишь фрагментарно и дескриптивно. На настоящий момент в России было осуществлено всего два самостоятельных масштабных исследования творчества Джеймсона – диссертационные исследования Ф.К. Урузбакиевой⁷ и О.Ю. Назаровой⁸, которые, однако, имели не политико-философский, а историко-философский характер. Так, работа Ф.К. Урузбакиевой посвящена анализу американского деконструктивизма, в контексте которого она рассматривает философию культуры Ф. Джеймсона. В работе О.Ю. Назаровой исследуется эволюция философских взглядов американского теоретика. В фокусе данного исследования оказывается уже не только американский деконструктивизм, но и влияние на Джеймсона неомарксизма и структурализма.

¹ *Buchanan I.* Fredric Jameson: Live Theory. P. 106–119.

² *Tally R.T., Jr.* Jameson's Project of Cognitive Mapping: A Critical Engagement // *Social Cartography: Mapping Ways of Seeing Social and Educational Change* / ed. by Rolland G. Paultson. New York ; London, 1996. P. 399–416.

³ *Lesjak C.* Op. cit.

⁴ *Rothberg M.* Theory, Migration and Labor in the Age of Globalization // *On Jameson: from Postmodernism to Globalization* / ed. by Caren Irr and Ian Buchanan. Albany, 2006. P. 117–141.

⁵ *Cevasco M.E.* The Political Unconscious of Globalization: Notes from the Periphery // *Fredric Jameson: a Critical Reader* / ed. by Douglas Kellner and Sean Homer. Houndmills ; Basingstone ; New York, 2004. P. 94–111.

⁶ *Mirrlees T.* Cognitive Mapping or, the Resistant Element in the Work of Fredric Jameson: A Response to Jason Berger // *Cultural Logic: An Electronic Journal of Marxist Theory & Practice*. 2005. Vol. 8. URL: <http://clogic.eserver.org/2005/mirrlees.html> .

⁷ *Урузбакиева Ф.К.* Американский деконструктивизм : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03. СПб., 2004. 130 с.

⁸ *Назарова О.Ю.* Эволюция философских взглядов Ф. Джеймсона : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03. СПб., 2010. 246 с.

Цель и задачи исследования

Цель исследования состоит в реконструкции политической философии Фредрика Джеймисона посредством анализа его ключевых политико-философских категорий и концепций и установления структурных и функциональных связей между ними.

Достижение указанной цели потребовало решения следующих **задач**:

1) рассмотреть ключевые социальные, политические, культурные и интеллектуальные контексты становления Ф. Джеймисона как политического теоретика и определить те парадигмы и концепции, которые оказали на него наибольшее влияние;

2) проанализировать специфику джеймисоновской идеи тотализации как базового методологического принципа его теории через ее сопоставление с идеей тотализации Ж.-П. Сартра и идеей тотальности Г. Лукача;

3) проследить истоки понятия классового сознания в политической философии Ф. Джеймисона и его связь с классическими марксистскими представлениями о классовом сознании, идеей Ж.-П. Сартра о дихотомии группы и коллектива, концепцией классового сознания и реификации Г. Лукача, а также обосновать наличие морфологического и функционального сходства между джеймисоновскими идеями классового сознания и когнитивного картографирования;

4) проанализировать принцип историзма Ф. Джеймисона в контексте влияния структурализма Л. Альтюссера, выявить специфику его представлений об истории и историческом процессе;

5) рассмотреть идею Ф. Джеймисона о позднем капитализме как его третьей стадии в связи с его критикой постмодернизма и постмодернистских теорий;

6) проанализировать концепцию идеологии Ф. Джеймисона, проследить истоки и выявить специфику его понимания идеологии;

7) проанализировать концепцию утопии Ф. Джеймисона, определить структуру и функции его идеи утопии;

8) реконструировать и исследовать концепцию когнитивного картографирования Ф. Джеймисона в контексте его представлений о глобализации.

Теоретико-методологические основания исследования

Основу методологии настоящего диссертационного исследования составляет целая группа теоретических подходов и методологических принципов, выбор которых обусловлен целью, задачами и предметом исследования. Анализ особенностей становления политико-философских взглядов Ф. Джеймисона осуществлялся на основе историко-генетического подхода и принципа контекстуализации, которые позволили проследить их развитие с учетом влияния культурного, политического, социального и интеллектуального контекста конкретного периода. При исследовании политико-философских концепций теоретика использовался метод теоретической реконструкции, а также компаративный и интерпретативный методы. Использование метода реконструкции позволило вычленив из его текстов политико-философские смыслы и реконструировать их в виде самостоятельных политико-философских концепций. Использование интерпретативного метода способствовало более детальному анализу основных категорий, применяемых Джеймисоном, таких как тотальность и тотализация, класс, классовое сознание, реификация и др., в свою очередь компаративный метод позволил выявить в них дополнительные смыслы через сопоставление с семантикой этих категорий в трактовках других теоретиков.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- предпринята одна из первых в отечественной и зарубежной науке попыток системного анализа идей Ф. Джеймисона сквозь призму политической философии;
- выделены и проанализированы его ключевые политико-философские концепции – идеологии, утопии и когнитивного картографирования, которые не только никогда ранее не рассматривались в таком ракурсе,

но и в целом крайне мало известны в российской социально-гуманитарной науке;

– установлены и проанализированы структурные и функциональные связи между основными категориями политической философии Ф. Джеймисона;

– раскрыты особенности становления политико-философских взглядов Джеймисона в контексте влияний различных теоретических направлений – марксизма, неомарксизма, структурализма, постмодернизма, что позволило выявить истоки его уникального философского комплекса, основанного на синтезе самых разных методологических традиций и парадигм, а также составить интеллектуальный портрет теоретика;

– в научный оборот введен целый пласт непереуведенных на русский язык работ Джеймисона, представлен реферативный обзор и детальный анализ их ключевых положений.

Основные результаты исследования, выносимые на защиту

1. Установлено, что теоретико-методологическая основа политической философии Ф. Джеймисона является синтезом отдельных элементов разных теоретических парадигм – классического марксизма, марксизма Ж.-П. Сартра и Г. Лукача, неомарксизма Франкфуртской школы, альтюссеррианского структурализма и постмодернистских теорий.

2. Выявлено, что несмотря на методологическое многообразие организующим ядром политической философии Ф. Джеймисона являются следующие марксистские принципы и установки: марксистский принцип историзма, предполагающий познание явлений в их становлении и развитии; принцип тотализации, разработанный Ж.-П. Сартром в рамках его марксистского проекта, который Джеймисон развивает и углубляет; идея Маркса о смене общественно-экономических формаций, которую Джеймисон развивает, выделяя третью стадию в развитии капитализма, называемую им «поздним капитализмом» и «мультинациональным капитализмом»; принцип классовой орга-

низации общества, идея классовой борьбы и разработанная Г. Лукачем идея классового сознания.

3. Установлено, что концепция постмодернизма как культурной логики позднего капитализма была концептуализирована Джеймисоном при помощи идеи реификации, разработанной Г. Лукачем, а также идеи культурной индустрии, разработанной теоретиками Франкфуртской школы.

4. Выявлено, что несмотря на то, что Джеймисон принимает некоторые принципы и категории описания постмодернистского общества и культуры, разработанные постмодернистскими теоретиками, такие как «шизофренический субъект» (Ж. Делез и Ф. Гваттари) и «симулякр» (Ж. Бодрийяр) и в целом концептуализирует культуру современного общества как постмодернизм, в отличие от теоретиков-постмодернистов, для которых свойственны позитивные или нейтральные оценки современных тенденций общественного развития, позиция Джеймисона в отношении последних носит ярко выраженный критический характер. Более того, он предпринимает попытки тотализировать постмодерн, что коренным образом противоречит базовым установкам теории постмодернизма. В этой связи утверждается, что характеристика политической философии Ф. Джеймисона как «неомарксистского постмодернизма», которая фигурирует в российской политической науке, является некорректной.

5. Определено, что концепция идеологии Ф. Джеймисона основана на синтезе альтюссерианского подхода к идеологии, лакановской концепции трех Порядков – Реального, Воображаемого и Символического, а также марксистской идеи о смене общественно-экономических формаций. В ходе исследования установлено, что Джеймисон рассматривает идеологию в качестве структурного элемента надстройки и, следовательно, считает производство идеологий неотъемлемой частью процесса общественного развития. Онтологическим основанием этой идеи у него выступает концепция трех порядков Ж. Лакана.

6. Выявлено, что в контексте культуры постмодернизма, которую Ф. Джеймисон характеризует как антиутопическую, он придает ключевое политическое значение утопии и утопическому мышлению. Называя человека общества постмодерна «шизофреническим субъектом», лишенным глубоких чувств, переживаний и собственных, не навязанных логикой капитализма желаний, Джеймисон наделяет утопию функцией «машины желания», «машины обещания», которая призвана восстановить способность субъекта мыслить утопически.

7. Установлено, что когнитивное картографирование в политико-философском проекте Ф. Джеймисона выполняет функцию политической стратегии, противопоставляемой им глобализации как политической стратегии позднего капитализма.

Апробация результатов исследования

Разные аспекты и выводы исследования представлялись автором в виде докладов на пленарном заседании Всероссийской междисциплинарной научной конференции «Открытый город: стратегии развития и формы публичности», 2014 г. (Екатеринбург); Международной междисциплинарной конференции «Моральная грамматика в современных обществах», 2014 г. (Екатеринбург); Международной научной конференции «Интеллектуальная культура Беларуси: истоки, традиции, методология исследования», 2014 г. (Республика Беларусь, г. Минск); Международной научной конференции «Философия в Беларуси и перспективы мировой интеллектуальной культуры», 2011 г. (Республика Беларусь, г. Минск). Отдельные положения диссертации были обсуждены с зарубежными экспертами в области современной марксистской политической философии и критической теории в рамках летней научной школы «Переосмысляя революцию: прошлое и современные перспективы», Таллинн, Эстония, 27 июля – 3 августа 2012, а также на заседании отдела философии Института философии и права УрО РАН.

Результаты исследования представлены в виде публикаций в журналах, входящих в перечень ВАК: «Социум и власть», «Научный Ежегодник

Института философии и права УрО РАН», «Полития». Автором диссертационного исследования были выполнены переводы с английского на русский язык двух статей Ф. Джеймисона: «Удовольствие: политический вопрос» и «Ленин как политический мыслитель», соответственно опубликованные в журналах «Логос» и «Научный Ежегодник Института философии и права УрО РАН».

Диссертант является автором более 15 научных работ, из которых 8 посвящены теме диссертации.

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы. Первая глава включает в себя 4 параграфа, вторая глава – 3 параграфа. Список литературы включает 293 наименования. Общий объем работы 157 с.

Глава 1. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ Ф. ДЖЕЙМИСОНА

1.1. Становление методологии Ф. Джеймисона в контексте влияния философии Ж.-П. Сартра

Первым изданным трудом Фредрика Джеймисона, согласно его официальной библиографии, стала опубликованная в 1961 г. книга «Сартр: истоки стиля». И хотя эта работа, написанная в качестве докторской диссертации в Йельском университете, где Джеймисон изучал французскую литературу под руководством известного филолога Эриха Ауэрбаха, в основном носила литературоведческий характер, уже в ней диалектически отразились некоторые тенденции последующего развития методологии исследователя, а также его философских и политических взглядов. Говоря о влиянии французского теоретика на раннем этапе творчества Фредрика Джеймисона, британский исследователь Шон Хомер отмечает, что «фигура Сартра, наряду с Лукачем и Адорно, остается одним из центральных ориентиров теоретического проекта Джеймисона»^{1, 2}. И действительно, на всем протяжении становления и развития этого проекта, характеризовавшемся интеграцией и диалектическим синтезом элементов различных парадигм, исследователь систематически обращается к творчеству Сартра. Так, в его последующих ключевых работах, в которых усиливается влияние марксизма, Джеймисон уделяет Сартру значи-

¹ *Homer S. Sartrean Origins // Fredric Jameson: a Critical Reader / ed. by Douglas Kellner and Sean Homer. Houndmills ; Basingstone ; New York, 2004. P. 2.*

² Сам Джеймисон в своих интервью неоднократно говорил о большом влиянии, которое в период его раннего формирования как исследователя оказала на него современная французская мысль и, в частности, Сартр. См., напр.: *Interview with Sara Danius and Stefan Jonsson // Jameson on Jameson: Conversations on Cultural Marxism / ed. by Ian Buchanan. Durham, NC, 2007. P. 153; Interview with Xudong Zhang // Jameson on Jameson: Conversations on Cultural Marxism / ed. by Ian Buchanan. Durham, NC, 2007. P. 176.*

тельное внимание. В вышедшей в 1971 г. книге «Марксизм и форма: диалектические теории литературы двадцатого века» анализу его взглядов посвящена большая глава «Сартр и история»¹. Неоднократно теоретик отсылает к идеям Сартра и в своей самой известной работе «Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма»². Французскому философу посвящен целый ряд статей Джеймисона³. Им же были написаны предисловия к англоязычному изданию первого и второго томов «Критики диалектического разума»⁴. Кроме того, одной из его последних по времени работ стала статья-послесловие к изданию брошюры французского философа «Что такое субъективность?» под названием «Актуальность Сартра»⁵.

В «Марксизме и форме», рассматривая развитие взглядов Сартра в контексте марксизма и пытаясь дать ответ на вопрос о характере его движения от экзистенциализма к последнему, которое, как доказывает Джеймисон, происходило не в логике разрыва или даже примирения, а в логике сосуществования, он указывает на важное, структурное свойство марксизма. «Таким образом, одно из наиболее поразительных свойств марксизма как философии отчетливо проявляется в опыте Сартра, который не является уникальным, а именно, что марксизм как таковой по той или иной причине не исключает приверженность к какой-либо другой философии; что можно быть одновременно и марксистом, и экзистенциалистом, феноменологом, гегельянцем, реалистом, эмпириком или кем-либо другим»⁶. Эта характеристика, данная Джеймисоном творчеству Сартра, всецело относится и к нему самому, отра-

¹ См.: *Jameson F. Marxism and Form: Twentieth Century Dialectical Theories of Literature*. Princeton, N.J. : Princeton Univ. Press, 1971. P. 206–305.

² *Jameson F. Postmodernism, Or, the Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham : Duke Univ. Press, 1990. 438 p.

³ См., напр.: *Jameson F. The Sartrean Origin // Sartre Studies International*. 1995. Vol. 1, iss. 1/2. P. 1–20; *Jameson F. Introduction to Sartre after Sartre // Yale French Studies*. 1985. № 68. P. III–XI.

⁴ См.: *Jameson F. Sartre's Critique, Volume One: an Introduction // Valences of the Dialectic*. London ; New York, 2009. P. 223–240; *Jameson F. Sartre's Critique, Volume Two: an Introduction // Valences of the Dialectic*. London ; New York, 2009. P. 241–253.

⁵ См.: *Jameson F. Actualité de Sartre // J.-P. Sartre. Qu'est-ce que la subjectivité? / pref. de M. Kail et R. Kirchmayr*. Paris, 2013. P. 177–187.

⁶ См.: *Jameson F. Marxism and Form ... P. 207.*

жая специфику его трактовки марксизма и формирования его собственной методологической позиции. В этом смысле совершенно понятным и объяснимым становится то затруднение, с которым сталкиваются исследователи в попытках вписать Джеймисона в какую-то определенную традицию, называя его то структуралистским марксистом, то постструктуралистским марксистом или постмодернистским марксистом¹.

Выявление генеалогии политико-философских и методологических взглядов Фредрика Джеймисона следует начать с рассмотрения тех концепций Жана-Поля Сартра, которые оказали конституирующее воздействие на формирование и последующее развитие теоретического проекта американского исследователя. С этой целью следует остановиться на ключевых концепциях, которые присутствуют в творчестве Жана-Поля Сартра, – свободы, истории и ее движущих сил. Именно эти концепции французского философа оказали определяющее влияние на формирование методологии Фредрика Джеймисона на начальном этапе его творчества и, что немаловажно, на его политическое мировоззрение, становление которого пришлось на послевоенные 1950–1960-е гг. Кроме того, детальное рассмотрение проблематики истории в сартровской трактовке позволит проследить логику развития концепции истории у самого Джеймисона, для которого, как утверждает Иэн Бьюкенен, именно она является единственным главным кодом, «тем кодом, который расшифровывает все другие»². Представляется необходимым осветить те историко-политические и культурные контексты, в которых произошло знакомство Фредрика Джеймисона с философией Сартра и другими европейскими теориями.

Тема свободы, глубоко и по-новому освещенная Жаном-Полем Сартром в его многочисленных работах, начиная с самого раннего этапа его творчества, оказалась весьма актуальной и своевременной для послевоенной Америки 1950–1960-х гг. Его идеи, хотя и были восприняты академической сре-

¹ *Homer S. Sartrean Origins*. P. 20.

² *Buchanan I. Fredric Jameson: Live Theory*. P. 58.

дой США крайне неоднозначно, тем не менее проникая постепенно оказали заметное влияние не только на интеллектуальную, но и опосредованно на политическую жизнь американского общества, которые в этот период особенно тесно переплелись между собой.

Как отмечает Энн Фултон, автор книги «Сторонники Сартра: экзистенциализм в Америке, 1945–1963»¹, знакомство американского академического сообщества с идеями французского философа произошло уже после Второй мировой войны, и на протяжении по меньшей мере двух последующих десятилетий отношение к самому Сартру и его концепциям в департаментах философии американских университетов и колледжей оставалось крайне противоречивым. Первоначальный скептицизм в оценке значимости Сартра как философа в среде американского философского сообщества был отчасти обусловлен достаточно прозаической причиной. На английский язык переводились в основном его литературные произведения. Поэтому отсутствие переводов основных философских трудов Сартра заставляло воспринимать сартрианство скорее как литературную школу². В этих условиях, главными центрами исследования творчества Сартра стали департаменты французской литературы американских университетов, где студенты и преподаватели благодаря хорошему знанию французского языка могли действительно глубоко изучить его работы. В частности, одним из таких центров являлся департамент французской литературы Йельского университета³, в котором в конце 1950-х – начале 1960-х гг. обучался Фредрик Джеймисон, защитив магистерскую, а затем и докторскую степень⁴ с диссертацией по теме «Сартр: истоки стиля». По признанию самого Джеймисона, важную роль в подготовке этой работы сыграл профессор Анри Пейр⁵, возглавлявший департамент французской литературы Йельского университета с 1939 г. по 1969 г. Пейр, как отме-

¹ См.: *Fulton A. Apostles of Sartre: Existentialism in America, 1945–1963. Evanston, Ill : Northwestern Univ. Press, 1999. P. 2.*

² См.: *Ibid. P. 22.*

³ См.: *Ibid.*

⁴ См.: *Roberts A. Op. cit. P. 3.*

⁵ См.: *Jameson F. Sartre: the Origins of a Style. New Haven : Yale Univ. Press, 1961. P. XII.*

чает Э. Фултон, активно направлял студентов на изучение экзистенциализма как литературного и философского течения и был одним из тех ученых выходцев из Франции, которые сыграли ключевую роль в знакомстве Америки с идеями Сартра¹.

Более близкое знакомство американских философов с философскими концепциями Сартра стало возможным только в 1956 г., когда на английский язык был окончательно переведен его фундаментальный труд «Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии». Однако до этого момента представления американских философов о сартровской философии главным образом основывались на знакомстве с небольшим эссе французского философа «Экзистенциализм», которое многими было воспринято довольно критично. Идеи Сартра об абсолютной свободе человека, заброшенного в мир и обреченного нести полную ответственность за свое существование, многим показались слишком пессимистичными. К примеру, один из молодых американских критиков Сартра того времени Оливер Беррис в своей рецензии на «Экзистенциализм» назвал его философию философией отчаяния². И даже Хейзел Барнс, ставшая впоследствии самым авторитетным американским специалистом по творчеству Сартра и популяризатором экзистенциализма в Америке, первоначально характеризовала его как «модную философию поражения и отчаяния»³, пришедшую из послевоенной Европы.

Вместе с тем неоднозначное отношение к Сартру в философских кругах было также обусловлено его стремлением дистанцироваться от академической среды, и что еще более существенно, его политической позицией. Дело в том, что с течением времени стали очевидными возросшие симпатии и интерес Сартра к марксизму, что в условиях политики маккартизма начала 1950-х гг. лишь усиливало подозрение к его идеям. «Охота на ведьм», раз-

¹ См.: *Fulton N.* Op. cit. P. 23–24.

² См.: *Barres O.* In the Depths of Despair. Existentialism by Jean-Paul Sartre // *The Saturday Review*. 1947. May 31. P. 14.

³ Цит. по: *Cannon B.* Hazel E. Barnes 1915–2008: A Tribute and Farewell // *Sartre Studies International*. 2008. Vol. 14, iss. 2. P. 92.

вернутая в рамках этого курса и нацеленная в общем и целом на борьбу с прокоммунистическими силами внутри государства и теми, кто симпатизировал им, велась и в стенах американских университетов¹. Жертвами этой борьбы стали в том числе и некоторые преподаватели высшей школы. По данным, приведенным в книге американского исследователя Джона Маккамбера «Время в кювете: американская философия и эра маккартизма», «98 преподавателей гуманитарных институтов стали либо объектами расследования, либо свидетелями противоположной стороны на заседаниях правительственных комиссий»². Вместе с тем по понятным причинам особое внимание проводников этого курса было обращено к философским департаментам как традиционным рассадникам свободомыслия и нежелательных идей. Так, из 742 преподавателей философии, входивших в состав Американской ассоциации университетских преподавателей, 1,2% оказались под давлением политики маккартизма, превысив по этому показателю число преподавателей английского языка и литературы в 4 раза и на 20% число преподавателей физики, удерживая таким образом, по оценкам Маккамбера, первое место среди представителей всех прочих областей знания³. В то же время не только американские, но и зарубежные интеллектуалы, симпатизировавшие левым идеям, вызывали настороженность у спецслужб США. В частности, и Жан-Поль Сартр, и Симона де Бовуар неоднократно оказывались в их поле зрения из-за своих критических высказываний в адрес американской культуры, внешней политики и маккартистского курса⁴.

¹ См., напр.: *Deery P.* «Running with the Hounds» Academic McCarthyism and New York University, 1952–1953 // *Cold War History*. 2010. Vol. 10, № 4, November. P. 469–492; *Devinatz V.G.* McCarthyism on the Charles: The Life and Times of Labour Historian Ray Ginger before and After His Dismissal from Harvard University // *Left History*. 2008. Vol. 13, iss. 2, Winter. P. 128–150.

² *McCumber J.* Time in the ditch: American philosophy and the McCarthy era. Evanston, Ill.: Northwestern Univ. Press, 2001. P. 25.

³ Ibid.

⁴ См.: *Friedman M.P.* Of Sartre, race, and rabies: «Anti-Americanism» and the transatlantic politics of intellectual engagement // *Atlantic Studies*. 2011. Vol. 8, № 3, September. P. 361–377.

В этих условиях политические и философские идеи Ж.-П. Сартра, которые были популярны и востребованы во Франции того времени, оказались почти на периферии официальной американской академической философии, где на тот момент господствующие позиции уже практически закрепила за собой аналитическая философия с характерной для нее позитивистской проблематикой и методологией, стремлением приблизить философию к науке свободной от пустых спекуляций и политической ангажированности. Анализируя результаты доминирования этого типа философии в американской академии, начиная с 1950-х гг. и на протяжении нескольких десятилетий американский философ Ричард Рорти констатировал, что в это время в департаментах философии фактически перестали изучать Г.В. Гегеля, Ф. Ницше, М. Хайдеггера и др. Как следствие в американских университетах идеи этих философов стали предметом дискуссий в других департаментах, например истории, политики и сравнительного литературоведения¹.

Наряду с указанными последствиями политики маккартизма ее запреты и ограничения произвели вполне ожидаемый обратный эффект. Как отмечает Фредрик Джеймисон, описывая свой личный опыт, именно маккартизм стал тем решающим фактором, который способствовал радикализации его взглядов в 1950-е гг.²

Обращение Джеймисона к Сартру было обусловлено не только беспристрастным философским поиском и исследовательским интересом, но и отчетливыми политико-мировоззренческими мотивами, а именно стремлением найти ролевую модель вовлеченного в политику интеллектуала³. По этому поводу сам Джеймисон отмечал: «...для целого поколения французских интеллектуалов, а также для других европейцев, особенно молодых британских левых, равно как и для американцев, таких как я, Сартр представлял собой

¹ *Rorty R. Philosophy in America Today // American Scholar. 1982. Vol. 51, № 2. P. 198.*

² *Buchanan I. Live Jameson // I. Buchanan. Fredric Jameson: Live Theory. London ; New York, 2006. P. 120.*

³ *Homer S. Sartrean Origins. P. 1.*

модель политически активного интеллектуала, одну из немногих ролевых моделей, что у нас были, но которой было достаточно»¹.

В 1960-е гг. с их революционным накалом, критическим переосмыслением социальных условий и обновленным дискурсом политической борьбы фигура французского философа сохранила свое значение для многих американских левых², а его идеи и язык отразились в способе артикуляции и интерпретации ключевых проблем, и в целом повлияли на формирование того политического нарратива 1960-х гг., который попытался стать альтернативой господствующему.

«Человек совсем не является *вначале*, чтобы *потом* быть свободным, но нет различия между бытием человека и его “свободным бытием”»³. Таков конституирующий принцип онтологии радикальной свободы Жана-Поля Сартра, сформулированный им в работе «Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии», который стал определяющим одновременно и для его философской, и для его политической программ. Однако в случае Сартра, это не просто одна из многих патетических деклараций и призывов к свободе, которые вдохновляли и служили идейным обоснованием протестных движений конца 1960-х гг. в Европе и Америке. Свобода для него является неизбежным следствием несотворенности человека, его заброшенности в мир, а также представления о том, что сознание человека есть чистое ничто и не содержит в себе ничего, что было бы ему имманентно, будучи при этом всецело обращено вовне в поисках своего постоянно ускользающего содержания. Это сознание, лишенное каких бы то ни было устойчивых, изначально данных, априорных оснований, и в силу этого вынужденное бесконечно конструировать себя, каждый раз делая свободный выбор, не подкрепленный никакими трансцендентальными «подсказками». Эта проблематичная ситуация имеет важное следствие: такая радикальная свобода порождает

¹ Цит. по: *Homer S. Sartrean Origins*. P. 4.

² *Cotkin G. Existential America*. Baltimor, MD : The Johns Hopkins Univ. Press, 2005. P. 226.

³ *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М. : АСТ Москва, 2009. С. 91.

чувство тревоги и отчужденности от мира, которое человек способен усмирить лишь проектируя и утверждая свое бытие в мире, в выборе которого он свободен.

Принципиально важную функцию в этом проектировании себя в мире для Сартра выполняет воображение. Описывая его онтологический статус в своей работе «Воображаемое: феноменологическая психология воображения», он отмечает: «...воображение не является некоей эмпирической и дополнительной способностью сознания, оно есть само сознание в целом, поскольку в нем реализуется свобода сознания; любая конкретная и реальная ситуация сознания в мире наполнена воображаемым в той мере, в какой она всегда представляет собой выход за пределы реального... Ирреальное порождается за пределами мира сознанием, которое *остаётся в мире*, и человек способен воображать именно потому, что он свободен в трансцендентальном смысле»¹. Таким образом, сознание человека в своей потенции всегда воображающее и именно воображение является тем, что позволяет человеку определить свое место в мире, установить контуры реального и пространство возможного. Анализируя концепцию воображения Сартра, Р. Талли отмечает его конституирующий потенциал, подчеркивая, что для французского философа «акт воображения сам по себе уже является способом формирования реальности, поскольку он устанавливает возможность для сознания понять реальный мир»².

Идея заброшенности и потерянности человека в мире в философии Сартра коррелирует с концепцией когнитивного картографирования Фредрика Джеймисона, которая в проекте американского теоретика занимает особое место, фактически выполняя функцию политической стратегии.

¹ Сартр Ж.-П. Воображаемое: феноменологическая психология воображения. СПб. : Наука, 2001. С. 306.

² Tally R.T., Jr. Sartre, Marcuse and the Utopian Project Today // CLCWeb: Comparative Literature and Culture. 2010. Vol. 12, № 1. URL: <http://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol12/iss1/2> . P. 5.

Анализируя положение субъекта в реальности и Сартр, и Джеймисон описывают его в терминах пространства. Сартрианская идея о творческом и свободном поиске человеком индивидуального проекта своего бытия-для-себя, превращающегося для него в собственный универсум, в центре которого он сам и оказывается, близка по своей сущности к требованию Джеймисона о поиске ментальных карт. И если в первом случае обретение своей «пространственности» равносильно обретению своего присутствия в мире и преодолению отчужденности от него, то во втором случае определение субъектом своего местоположения в социальной реальности имеет по сути тот же онтологический смысл.

Для Джеймисона человек/субъект так же как и для Сартра оказывается затерянным в пространстве реального. Однако, объясняя истоки этого проблематичного состояния, американский теоретик указывает на его вполне конкретные социально-исторические предпосылки, связывая потерянность и отчужденность человека от социальной реальности с логикой капитализма, в развитии которого он выделяет три стадии – классический или рыночный капитализм, монополистический капитализм или империализм и мультинациональный капитализм, который он также называет поздним. Сопоставляя поздний капитализм с классическим капитализмом и докапиталистическими формами социальности, Джеймисон делает вывод о том, что если в этих последних формах «непосредственный и ограниченный опыт индивидов все еще мог налагаться и совпадать с той реальной экономической и социальной формой, которая этот опыт определяла»¹, то капитализм в своей поздней стадии все чаще лишает индивидуальный опыт субъекта точек соприкосновения с социальной реальностью. И дело не столько в утрате ощущения значимости и аутентичности этого индивидуального опыта под унифицирующим воздействием глобализации, сколько в степени и интенсивности проникновения капиталистической логики во все без исключения сферы социальности. Джей-

¹ *Jameson F. Cognitive Mapping // Marxism and the Interpretation of Culture / ed. by C. Nelson, L. Grossberg. Urbana, 1988. P. 349.*

мисон утверждает, что в условиях позднего капитализма это проникновение становится тотальным как в пространстве реального, так и в пространстве символического, что делает фактически невозможным формулирование какого бы то ни было альтернативного индивидуального или общественного проекта, свободного от этой доминирующей логики. Для того чтобы восстановить способность человека/субъекта к политическому действию, то есть восстановить его статус как субъекта политического, для начала ему необходимо вернуть себе ощущение социального пространства и умение ориентироваться в нем. Поэтому и необходимы своего рода ментальные карты, которые обозначат контуры пространства и назовут его. В этой процедуре когнитивного картографирования Джеймисон приписывает большое значение воображению. Он отмечает, что «когнитивная картография имеет целью четкое выражение структуры Воображаемого в наших отношениях к социальным структурам»¹, которые мы можем постичь «только посредством воображаемого, в фантазии или в нарративе»². В этом отношении его проект снова сближается с проектом Сартра.

Таким образом, проанализировав пересечения взглядов Джеймисона с концепцией свободы Сартра, следует обратиться к еще более значимому вопросу, а именно сопоставить идеи Джеймисона и Сартра как теоретиков, работающих в широком русле марксистской традиции и придерживающихся диалектического метода и диалектического понимания истории. Концепция истории Джеймисона является фундаментом всей его теории и поэтому заслуживает отдельного внимательного изучения.

Ключевым для понимания концепции истории Джеймисона так же как и концепции истории Сартра является понятие тотализации. Как отмечает Джон О'Кейн, сам Джеймисон связывает свою концепцию тотализации

¹ Джеймисон Ф. Репрезентация глобализации. URL: <http://polit.ru/article/2010/04/05/jameson/>

² Там же.

непосредственно с трудом Сартра «Критика диалектического разума»¹. Одной из важных проблем, которую французский философ хотел решить в этой работе, стала разработка теории социально-исторической целостности², где он попытался синтезировать экзистенциализм и марксизм, соединив объективное и субъективное начала в развитии истории. Для Сартра человек/субъект всегда был первичен, однако «Критика диалектического разума», пожалуй, стала той его программной работой, в которой он впервые ясно и подробно, на языке политической философии сформулировал и обосновал идею о том, что «и на уровне производственных отношений, и на уровне политико-социальных структур отдельная личность оказывается обусловленной своими человеческими связями»³. Излагая свою позицию, Сартр утверждает, что коллективы и группы (которые он различает⁴) опосредуют бытие человека в мире⁵. И если коллективы образуют практико-инертное поле, представляя собой раздробленные инертные множества, в которых люди пассивно переживают историю, то группам он отводит роль действующей, преобразующей силы. «Группы, – пишет Сартр, – определяются своим действием (undertaking) и своим постоянным движением к интеграции, которое ведет к их превращению в чистый праксис, элиминируя из них все виды инерции»⁶. Важно подчеркнуть, что для Сартра коллектив и группа одинаково реальны, они *существуют*, однако он настойчиво указывает на опасность некоторых попыток тотализации этих понятий, которой, в частности, оказался подвержен советский марксизм. По мнению французского философа, последний в

¹ См.: O’Kane J. Adventures in Totalization: Jameson’s Search for a Method // Rethinking Marxism : A Journal of Economics, Culture and Society. 1998. Vol. 10, № 4, Winter. P. 57.

² См.: Skirbekk G., Gilje N. A History of Western Thought: From Ancient Greece to the Twentieth Century. London ; New York : Routledge, 2001. P. 443.

³ Сартр Ж.-П. Проблемы метода : статьи. М. : Акад. проект, 2008. С. 64.

⁴ См.: Sartre J.-P. Critique of Dialectical Reason. Collectives. URL: <https://www.marxists.org/reference/archive/sartre/works/critic/collectives.htm> .

⁵ В «Критике» Сартр также говорит о материальных факторах, определяющих бытие человека/субъекта, а именно, о нехватке ресурсов. Подробный анализ этого положения см., напр.: Monahan N.J. Sartre’s Critique of Dialectical Reason and the Inevitability of Violence. Human Freedom in the Milieu of Scarcity // Sartre Studies International. 2008. Vol. 14, iss. 2. P. 48–70.

⁶ Sartre J.-P. Op. cit.

своих попытках устранить всякую конкуренцию со стороны других теорий, лишился своего диалектического содержания, стал доктриной, «недостижимой для опыта»¹ и истории. А вместе с ним такая же участь постигла и ключевую для марксизма идею класса. Сартр настаивает на том, что класс не является некой существующей вне времени и истории социальной тотальностью, объединенной единым классовым сознанием и всегда готовой выступить на защиту своих классовых интересов. Угнетенные классы не являются революционными группами априори, они *осуществляют переход* «от состояния коллектива к праксису революционной группы»². Таким образом, классы, понимаемые как субъекты исторического процесса, не являются статичными образованиями, они *становятся* в ходе развития истории. Это положение Сартра можно привести в качестве контраргумента тем теориям, которые пытаются обосновать идею о смерти класса и теории классов³, то что Джеймисон назвал одним из самых действенных антимарксистских аргументов в риторике либерализма и антикоммунизма⁴.

Джеймисон так же как и Сартр убежден в релевантности дискурса классов, его необходимости и своевременности. Для него классы существуют, но структура классовой системы в условиях обществ постмодерна не проявлена. Вероятно по этой причине американский исследователь уделяет основное внимание не обоснованию положения о неизбывности классовой структуры общества (для него это скорее самоочевидный факт, нежели идея, требующая доказательства), а методам ее выявления. «Требование способности приобрести форму (*figurability*)⁵, необходимость в том, чтобы социальная реальность

¹ Сартр Ж.-П. Проблемы метода. С. 26.

² Sartre J.-P. Critique of Dialectical Reason The Fused Group. URL: <https://www.marxists.org/reference/archive/sartre/works/critic/fused-group.htm>.

³ См., напр.: Clark T.N., Lipset S.M. Are Social Classes Dying? // International Sociology. 1999. Vol. 6, № 4, December. P. 397–410; Pakulski J., Waters M. The Death of Class. London ; Thousand Oaks, Calif. : Sage Publications Ltd., 1996. VIII, 173 p.

⁴ См.: Jameson F. Class and Allegory in Contemporary Mass Culture: Dog Day Afternoon as a Political Film // Signatures of the Visible. New York, 1992. P. 35–54.

⁵ Используя понятие «*figurability*», Джеймисон указывает на его связь с фрейдизмом. В русскоязычных переводах Фрейда это понятие обычно переводится как «пластичность».

и повседневная жизнь развились до такого момента, когда лежащая в их основе скрытая классовая структура стала представимой и осязаемой», вот одно из ключевых требований Джеймисона¹.

Вместе с тем Джеймисон делает важный диалектический поворот, вступая в некоторое противоречие с традиционной трактовкой теории Маркса, согласно которой классовое сознание возникает в процессе осознания индивидами своих классовых интересов², утверждая, что «социальный класс является не только структурным фактом, но, что очень важно, он также является функцией классового сознания, и в действительности это последнее в такой же мере производит класс, в какой само является его продуктом»³. Иными словами, для американского исследователя не только развитие практики должно вести к вызреванию классового сознания, но и само это сознание, функционирующее как конструирующее себя самосознание, должно формировать своего носителя. В этом смысле Джеймисон не случайно ссылается на раннего Маркса, особо подчеркивая гегельянское происхождение цитируемого им высказывания: «недостаточно, чтобы только мысль пыталась осуществить себя; реальность также должна стремиться к мысли»⁴.

Далее Джеймисон утверждает, что сознание должно стремиться обнаружить контуры классовой структуры общества. Но поскольку диагностировать присутствие классов в структуре современного общества постмодерна привычными исследовательскими методами крайне проблематично, для этого их можно и нужно представить «аллегорически», сделать их доступными для воображения⁵. Аллегория становится для Джеймисона одним из ключевых механизмов, позволяющих реконструировать или, используя его терминологию, тотализировать исторический процесс во всей его целостности. Очевидно, понимая аллегория как «отход самодостаточности ее значения от кон-

¹ *Jameson F. Class and Allegory ... P. 37.*

² См., напр.: *Ollman B. Toward Class Consciousness Next Time: Marx and the Working Class // Politics and Society. 1972, Fall. Vol. 3, iss. 1. P. 2.*

³ *Ibid. P. 37.*

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ibid. P. 38.*

кретной репрезентации»¹, что позволяет ей «одновременно играть и с Идентичностью, и с Различием»², Джеймисон пытается тем самым установить онтологическую и телеологическую связь процедуры аллегоризации с процедурой тотализации.

По мнению Стивена Беста, Джеймисон рассматривает тотализацию как «процедуру, которая позволяет поместить на первый взгляд изолированные феномены в более широкий контекст отношений и выявить связи или опосредования между различными аспектами целого»³. Тот факт, что Джеймисон приписывает большое значение данной процедуре, подтверждается в частности тем, что ее анализу посвящены отдельные фрагменты многих его работ, вышедших в разное время, таких как «Марксизм и форма: диалектические теории литературы XX века» (1971)⁴, «Политическое бессознательное: нарратив как социально-символический акт» (1981)⁵, «Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма» (1990)⁶.

Необходимость обоснования и легитимации данной процедуры в современном теоретическом дискурсе Джеймисон объясняет не только методологическими мотивами, вступая в полемику с философами-постструктуралистами, которые, по его мнению, опровергая идею тотальности во имя различия, постоянного движения, диссеминации и гетерогенности, самой своей реакцией против нее, подтверждают ее статус⁷, но и политическими причинами. Так, еще в работе «Марксизм и форма» Джеймисон указывал на скрытую идеологическую подоплеку в господствующей сегодня на Западе теоретико-методологической парадигме, которая, по его мнению, преследует цель препятствовать познанию социального пространства во всей его сложности и целостности. Он пишет: «Очевидно, что доминирующей

¹ *Jameson F.* Brecht and Method. London ; New York : Verso, 1999. P. 153.

² *Op. cit.* P. 155.

³ Цит. по : *O'Kane J.* Adventures in Totalization ... P. 57.

⁴ *Jameson F.* Marxism and Form ...

⁵ *Jameson F.* The Political Unconscious. Narrative as a Socially Symbolic Act. Ithaca, N.Y. : Cornell Univ. Press, 1981. 305 p.

⁶ *Jameson F.* Postmodernism, Or, the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, 1990.

⁷ См.: *Jameson F.* The Political Unconscious ... P. 53.

идеологией западных стран является англо-американский эмпирический реализм, для которого любые формы диалектического мышления представляют угрозу и чья задача, по существу, состоит в том, чтобы служить средством контроля над общественным сознанием... Метод подобного мышления в его различных формах и видах предполагает разделение реальности на герметичные части, тщательное обособление политического от экономического, правового от политического, социологического от исторического, так, чтобы весь комплекс связей любой конкретной проблемы всегда оставался невидимым, а также ограничение отдельными, непосредственно поддающимися проверке утверждениями в целях воспрепятствовать любым формам спекулятивного и тотализирующего мышления, которое могло бы открыть перспективу на социальную жизнь как целое»¹. Эти же идеи повторяются в одной из его поздних работ, книге «Репрезентируя “Капитал”» (2011), где он продолжает связывать отрицание идеи тотальности с отрицанием самого марксизма².

Для Джеймисона процедура тотализации является одновременно и непременным условием самой возможности диалектического социального анализа, и интенцией сознания. Развертывание исторического процесса, с точки зрения американского исследователя, предстает перед нами в виде разрозненных фрагментов, за многообразием и видимой несвязанностью которых мы не можем увидеть Реальное – историю во всей ее целостности. Придать видимость этим связям и призвана процедура тотализации, которая, однако, все же не может обеспечить познающего субъекта привилегией увидеть целое с высоты птичьего полета. Поэтому вслед за Сартром Джеймисон рассматривает тотализацию как «частичное обобщение» (*partial summing up*)³, функция которого состоит «в нахождении наименьшего общего знаменателя

¹ *Jameson F.* *Marxism and Form ...* P. 367–368.

² *Jameson F.* *Representing Capital: A Reading of Volume One.* London ; New York : Verso, 2011. P. 4.

³ *Jameson F.* *Postmodernism, Or, the Cultural Logic of Late Capitalism.* Durham, 1990. P. 332.

для двух близких видов человеческой деятельности – восприятия и действия»¹.

То, что для Джеймисона процедура тотализации связана с интенциональностью сознания, которая, по Сартру, является единственным свойством, определяющим последнее, подтверждается его трактовкой идеи нигилизации (неантизации), изложенной французским философом в труде «Бытие и ничто», которую Джеймисон считает уже самой по себе «тотализирующей концепцией»². И действительно, если сознание, являясь «ничто» (*néant*), непрерывно направлено вовне в попытках преодолеть свою случайность и постоянно проектирует свое бытие-для-себя в мире, которое есть бытие-в-себе, то можно сказать, что тотализация в этом смысле оказывается одним из важных сущностных аспектов интенциональности сознания.

Вместе с тем Джеймисон указывает на то, что тотализация снимает различие между созерцанием и действием (*act*) и поэтому концептуально тождественна праксису, ибо, как отмечает американский исследователь, сама идея тотализации призвана выразить «единство, присущее человеческому действию (*action*)», и «то, что ранее было названо отрицанием, можно также рассматривать как создание новой ситуации»³.

Таким образом, проделанный анализ позволяет сделать вывод о том, что такие важные для всей теории Джеймисона категории как тотализация и класс в значительной степени сформировались под влиянием идей Сартра. Так же как и Сартр Джеймисон не только настаивает на необходимости тотализации социально-исторической действительности, но и признает естественные ограничения этой процедуры, которая в понимании обоих теоретиков возможна только в форме частичного обобщения. Более того, Джеймисон фактически рассматривает тотализацию как неотъемлемое свойство интенциональности сознания, подводя под процедуру тотализации при помощи

¹ Ibid.

² Ibid.

³ Ibid. P. 333.

этой идеи Сартра онтологическое основание. Что касается идеи класса, то от Сартра Джеймисон воспринял прежде всего его акцент на динамизме любой социальной общности, которая может переходить от состояния инертного коллектива к революционности группы. Этот динамизм инкорпорирован в джеймисоновское понимание класса и является его сущностной характеристикой. Однако очевидно, что в разработке собственной методологии Джеймисон не ограничился сартрианской версией развертывания социального. Решающую роль в становлении его политико-философских взглядов сыграл классический марксизм, а также идеи теоретиков так называемого западного марксизма, или Франкфуртской школы, отдельные концепции которых он творчески переработал и развил в рамках своего подхода.

1.2. Марксистские и неомарксистские истоки политико-философских идей Ф. Джеймисона

Джеймисон настойчиво подчеркивает свою близость к марксизму, определяя себя как марксистского теоретика. Он, несомненно, восхищается К. Марксом, глубиной его идей и недостижимостью заданного им методологического горизонта. Пристальное исследование методологии Джеймисона также обнаруживает глубокую укорененность его собственной методологии в марксизме, который обеспечивает единство и связность его политико-философских идей и задает ценностные ориентиры для всей его политической философии. Так, очевидно, что американский теоретик воспринял материалистические установки марксизма; инкорпорировал в свою модель познания марксистский принцип диалектики; фундировал свое понимание исторического процесса в марксовой идее об отношениях базиса и надстройки; опирался на идею Маркса об идеологии как ложном сознании при формулировании собственной концепции идеологии. Вместе с тем, учитывая специфику

общественно-политической обстановки в США времен молодости Джеймисона и некоторую обособленность от интеллектуальных процессов в Европе, очевидно, что некоторые идеи Маркса первоначально были восприняты им сквозь призму взглядов более поздних марксистских теоретиков и неомарксистов.

Фигура венгерского теоретика Георга Лукача стала одним из основных ориентиров в марксизме для Джеймисона. Его влияние оказалось столь велико, что некоторые исследователи окрестили Джеймисона «американским Лукачем»¹. И действительно, концепции тотальности и реификации Лукача, творчески переработанные Джеймисоном, стали важной частью его собственной методологической системы, сочетаясь зачастую с идеями казалось бы принципиально иного порядка. По воспоминаниям Джеймисона, его знакомство с творчеством венгерского марксиста, первоначально достаточно косвенное и поверхностное, началось в 1950-е гг. во время учебы в колледже. Более глубокое представление о его идеях молодой Джеймисон получил в 1956 г. в Берлине², где он проходил обучение по программе Фонда Фулбрайта³. В Америке он стал одним из первых, кто начал писать о Лукаче не только с литературоведческих позиций, но и с позиций политической философии. Первой в этом смысле для него стала третья глава в книге «Марксизм и форма» (1971), озаглавленная как «Случай Георга Лукача»⁴.

Тот факт, что философские идеи⁵ венгерского теоретика в течение довольно долгого времени не пользовались большой популярностью в Амери-

¹ См.: *Pawling C. The American Lukacs? Fredric Jameson and Dialectical Thought // Fredric Jameson: a Critical Reader / ed. by Douglas Kellner and Sean Homer. Houndmills ; Basingstone ; New York, 2004. P. 22–41.*

² См.: *Interview with Fredric Jameson // Lukacs after Communism : Interview with Contemporary Intellectuals / Eva L. Corredor. Durham, NC, 1997. P. 75.*

³ Fredric Jameson. Duke Program in Literature. Awards, Honors and Distinctions. URL: <http://literature.duke.edu/people?Gurl=&Uil=812&subpage=profile>.

⁴ См.: *Jameson F. Marxism and Form ... P. 160–205.* Ранее эта часть книги была опубликована в виде отдельной статьи, см.: *Jameson F. The Case For George Lukács // Salmagundi. 1970. № 13, Summer. P. 3–35.*

⁵ Литературоведческие работы Лукача в Америке оказались более востребованными. Его «Исторический роман» был опубликован в Нью-Йорке в 1963 г., см.: *Works of Georg*

ке¹, объясняется вполне объективными причинами: изначальным языковым барьером, марксистской ориентацией, революционностью и просоветской позицией Лукача, который (в отличие от теоретиков Франкфуртской школы, отправившихся в эмиграцию на Запад с приходом нацистов к власти в Германии) движимый политическими мотивами в конце 1929 г. на долгое время покинул Европу и поселился в советской Москве².

Пожалуй, самой ранней работой, написанной о Лукаче и изданной в Америке, стала книга Виктора Зитты «Марксизм Георга Лукача: Отчуждение, Диалектика, Революция. Исследование утопии и идеологии» (1964)³, которая, однако, носила довольно резкий критический характер в плане оценки как политической деятельности, так и философских идей венгерского теоретика-марксиста. Так, к примеру, по мнению Эдварда Саида, «ничье моральное осуждение в адрес Лукача так сильно не было связано с обвинениями в интеллектуальном терроризме, как критика враждебного В. Зитты, чей «Марксизм Георга Лукача» (1964) возводит истоки всех зол этого мира к марксистской диалектике Лукача»⁴. Характерным стало также и то, что предисловие для нее написал Гарольд Лассуэл, известный американский политолог и один из разработчиков бихевиористского подхода в политической науке, с позиций которого он, собственно, и попытался рассмотреть линию жизни и деятельности Лукача. Некоторыми своими тезисами статья Лассуэла напоминает перевернутую советскую критику буржуазной философии, к

Lukács in Non-Hungarian languages I // *Studies in Soviet Thought*. 1966. Vol. 6, № 2, June. P. 157–161.

¹ Его первым изданием философского плана в США, стала книга «Marxism and Human liberation: Essays on History, Culture and Revolution», опубликованная в 1973 г. в Нью-Йорке. Однако знакомство с марксизмом Лукача безусловно происходило и раньше через оригиналы текстов и их переводы на английский язык, выходившие в Великобритании. Кроме того, в архиве американского журнала «левой» направленности «Dissent» за 1958 г. обнаружилась статья, посвященная Лукачу, см.: *Stern L. George Lukacs: An Intellectual Portrait // Dissent*. 1958. Vol. 5, № 2, Spring. P. 162–173.

² См., напр.: *Стыкалин А.С.* Дьердь Лукач – мыслитель и политик. М. : Степаненко, 2001. С. 54–107.

³ См.: *Zitta V.* Georg Lukács' Marxism: Alienation, Dialectics, Revolution. A Study in Utopia and Ideology. Hague : Martin Nijhoff, 1964. 305 p.

⁴ *Said E.W.* Between Chance and Determinism: Lukacs's Aesthetik // *Reflections on Exile and Other Essays*. Harvard, 2002. P. 62.

примеру, когда он говорит о том, что «“диалектический метод” является мощенничеством; что хуже, он развязывает руки убийственной мании самопровозглашенных сверхлюдей»¹. Острой критике в труде Зитты подверглась и ключевая политико-философская работа Георга Лукача «История и классовое сознание».

Эта книга венгерского теоретика стала доступной англоязычной публике только в 1971 г. после ее публикации в Англии² и затем почти одновременно в США³ в переводе Родни Ливингстона. Книга вызвала интерес среди исследователей, который воплотился в ряде рецензий на нее, вышедших в ведущих, в том числе американских, научных журналах. Тон рецензий был в целом положительным, однако прежде всего их объединяло признание важности знакомства англоязычной академии с этой работой, которая, по общему мнению, восполнила существовавший долгое время досадный пробел⁴. Вероятно в том числе и по этой причине попытки Джеймисона интерпретировать политико-философские идеи Лукача и других малоизвестных в США теоретиков марксизма и неомарксизма вызвали резонанс в американской академической среде, а его работе «Марксизм и форма» были даны высокие оценки⁵. Среди прочих философских работ венгерского исследователя именно «История и классовое сознание» оказала особенное влияние на становление теоре-

¹ *Lasswell H.D.* Georg Lukacs's Vita : [introduction] // Georg Lukács' Marxism: Alienation, Dialectics, Revolution. A Study in Utopia and Ideology. Hague, 1964. P. X.

² См., напр.: *Willenz E.* Review: History and Class Consciousness: Studies in Marxist Dialectics by Georg Lukacs, Rodney Livingstone // *World Affairs*. 1971. Vol. 134, № 3, Winter. P. 278–280; *Flores J.* Review: Proletarian Meditations: Georg Lukács' Politics of Knowledge // *Diacritics*. 1972. Vol. 2, № 3, Autumn. P. 10–14.

³ См.: *Lukacs G.* History and Class Consciousness. London : Merlin Press, 1971. 408 p.

⁴ См.: *Lukacs G.* History and Class Consciousness. MIT Press, 1972. 408 p.

⁵ См., напр.: *Piccone P.* Review. Marxism and Form: Twentieth Century Dialectical Theories of Literature by Fredric Jameson // *The American Political Science Review*. 1976, Dec. Vol. 70, № 4. P. 1272–1273. (В своей рецензии Пикконе подчеркивает, что Джеймисону удалось «охватить весь горизонт марксистской теории»); *Osterle H.D.* Review. Marxism and Form: Twentieth Century Dialectical Theories of Literature by Fredric Jameson // *The German Quarterly*. 1973, Nov. Vol. 46, № 4: Bertolt Brecht: 75th Anniversary of His Birth. P. 660–667. (Остерле указывает на то, что книга Джеймисона является «первой последовательной американской интерпретацией эстетической и социальной мысли шести радикальных европейских философов: Теодора Адорно, Вальтера Бенямина, Герберта Маркузе, Эрнста Блоха, Георга Лукача и Жана-Поля Сартра» (p. 660)).

тического проекта Джеймисона. Корнел Уэст справедливо называет его верным последователем этой фундаментальной работы Лукача¹.

Одной из ключевых категорий, на которую опирается Лукач в статьях, вошедших в «Историю и классовое сознание», является категория тотальности. Ранее в ходе рассмотрения сартрианских контекстов в методологии Джеймисона, уже шла речь о сходном понятии – тотализации, предложенном французским философом и интегрированным Джеймисоном в его собственный подход. Однако еще во введении к первому тому «Критики диалектического разума» американский теоретик подчеркивал, что категория тотализации была введена Сартром специально для того, чтобы обозначить отличие своей концепции от концепции Лукача². Активно используя оба эти понятия в своих работах Джеймисон также проводит между ними границу – по линии их отношения к возможности постижения Реального, которую он обозначил в книге «Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма». В ней он пишет, что в отличие от тотализации понятие тотальность означает полагание возможности некоего привилегированного взгляда, который позволяет увидеть целое³. Однако в этой точке возникает коллизия между категориями тотальности и тотализации, категорией Лукача и категорией Сартра, которые Джеймисон одинаково активно использует в своем дискурсе, но которые противоречат друг другу в рассмотренном семантическом разрезе. Почему это противоречие возникает и как снимается Джеймисоном в его собственной методологии? Какие элементы семантики категории тотальности Лукача он действительно воспринял и интегрировал в собственную концепцию?

Отвечая на данные вопросы важно сказать об одном примечательном наблюдении: в работах разного времени Джеймисон довольно гибко исполь-

¹ См.: West C. Fredric Jameson's Marxist Hermeneutics // *Boundary 2*. 1982, Autumn –1983, Winter. Vol. 11, № 1/2: Engagements: Postmodernism, Marxism, Politics. P. 177.

² См.: Jameson F. *Sartre's Critique, Volume One: an Introduction*. P. 229.

³ См.: Jameson F. *Postmodernism, Or, the Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham, 1990. P. 332.

зует понятия тотальности и тотализации, зачастую смешивая и варьируя их там, где проведение границы между ними не имеет принципиального смыслового значения. Однако сколько бы ни усложняло это обстоятельство восприятие и анализ текстов американского теоретика, уяснение различных семантических оттенков этих двух категорий в его понятийном аппарате имеет большое значение для понимания его методологической позиции.

Представляется, что, отсылая к Лукачу в приведенном выше определении тотальности, сам Джеймисон все же склоняется к принятию позиции Сартра и его скептического, или даже пессимистического, взгляда на перспективы познающего субъекта охватить тотальность во всей ее целостности, все попытки которого сводятся в итоге к процессу бесконечного, но всегда лишь частичного суммирования отдельных ее элементов. Такая позиция является органическим следствием сартрианских представлений о сознании как чистом *ничто* и его интенциональности, одним из аспектов которой и является интенция к тотализации. В этой ситуации, принимая тезис Лукача об априорной постижимости тотальности, Джеймисон пошел бы в разрез с этими онтогносеологическими принципами. К тому же такое гибкое и вместе с тем лишенное упрощений отношение к вопросу о тотальности дает американскому теоретику возможность выстраивать более сложные и вариативные связи с постструктуралистскими и постмодернистскими концепциями, сторонники которых выступают резко против любых дискурсов тотальности.

Вместе с тем понятие тотальности в концепции Лукача выполняет не только гносеологическую функцию. В статье «Классовое сознание» он отождествляет ее с производственным строем на определенном уровне общественного развития¹. Именно эта трактовка идеи тотальности венгерского марксиста приобретает особое значение для Джеймисона.

В своей статье «Марксизм и постмодернизм» Джеймисон прямо заявляет о том, что тотальность в его понимании есть не что иное как способ произ-

¹ См.: Лукач Д. Классовое сознание // История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М., 2003. С. 149.

водства¹. Возводя вслед за марксистским экономистом Рональдом Линдли Миком истоки этой концепции к «теории четырех стадий», возникшей в середине XVIII в. одновременно и во Франции, и в Шотландии времен Просвещения и связывавшей историческое развитие общества со сменой четырех форм в производственном базисе – охоты и собирательства, пастбищного животноводства, земледелия и торговли², американский теоретик так же как и Лукач настаивает на том, что историю нужно рассматривать как смену способов производства и основанных на них общественных форм. Венгерский философ пишет об этом: «история как раз и является историей этих форм, историей изменения этих форм, понятых как формы сплочения людей общества, как формы, которые господствуют над всеми отношениями между людьми, начиная с экономических вещественных отношений (а значит и над отношениями людей к себе самим, к природе и т.д.)»³. У Джеймисона эта идея воплощается в утверждение о необходимости продолжить линию Маркса-Ленина и концептуализировать складывающуюся на современном этапе систему общественных отношений как новую форму, которую он называет поздним капитализмом.

Следует вернуться к продолжению тезиса Лукача, хотя и заключенному им в скобки, но все же имеющему принципиальное значение. Это замечание указывает на истинный ракурс его марксистского анализа, который нацелен на выявление диалектических связей между способом производства и формами классового сознания, а также бытием индивида. Как представляется, именно Лукача можно назвать тем теоретиком, который сумел развить не до конца проработанную у Маркса идею классового сознания, а также проследить логику реификации общественных отношений и индивидуального сознания в условиях капитализма. Обе эти позиции ключевые для всей полити-

¹ См.: *Jameson F. Marxism and postmodernism // The Cultural Turn. Selected Writings on the Postmodern, 1983–1998. London ; New York, 1998. P. 40.*

² См.: *Ibid. P. 41.*

³ *Лукач Д. Указ. соч. С. 147.*

ческой философии Лукача были восприняты Джеймисоном и получили развитие в его собственных работах.

Джеймисон придает большое значение марксистской идее классового сознания и тому продолжению, которое она получила в работах Лукача. В своих трудах он последовательно проводит мысль о том, что категория классового сознания сохраняет свою важность и в условиях постмодерна. Американский теоретик настаивает на том, что классы продолжают существовать, но в постмодернистском обществе с его характерными атрибутами классовая структура не проявлена. Более того, как отмечает Джеймисон, здесь риторика классов заменяется риторикой групп, что влечет за собой принципиально иное описание социальной действительности. Эта новая риторика придает обществу антропоморфные черты и тем самым отвлекает от механизмов его функционирования, которые выдвигали на первый план классовые категории. И если в основе категории класса лежит идея производства, то в основе категории группы – идея института, которую Джеймисон называет «более подозрительной и настолько же антропоморфной»¹. Дискурс групп так легко вытесняет дискурс классов еще и потому, что группа в гораздо большей степени, чем класс, воспринимается как носитель некой устойчивой идентичности. Последний же напротив, как говорит теоретик, «как будто бы всегда находится на расстоянии от самого себя и должен много сделать для того, чтобы уверить себя в своем собственном существовании»². В этом смысле обретение классом своего классового сознания, с точки зрения Джеймисона, в условиях общества постмодерна становится принципиально важной задачей.

Лукач считает, что практически-исторической функцией классового сознания является схватывание тотальности данного общества. Без классового сознания, полагает он, «класс может играть лишь подчиненную роль, он не

¹ *Jameson F.* Postmodernism, Or, the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, 1990. P. 346.

² *Ibid.* P. 346.

способен вмешиваться в ход истории, задержать или подстегнуть его»¹. Иными словами, для венгерского теоретика классовое сознание является непременным условием победы в классовой борьбе. Схожую точку зрения относительно функции классового сознания высказывает и Джеймисон. В своей теории он модифицирует эту классическую марксистскую концепцию, помещая ее в контекст новых социальных условий, порождаемых глобальным капитализмом. Так же как и Лукач в свое время он настаивает на необходимости тотализации социальной действительности этой новой фазы капитализма, и так же как и венгерский теоретик в схватывании этой действительности приоритетную роль он отдает классовому сознанию, отождествляя последнее с осуществлением процедуры когнитивного картографирования. То, что Джеймисон подразумевает под когнитивным картографированием именно классовое сознание, подтверждается его следующим недвусмысленным высказыванием. «Когнитивное картографирование в действительности есть не что иное, как кодовое слово для “классового сознания”»: оно лишь выражает нужду в классовом сознании нового и невообразимого ранее типа, а также изменяет ракурс рассмотрения той новой спатильности, которая характерна для постмодерна»².

Однако и Лукач, и Джеймисон полагают, что эмансипация классового сознания в условиях капитализма значительно затруднена. Лукач связал это затруднение с феноменом реификации. В общем виде под реификацией в марксистской теории понимается «акт (или результат этого акта) трансформации человеческих свойств, отношений и действий в свойства, отношения и действия произведенных человеком вещей, которые стали независимыми (и которые представляются изначально независимыми) от человека и управляют его жизнью. Так же это трансформация человеческих существ в подобия вещей, которые действуют не как люди, а в соответствии с законами вещного

¹ Лукач Д. Указ. соч. С. 151.

² Jameson F. Marxism and postmodernism. P. 49.

мира»¹. Джеймисон верно характеризует концепцию реификации Лукача как синтез марксовых представлений о товарном фетишизме и товарной форме и веберовских идей о рационализации². Действительно, венгерский теоретик продолжает линию Маркса, направленную на осмысление эволюции товарной формы, которая, как он полагает, в условиях капитализма приобретает универсальный характер. Согласно Лукачу, принципиальное различие между товаром как одной из существующих форм обмена вещей в обществе и товаром как универсальной формой состоит в том, что «товарное отношение как отдельное явление оказывает в высшей степени отрицательное влияние на строение и расчленение общества»³. Рассуждая в первую очередь о пролетариате, он подчеркивает, что в конечном счете подчиняясь товарной логике, рабочий должен воспринимать свой труд как товар и «самого себя в качестве “владельца” собственной рабочей силы как товара»⁴. Он заключает, что в этом факте отражается «обесчеловеченный и обесчеловечивающий характер товарного отношения»⁵, который оказывает влияние на структуру всего общества. В то же самое время Лукач показывает, что реификации объективно способствует рационализация процесса производства. Эта рационализация не только ведет к исчезновению единого продукта как предмета трудового процесса, она разрывает и единство самого субъекта. Это происходит потому, что вследствие рационализации процесс производства превращается в механически-закономерный процесс, который функционирует независимо от человека. В такой системе человеческие свойства и особенности рабочего выступают лишь «источниками погрешностей», которые должны быть нивелированы. В свою очередь, следствием этого становится качественное изменение в характере труда самого рабочего. Как отмечает Лукач, он «теряет свой

¹ *Petrovic G. Reification // A Dictionary of Marxist Thought / ed. by Tom Bottomore, Laurence Harris, V.G. Kiernan, Ralph Miliband. Cambridge, MA, 1983. P. 411.*

² См.: *Jameson F. History and Class Consciousness as an Unfinished Project // Valences of the Dialectic. London ; New York, 2009. P. 204.*

³ *Лукач Г. Овеществление и сознание пролетариата // История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М., 2003. С. 181.*

⁴ *Лукач Г. Овеществление и сознание пролетариата. С. 187.*

⁵ Там же.

деятельностный характер и превращается в контемплиативную установку»¹. Иными словами, в такой системе человек превращается из самостоятельного и деятельного субъекта в придаток системы, которую он рассматривает как нечто внешнее, существующее объективно и не зависящее от его воли. Далее теоретик подчеркивает, что эти изменения преобразуют и само сознание человека. Он приходит к выводу, что капиталистическая рационализация производства изменяет даже «основные категории непосредственного отношения людей к миру: данный процесс подводит под общей знаменатель пространство и время, нивелирует время, уравнивая его с пространством»². Время утрачивает свою подвижность и текучесть: «оно застывает, становится континуумом, точно ограниченным и заполненным количественно измеримыми “вещами” (овеществленными, механически объективированными, неукоснительно отделенными от совокупной личности человека “результатами” труда рабочего: время становится пространством»³. Эту проблему трансформации сознания поднял и Джеймисон, поставив вопрос о конце темпоральности в условиях постмодерна⁴. Для американского теоретика здесь спатиализация темпоральности приобретает огромные масштабы и воплощается в безразличии к будущему, оборотной стороной которого является ностальгия. «Время, – отмечает Джеймисон, – превратилось в вечное настоящее и таким образом стало пространственным. Наше отношение к прошлому теперь является пространственным»⁵. Так же как и Лукач Джеймисон связывает этот феномен спатиализации с реификацией и коммодификацией.

Джеймисон повторяет Лукача в своем утверждении о том, что наемный труд является той сферой, в которой наиболее драматично разыгрываются процессы реификации и коммодификации, где рабочая сила превращается в

¹ Там же. С. 185.

² Там же.

³ Лукач Г. Овеществление и сознание пролетариата. С. 185.

⁴ См.: Jameson F. The End of Temporality // The Ideologies of Theory. London ; New York, 2008. P. 636–658.

⁵ Interview with Anders Stephanson // Jameson on Jameson: Conversations on Cultural Marxism / ed. by Ian Buchanan. Durham, NC, 2007. P. 47.

вещь вследствие рациональной организации и калькуляции времени и приобретает меновую стоимость¹. Он справедливо отмечает, что в понятии реификации венгерского теоретика присутствуют элементы семантики марксистского понятия коммодификации². Сам он довольно часто использует оба эти понятия, а также понятие товарной реификации³ (*commodity reification*), которое помогает ему выйти из терминологической путаницы внесенной лучевским пониманием реификации в и без того сложную систему марксистских понятий. Джеймисон убежден, что именно этот феномен является ключевым в развитии капитализма⁴, хотя, по его замечанию, он имел второстепенный статус для марксизма в условиях модерна⁵.

Джеймисон рассматривает феномен товарной реификации прежде всего в контексте позднего капитализма, поскольку считает, что только на этом этапе товарная форма достигла своей наивысшей универсальности. Здесь он лишь мельком затрагивает вопрос об экономической природе этого феномена, уделяя основное внимание его эффектам в области сознания – классового и индивидуального. В то же самое время следует отметить, что Джеймисон стремится показать отдельно влияние реификации и коммодификации на классовое сознание. Так, описывая реификацию как «трансформацию человеческих отношений в подобие отношений между вещами»⁶, он четко обозначает ту негативную функцию, которую выполняет реификация в отношении репрезентации классовой структуры общества и классового сознания. «Реификация позднего капитализма ... делает общество непрозрачным: она является тем неиссякаемым источником мистификаций, на котором зиждется идеология и посредством которого легитимируются доминирование и эксплуатация. Поскольку фундаментальной структурой социальной “тотально-

¹ *Jameson F. Commodification // Valences of the Dialectic. London ; New York, 2009. P. 258.*

² *Ibid. P. 259.*

³ См.: *Ibid. P. 257–266.*

⁴ *Ibid. P. 266.*

⁵ *Ibid.*

⁶ *Jameson F. Reflections on the Brecht-Lukacs Debate // The Ideologies of Theory. London ; New York, 2008. P. 447.*

сти” является система классовых отношений ... реификация неизбежно затемняет классовый характер этой структуры и сопровождается не только аномией, но и все возрастающим замешательством относительно вопроса о природе и даже самом существовании социальных классов, что можно широко наблюдать сегодня во всех “развитых” капиталистических странах»¹. Иными словами, согласно Джеймисону, реификация вуалирует классовые антагонизмы и не позволяет классам осознать свое классовое положение, а значит и не позволяет эмансипироваться классовому сознанию.

Механизм товарной реификации функционирует таким образом, что уже в нем самом заложена тенденция к постоянному расширению и универсализации. Именно реификация, как полагает теоретик сделала возможным появление феномена коммодификации. По мнению Джеймисона, в качестве тенденции она имманентно присутствовала в самой ткани капитализма и на первой, и на второй стадиях его развития, однако в условиях позднего капитализма она приобретает наиболее масштабный и всеобъемлющий характер. Степень реифицированности и коммодифицированности различных сфер социальной жизни является для Джеймисона одним из тех признаков, основываясь на которых теоретик проводит границу между модерном и постмодерном, и выделяет поздний капитализм в новую стадию. Принципиально важным является утверждение Джеймисона о том, что в условиях модерна коммодификация носила еще незавершенный характер, в то время как в условиях постмодерна логика коммодификации проникает во все сферы, даже в область бессознательного и природы, которые ранее ей не подчинялись². Ш. Хомер подчеркивает, что к этому перечню более не свободных от коммодификации анклавов в понимании Джеймисона относится и Третий мир³. В связи с этим следует говорить о том, что для Джеймисона реификация и коммодификация и как экономические, и как социально-психологические феноме-

¹ Ibid.

² *Jameson F.* Transformations of the Image in Postmodernity // *The Cultural Turn: Selected Writings on the Postmodern 1983–1998.* London ; New York, 1998. P. 134.

³ *Homer S.* Fredric Jameson ... P. 169.

ны в условиях позднего капитализма распространяются и экстенсивно в глобальном масштабе, и интенсивно, по-новому осваивая уже захваченные области социальной жизни.

Говоря о коммодификации бессознательного, Джеймисон подчеркивает, что его подчинение капиталистической логике происходило в значительной степени «посредством медиа и рекламы»¹. Он, очевидно, достраивает свою концепцию коммодификации, привлекая идеи теоретиков Франкфуртской школы (Теодор Адорно, Герберт Маркузе), которые одними из первых подвергли критике новую культуру масс-медиа и рекламы. Они показали, что эти феномены современной капиталистической культуры функционируют как скрытые механизмы подчинения, которые встроены в систему культурной индустрии. Так, Т. Адорно на основе своего исследования телевидения утверждал, что масс-медиа влияют на психику индивида, фактически регулируя потребности и желания аудитории². Г. Маркузе, у которого Джеймисон непосредственно учился во время пребывания немецкого теоретика в Америке³, в свою очередь рассматривал их как новые формы контроля. С его точки зрения, масс-медиа и реклама теперь контролируют сам образ жизни и мышление человека, которое подчиняется логике товарного потребления. Распространение единых стандартов потребления, согласно Маркузе, создает иллюзию равенства, однако не стирает, а скорее всего лишь затеняет классовые границы. «Это уподобление, – отмечает теоретик, – указывает не на исчезновение классов, а на степень усвоения основным населением тех потребностей и способов их удовлетворения, которые служат сохранению Истеблишмен-

¹ Interview with Paik Nak-Chung // Jameson on Jameson: Conversations on Cultural Marxism / ed. by Ian Buchanan. Durham, NC, 2007. P. 80.

² Adorno T. How to look at Television // The Culture Industry: Selected Essays on Mass Culture. London ; New York, 2005. P. 158–177.

³ О том, что Джеймисон был студентом Маркузе в Сан Диего, упоминает в своем интервью Славой Жижек, см.: Zizek S. Liberation Hurts : An Interview with Slavoj Zizek by Eric Dean Rasmussen. URL: <http://www.lacan.com/zizekillinois.htm> . Этот факт также косвенно подтверждается в документальном фильме о судьбе Маркузе в Америке, в котором Джеймисон вспоминает о демонстрациях студентов в Сан Диего, направленных против политического давления на университеты, см: Herbert's Hippopotamus: Marcuse and Revolution in Paradise. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=gbzhmMDFcFQ> .

та»¹. Маркузе приходит к выводу, что эти новые тенденции в развитии капитализма ведут к формированию модели «одномерного мышления и поведения, в которой идеи, побуждения и цели, трансцендирующие по своему содержанию утвердившийся универсум дискурса и поступка, либо отторгаются, либо приводятся в соответствие с терминами этого универсума, вписываются в рациональность данной системы и ее количественных измерений»². Таким образом, привлечение критической концепции культурной индустрии, разработанной теоретиками Франкфуртской школы, позволило Джеймисону обосновать качественный скачок в экспансии реификации и коммодификации в условиях позднего капитализма и описать механизм превращения товарной формы в универсальную.

На уровне индивидуального сознания воздействие реификации Джеймисон описывает как расстройство той функции картографирования, посредством которой субъект проектирует и моделирует свое место в общности»³. Это означает, что в текущих условиях эмансипация классового сознания оказывается невозможной, и как следствие класс не может действовать как единый политический субъект. Тем не менее американский теоретик испытывает оптимизм в отношении политической роли пролетариата в будущем. Он говорит, что «не нужно пророка, чтобы предсказать, что новый международный пролетариат (формы которого мы пока не можем вообразить) возникнет вновь»⁴. Позднее он даже сформулировал стратегию противостояния системе позднего капитализма. Это отличает Джеймисона от теоретиков Франкфуртской школы, для которых скорее характерен скептицизм, или даже пессимизм, выражающийся, в частности, в некоторой политической апатии и сомнении относительно возможности эмансипации классового сознания в условиях возрастающего доминирования капитализма, а также неверие в по-

¹ Маркузе Г. Одномерный человек. М. : REFL-book, 1994. С 297.

² Там же. С.16.

³ Jameson F. Reflections on the Brecht-Lukacs Debate. P. 447.

⁴ Цит. по: Ashley D. Playing with the Pieces: The Fragmentation of Social Theory // Critical Theory Now / ed. by Philip Wexler. London, 1991. P. 70–97.

литическое будущее пролетариата. Ярким примером этому может служить Маркузе, который если и видел небольшую социальную нишу, в которой могла бы зародиться революция, то в качестве таковой он рассматривал не пролетариат, а прослойку «отверженных и аутсайдеров, эксплуатируемых и преследуемых представителей других рас и цветных, безработных и нетрудоспособных»¹.

Таким образом, понимание Джеймисоном проблемы классового сознания и реификации в значительной степени сформировалось под влиянием идей Георга Лукача. Он логически продолжил линию венгерского теоретика при описании выделенной им самим третьей стадии капитализма, показав, что реификация и коммодификация являются ключевыми тенденциями ее развития и на этой стадии приобретают универсальный характер, чего еще не было в условиях монополистического капитализма. Механизмы проникновения товарной логики в ранее некоммуцифицированные анклавы социального и индивидуального он обосновывает опираясь на концепцию культурной индустрии, разработанную теоретиками Франкфуртской школы, указывая на особую роль средств массовой информации и рекламы в этом процессе. Имея это в виду, Джеймисона можно рассматривать как теоретика близкого к неомарксизму, однако его оптимизм в отношении будущего классовой борьбы сближает его с традиционным марксизмом. Тем не менее марксистские теории не являются единственным источником формирования философских и политических взглядов Джеймисона, которые также испытали влияние структуралистских и постмодернистских теорий.

1.3. Особенности рецепции структуралистской методологии в политической философии Ф. Джеймисона

¹ Маркузе Г. Указ. соч. С. 336–337.

Восхождение структурализма и повышение интереса к его идеям и принципам в академической среде Франции, а позднее и США, было обусловлено целым рядом причин. Джеймисон и другие западные теоретики, особенно работавшие в марксистском ключе и испытывавшие влияние марксистского экзистенциализма Сартра, постепенно начали осознавать ограниченность и лакуны его теории, которая так или иначе была продуктом своего места и времени – послевоенной Европы с ее попытками преодолеть наследие фашизма, вновь найти человека и понять истоки и границы его свободы. Как отмечает Н.С. Автономова, на этом этапе «перед экзистенциализмом возникла задача, заведомо неразрешимая в рамках его теоретической платформы: иначе задать человека в культуре, отказаться от его “персональности”, “индивидуальности” как самоподразумеваемой первоочевидности для теоретического мышления, иначе осмыслить взаимоотношения человека и общества, осмыслить системное единство “социально-гуманитарной” действительности»¹. Эту задачу и попытались решить теоретики-структуралисты.

Несмотря на многообразие дисциплинарных полей, где работали структуралисты Клод Леви-Стросс в этнологии, Жак Лакан в психологии, Ролан Барт в литературоведении, Луи Альтюссер в философии, всех их объединяла «критика такого сознания, которое превращает конкретно-историческое, приходящее, изменяющееся во вневременное, абсолютное, “самоподразумеваемое”»². Иными словами, одна из главных целей структурализма состояла в возвращении принципа историзма в социальную теорию, что, безусловно, роднило его с марксизмом. Сам Джеймисон, говоря об историческом сдвиге от экзистенциализма к структурализму, позитивно оценил некоторые импликации последнего, шедшие вразрез с экзистенциалистской логикой. Одну из главных целей структуралистов он увидел в их стремлении развернуть соци-

¹ Автономова Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках : (Критич. очерк концепций французского структурализма). М. : Наука, 1977. С. 24.

² Там же. С. 50.

альную теорию от феноменологических концепций опыта в сторону экономических структур и структур бессознательного¹. Обе эти цели структуралистской теории коррелировали и пересекались в некоторых точках с траекторией развития теоретического проекта самого Джеймсона. Наиболее отчетливо в идеях Джеймсона проявляется влияние структуралистской методологии французского теоретика Луи Альтюссера, которое отразилось в развитии одной из его ключевых идей, которая имеет парадигмальное значение для всей его теории – идеи истории как политического бессознательного.

Так же как и для теоретиков-структуралистов возвращение принципа историзма в социальную теорию становится основополагающей задачей теоретического проекта Джеймсона, лозунгом которого можно считать его известный тезис «Всегда историзируй!»², открывающий одну из его самых влиятельных работ «Политическое бессознательное: нарратив как социально-символический акт». Озабоченность Джеймсона проблематикой истории была обусловлена не только его приверженностью марксистским установкам, но и ситуацией, сложившейся в американской социальной и гуманитарной науке, которой традиционно была присуща ориентация на позитивизм и эмпиризм. Так, в литературоведении, в рамках которого происходило первоначальное становление Джеймсона как теоретика, интеллектуальный климат длительное время определялся спором между консервативными «новыми критиками» и марксистской теорией – двумя непримиримыми методологическими традициями, развившимися в лоне американского литературного критицизма в 1930-е гг.³ Лидирующие позиции в этом споре занимали «новые критики», которые утверждали, что литература лежит за пределами политики, тем самым отстаивая антиисторический подход в своих исследованиях. Оппонировавшие же им марксистские литературные критики, придерживаясь

¹ Interview with Srinivas Aravamudan and Ranjana Khanna // *Jameson on Jameson: Conversations on Cultural Marxism* / ed. by Ian Buchanan. Durham, NC, 2007. P. 206.

² *Jameson F. The Political Unconscious ...* P. X.

³ См., напр.: *Leitch V.B. American Literary Criticism since the 1930s*. 2nd ed. London ; New York : Routledge, 2010. 432 p.

обратной методологической позиции, «пытались осмыслить создание и интерпретацию литературы как социальный акт, теснейшим образом вовлеченный в процесс формирования течения истории»¹. С укреплением позиций марксистской критики, а также с приходом в американское литературоведение в 1960–1970-е гг. структурализма и постструктурализма – и в особенности деконструктивизма, к которому Джеймисон был близок в начале 1980-х гг.² – баланс сил изменился, однако проблема историзма в теории по-прежнему оставалась актуальной. Что касается политической науки, то утвердившиеся в ее границах аналитические установки – эмпиризм и прагматизм – воплотились впоследствии в таких мощных методологических направлениях как бихевиоризм и постбихевиоризм, которые поступательно вытесняли традиционализм³ и на долгие годы определили вектор ее дальнейшего развития. Характерную для американской политической науки слабость внутренних критических импульсов задолго до этого диагностировал Франц Нойманн, иммигрировавший в США из нацистской Германии марксистский теоретик и исследователь политики. В одной из своих книг он описывал свои наблюдения, касавшиеся характерных черт американской науки: «Воспитанные в почитании теории и истории и презрении к эмпирицизму и прагматизму, немецкие эмигранты оказались в диаметрально противоположном интеллектуальном климате: оптимистичном, эмпирически ориентированном, аисторичном, но при этом самоуверенном»⁴.

Таким образом, обоснование историзма как парадигмального основания социальной теории в американском контексте представлялось весьма актуальной задачей. Тем не менее перед любым теоретиком, ставящим перед собой такую задачу, неизбежно возникает вопрос о том, что такое история. В

¹ *Reed T.V. Re-Historicizing Literature // A Companion to American Literature and Culture / ed. by Paul Lauter. Chichester ; Malden, MA, 2010. P. 97.*

² *Homer S. Fredric Jameson ... P. 36.*

³ *21st Century Political Science : A Reference Handbook / ed. by John T. Ishiyama and Marijke Breuning. Sage Publications, 2010. P. 3–10.*

⁴ Цит. по: *Farr J. Political Science // The Cambridge History of Science. Cambridge Univ. Press, 2003. Vol. 7: The Modern Social Sciences. P. 321.*

этом смысле главным источником представлений Джеймисона, несомненно, всегда был марксизм с его пониманием истории как последовательной смены общественно-экономических формаций. Однако проблемы и противоречия, обнаружившиеся в процессе реализации коммунистического проекта в целом ряде стран, подорвали доверие к марксизму и как к политической практике, и как к теории, породив так называемую «проблему Сталина». Суть ее состояла в укоренении убеждения в том, что любые попытки реализовать коммунистический проект приведут к тем же результатам, что и все предыдущие подобные эксперименты. Иллюстрацию такой логики приводит исследователь В. Доулинг, описавший логическую цепочку, которую выстраивали философы-постструктуралисты: «(1) Гегель предложил идею Абсолютного Духа, а вместе с ней и телеологию истории, вред которой ограничивался рамками идеалистической системы; (2) затем Маркс перенес эту телеологию в свою материалистическую концепцию Истории...; (3) снятие противоречий в конце этого телеологического процесса, с приходом к власти Сталина или любого коммунистического диктатора, оборачивается уничтожением различий посредством грубой силы»¹. Как отмечает Джеймисон, сложившаяся ситуация стала тем опытом поражения, «который был связан с тем почти всеобщим ощущением бессилия, которое охватило широкие слои общества во всем мире с конца 1960-х гг., и с глубокой уверенностью в фундаментальной невозможности сколько-нибудь реальных перемен в наших обществах»². В этой связи представляется вполне закономерным и оправданным обращение Джеймисона к структурализму как к новому источнику обоснования марксистской трактовки истории, и в первую очередь к методологии Альтюссера, который переосмыслил марксизм в структуралистских категориях и предпринял попытку решить «проблему Сталина»³.

¹ Dowling W.C. Jameson, Althusser, Marx. An Introduction to The Political Unconscious. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1984. P. 50.

² Джеймисон, Ф. Реально существующий марксизм. // Логос 3 (48), 2005. P. 211.

³ Dowling W.C. Jameson, Althusser, Marx. An Introduction to The Political Unconscious. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1984. P. 13.

Понимание Джеймисоном истории в значительной степени сформировалось под влиянием разработанной Альтюссером идеи структурной каузальности, которая была сформулирована им в ходе его критики экспрессивной каузальности. Последнюю французский теоретик ассоциировал с Гегелем. Альтюссер считал, что гегелевская концепция истории, описывающая историю как развертывание Абсолютного Духа, Идеи и основанная на диалектике сознания, является в сущности крайне упрощенной и грубой детерминистской концепцией. Этот грубый детерминизм Гегеля, с точки зрения Альтюссера, заключается в том, что рассматривая общество как единство двух сфер – материальной жизни, воплощенной в гражданском обществе, или экономике, и духовной жизни, воплощенной в государстве, которое понимается как высшее проявление Идеи, – немецкий философ устанавливает жесткие отношения зависимости первой сферы от второй. «Для Гегеля, – отмечает Альтюссер, – материальная жизнь (гражданское общество, т.е. экономика) – всего лишь Хитрость Разума, которая хотя и обладает на первый взгляд определенной автономией, но на самом деле приводится в движение чуждым ей законом: законом государства, т.е. духовной жизни»¹. Далее Альтюссер продолжает, указывая на то, что Гегель устанавливает между гражданским обществом и государством «отношение сущности и явления, сублимированное в понятии “истина чего-то другого”»². Поэтому «у Гегеля государство есть “истина” гражданского общества, которое благодаря Хитрости Разума оказывается всего лишь его собственным явлением, феноменом, находящим в нем свое осуществление»³. Иными словами, как справедливо отмечает А. Асситер, у Гегеля события истории предстают всего лишь как проявления Идеи⁴. Существенно же то, что органическим следствием этой логики становится фактическое признание тождества этих двух сфер – политического и эконо-

¹ Альтюссер Л. Противоречие и сверхдетерминация // За Маркса. М., 2006. С. 156.

² Там же. С. 161.

³ Там же.

⁴ Assiter A. Althusser and Structuralism // The British Journal of Sociology. 1984. Vol. 35, № 2, June. P. 272–296.

мического. В этом детерминизме и состоит сущность экспрессивной каузальности, которую Альтюссер подвергает критике. Он пытается очистить марксизм от такой, как он считает, часто приписываемой ему гегелевской диалектики, и приводя в доказательство суждения Маркса и Энгельса, показывает, что в марксизме эта экспрессивная каузальность исчезает. Французский теоретик полагает, что марксизму присуща другая, более сложная модель каузальности. С одной стороны, в нем признается «детерминация “в конечном счете” со стороны (экономического) способа производства; с другой – относительная автономия надстроек и их специфическая действенность»¹. Эта идея становится для Альтюссера основой для разработки альтернативной концепции структурной каузальности.

Идея структурной каузальности предполагает существование таких отношений между базисом и надстройкой, структурой и суперструктурой, экономикой и другими социальными структурами, при которых экономика является детерминантой по отношению ко всей структуре лишь в «конечном счете». На первый план здесь выступает сама структура как целое, которая, согласно Альтюссеру, «всегда есть нечто большее, чем сумма ее частей»². В работе «Читая капитал», написанной совместно с Этьеном Балибаром, Альтюссер подчеркивал, что «само существование структуры состоит в ее эффектах»³. Структура как целое определяет бытие ее элементов, однако ее влияние на них невозможно увидеть эмпирически. Поэтому Альтюссер называет структуру «отсутствующей причиной»⁴, а механизм ее воздействия сверхдетерминацией, используя понятие Фрейда, которое французский теоретик переносит на почву социальной теории.

Опираясь на эту идею французского структуралиста, Джеймисон трактует историю как такую отсутствующую причину⁵, которую он называет по-

¹ Альтюссер Л. Указ. соч. С. 162.

² Dowling W.C. Op. cit. P. 66.

³ Althusser L., Balibar E. Reading Capital. Pt. 1. New Left Books, 1970. P. 189.

⁴ Althusser L., Balibar E. Op. cit. 338 p.

⁵ Jameson F. The Political Unconscious P. 101.

литическим бессознательным. Примечательно, что для описания своего понимания истории он так же как и Альтюссер заимствует понятие у Фрейда.

По аналогии с фрейдовским понятием индивидуального бессознательно-го, которое было призвано описать скрытые, иррациональные слои психики, наряду с разумом управляющие человеком, понятие политического бессознательного Джеймисон ввел для того, чтобы обозначить присутствие неких скрытых структурных механизмов уже в социальном мире, лежащем за пределами индивидуального сознания. Ш. Хомер полагает, что политическим бессознательным американский теоретик в действительности называет коллективное бессознательное¹. Однако очевидно, что у Джеймисона оно не тождественно ни аналогичному понятию у Фрейда, ни юнгианской идее коллективных мифов. Политическое бессознательное в его трактовке это сама история, а этот концепт призван подчеркнуть ее особое значение и указать на специфическую логику тех форм, в которых она проявляет себя.

Согласно Джеймисону, история так же как и бессознательное у Фрейда, и структура у Альтюссера в своей полноте и непосредственности недоступна для познания и проявляет себя лишь в своих эффектах. В этом он следует за Альтюссером с его пониманием истории как отсутствующей причины. Это одновременно и онтологическая, и гносеологическая проблема истории, которая не позволяет увидеть подлинные причинно-следственные связи социальных процессов и всю систему отношений, образующих общество. Однако именно история определяет конкретные формы отношений и идеологий.

Будучи марксистом Джеймисон рассматривает историю через призму теории способов производства. Именно способ производства, по Джеймисону, сейчас это капитализм в своей поздней форме, является концентрированным выражением конкретной эпохи, ее доминирующей структурой. Согласно марксистской теории, каждая такая форма характеризуется складыванием специфической для нее системы общественных отношений, конфигурация которой детерминирована логикой данного способа производства. Джейми-

¹ *Homer S. Fredric Jameson ... P. 48.*

сон разделяет это положение, но предостерегает от его упрощенного понимания, которое часто ведет к тому, что история трактуется линейно лишь как последовательная смена таких форм. Он предлагает более диалектично взглянуть на проблему развития истории. В свой дискурс о способах производства теоретик вводит категорию синхронии и показывает, что развитие способов производства не является синхроническим.

Джеймисон отмечает, что с позиции синхронии способ производства рассматривается исключительно как внутренне целостная тотальная система, которая подчиняет своей логике и абсорбирует все изменения, являющиеся согласно этой точке зрения, простой инверсией самой системы¹. Все оппозиционные и критические практики здесь оказываются вписанными в логику системы, которая их всегда «предугадывает и помещает в заданные границы»². В этой парадигме переход к новому способу производства неизбежно происходит в форме тотального разрыва с прежней системой и характерными для нее практиками. Однако, как утверждает Джеймисон, в действительности этого не происходит. Вслед за Никосом Пуланзасом американский теоретик подчеркивает, что на практике любая социальная формация всегда «состояла в пересечении и структурном сосуществовании нескольких способов производства одновременно, включая пережитки и сохранившиеся элементы старых способов производства, вытесненные на структурно зависимые позиции в условиях нового способа, а равно как и зарождающиеся вновь тенденции, потенциально несовместимые с существующей системой, но еще не образовавшие свое собственное автономное пространство»³. Иными словами, согласно Джеймисону, историческое развитие неизбежно сопровождается инерцией практик, онтологической причиной которой является несинхроническое развитие самих способов производства. Он предлагает называть это свойство истории метасинхронией. Смена доминирующего способа произ-

¹ *Jameson F. The Political Unconscious ... P. 91.*

² *Ibid.*

³ *Ibid. P. 95.*

водства, согласно Джеймисону, происходит только тогда, «когда сосуществование различных способов производства становится уже очевидно антагонистическим»¹. В этом смысле «открытая революция»² является всего лишь самым острым моментом непрерывной борьбы сосуществующих способов производства.

Таким образом, понимание Джеймисоном истории как политического бессознательного в значительной степени сформировалось под влиянием идеи структурной каузальности Л. Альтюссера. У Джеймисона структурой, действующей как отсутствующая причина, является конкретная общественно-экономическая формация, которая характеризуется сосуществованием нескольких способов производства одновременно при явном доминировании одного. Само бытие этой структуры и ее внутренние противоречия неявным образом проявляются в развитии ее отдельных элементов – культуры, политических и общественных отношений. Именно такое понимание истории обуславливает специфику стратегии развертывания Джеймисоном своих политико-философских взглядов, для которой характерен не детерминизм, а диалектизм.

1.4. Развитие политико-философских взглядов Ф. Джеймисона в контексте формирования постмодернистских теорий

Для Джеймисона проблема разработки методологии, способной уловить контуры постмодерности, встала чрезвычайно остро. Безусловно, он не был первым исследователем, введшим постмодернистскую проблематику в оборот социальной и политической теории. Пионерами в этой области были ев-

¹ Ibid.

² Ibid. P. 97.

ропейские философы – французские теоретики-постструктуралисты¹, которые задали доминирующий дискурсивный порядок описания постмодерна.

В «левой» академической среде Фредрику Джеймисону приписывается особая роль в разработке теории постмодерна. Так, по мнению известного австралийского исследователя культуры, работающего в русле критической теории, Иэна Бьюкинена, значение Джеймисона заключалось в том, что он своими работами изменил сам модус представления мира о себе². Похожее суждение высказал влиятельный британский неомарксистский теоретик Перри Андерсон, заявив, что Джеймисон «одним росчерком перечертил всю карту постмодерна»³. А Дуглас Келлнер, которого называют представителем третьего поколения Франкфуртской школы⁴, и Шон Хомер, посвятивший ряд работ исследованию идей Джеймисона, вовсе назвали его «ведущим теоретиком постмодерности»⁵.

Первая работа Джеймисона, в которой он предпринял попытку концептуализировать постмодерн, стала статья «Постмодернизм и общество потребления», впервые опубликованная в 1983 г.⁶ и созданная на основе одноименного эссе теоретика, которое было озвучено в ходе публичных чтений в Музее Американского искусства Уитни в Нью-Йорке в 1982 г.⁷. Далее последовало несколько переизданий этой статьи, новая статья о постмодернизме – «Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма»⁸, ряд других

¹ В своей работе Перри Андерсон указывает на то, что само слово «постмодернизм» появилось в испаноговорящем мире еще в 1930-е гг.

² См.: *Buchanan I.* Fredric Jameson: Live Theory. P. 78.

³ *Anderson P.* Op. cit. P. 54.

⁴ См.: *Anderson J.* The “Third Generation” of the Frankfurt School. URL: <http://www.marcuse.org/herbert/scholaractivists/00JoelAnderson3rdGeneration.htm>.

⁵ *Kellner D., Homer S.* Introduction // Fredric Jameson: a Critical Reader / ed. by Douglas Kellner and Sean Homer. Houndmills ; Basingstoke ; New York, 2004. P. XII.

⁶ Статья была впервые опубликована в журнале *Anti-Aesthetic*, см.: *Jameson F.* Postmodernism and Consumer Society // *The Anti-Aesthetic* / ed. Hal Foster. Seattle ; Washington, 1983. P. 111–125.

⁷ См.: *Buchanan I.* Fredric Jameson: Live Theory. P. 78.

⁸ *Jameson F.* Postmodernism, Or, the Cultural Logic of Late Capitalism // *New Left Review*. 1984. № 146. P. 52–92.

гих статей и интервью о постмодернизме¹, сборник эссе, написанных на основе лекций, которые Джеймисон прочитал в Шэньсийском педагогическом университете в Китае², и наконец его главная работа, сделавшая его всемирно известным не только в узких академических кругах, «Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма», опубликованная в 1990 г.³. Далее тема постмодернизма и постмодерности получила развитие в сборнике «Культурный поворот»⁴, в который вошли избранные статьи Джеймисона о постмодернизме за 1983–1998 гг.

Однако о признаках наступления новой эпохи Джеймисон стал говорить гораздо раньше. Как отмечает И. Бьюкинен, еще в книге «Марксизм и форма» (1971) он «начал описывать и классифицировать симптомы времени, которое он позднее назвал постмодерном, но тогда называл просто новым модернизмом»⁵. В этой работе Джеймисон пока лишь нащупывал свой собственный понятийный аппарат, используя при описании новой нарождающейся общественно-экономической ситуации такие обороты, как «постиндустриальный капитализм» или «постиндустриальный монополистический капитализм». Эти понятия указывают на то, что Джеймисон как марксист стремился сохранить акцент на капитализме и структурных изменениях внутри капиталистической системы в условиях возрастающей популярности концепции постиндустриального общества⁶, которая сместила аналитический фокус с экономики и общественных отношений на развитие технологий. Тем

¹ См.: Publications Fredric Jameson. URL: <http://fds.duke.edu/db/aas/Romance/faculty/jameson/publications>.

² См.: Publications Fredric Jameson; *Jameson F. Postmodernism & Cultural Theories*. Xi'an : Shaanxi Normal Univ. Press, 1987. 232 p.

³ См. первое изд.: *Jameson F. Postmodernism, Or, the Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham, 1990.

⁴ *Jameson F. The Cultural Turn: Selected Writings on the Postmodern 1983–1998*. London ; New York : Verso, 1998. 206 p.

⁵ *Buchanan I. Fredric Jameson: Live Theory*, P. 79.

⁶ В этот период появился целый ряд работ, в которых разрабатывалась концепция постиндустриального общества, среди них см.: *Tominaga K. Postindustrial Society and Cultural Diversity // Survey*. 1971. Vol. 16, № 1, Winter. P. 68–77; *Bourricaud F. Post-Industrial Society and the Paradoxes of Welfare // Survey*. 1971. Vol. 16, № 1, Winter. P. 43–59; *Bell D. The Post-Industrial Society: the Evolution of an Idea // Survey*. 1971. Vol. 17, № 2, Spring. P. 102–168.

не менее идеи, высказанные Джеймисоном в данной книге, фактически предвосхитили его теорию позднего капитализма и постмодернизма как его культурной логики. Так, уже тогда он говорил о совершенно новом, разрушительном характере этой модификации капитализма: «неразрывность настоящего, истории и доисторического прошлого, похоже, окончательно разрушена новыми способами производства и организацией постиндустриального капитализма»¹. А также указывал на опасный характер новых феноменов культуры: «...развитие постиндустриального монополистического капитализма привело к затемнению классовой структуры посредством техник мистификации, которые использовали средства медиа и в особенности рекламы с ее стремительной экспансией с начала холодной войны»².

Однако в своих последующих работах, вышедших в 1970-е гг., Джеймисон все чаще начинает описывать новую общественно-экономическую ситуацию с помощью понятий «поздний капитализм» и «мультинациональный капитализм», которые появляются уже в такой работе как «Идеология текста»³ (1975–1976), и уже более детально и осмысленно представлены в статье «Воображаемое и символическое у Лакана»⁴. По замечанию самого Джеймисона, понятие «поздний капитализм» было заимствовано им у Эрнеста Манделя, который изложил свою концепцию в одноименной работе⁵, опубликованной в 1972 г. В ней Мандель представляет историю капитализма как последовательную смену трех стадий – соревновательного капитализма, монополистического капитализма и, наконец, позднего капитализма. Начало этой последней фазы он относил примерно к 1940-м гг. и считал, что она является продолжением монополистической фазы – ленинского империализма, отражая и углубляя все ее тенденции. «Эра позднего капитализма, – отмечал

¹ *Jameson F.* Marxism and Form ... P. XVII.

² *Ibid.*

³ *Jameson F.* The Ideology of the Text // *The Ideologies of Theory*. London ; New York, 2008. P. 20–75.

⁴ *Jameson F.* Imaginary and Symbolic in Lacan // *The Ideologies of Theory*. London ; New York, 2008. P. 77–124.

⁵ *Mandel E.* Late Capitalism. London ; New York : Verso, 1998. 620 p.

Мандель, – не является новой эпохой капиталистического развития. Это всего лишь продолжение развития эпохи империализма, монополистического капитализма. Таким образом, это означает, что черты империалистической эпохи, перечисленные Лениным, полностью сохраняются в позднем капитализме»¹. Далее он детализирует данный тезис, заявляя, что «*поздний капитализм, будучи весьма далек от того, чтобы воплощать в себе некое постиндустриальное общество, являет собой тот период, когда все отрасли хозяйства, впервые становятся полностью индустриализованными; к чему также можно добавить усиливающуюся механизацию сферы обращения... и суперструктуры*»². Джеймисон рассматривает поздний капитализм как экономическую систему, которая воплощает в себе процесс географического расширения капитализма в духе неокOLONиализма и усиления господства финансового капитала в глобальном масштабе, и в этом смысле он так же как и Мандель, продолжает линию Ленина, развернутую им в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма»³. О том, что Джеймисон в значительной степени считает поздний капитализм продолжением империализма, косвенно свидетельствует также и то, что он зачастую смешивает и отождествляет эти понятия: «использование мною этого термина [поздний капитализм] является данью уважения Манделю...; Ленин, как мы видели, описывает его как “высшую” стадию, в то время как Гильфердинг более осмотрительно называет его просто “jüngste”, новейшим, что, несомненно, является более предпочтительным»⁴. Тем не менее Джеймисон полагает необходимым концептуализировать совокупность изменений в современной общественно-экономической системе как отдельную стадию, и вслед за ним считает признаком наступления новой стадии капитализма возникновение транснациональных экономических структур. Другими характерными чертами позднего

¹ Ibid. P. 10.

² Ibid. P. 191.

³ Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // В.И. Ленин. Избр. произведения : в 4 т. М., 1988. Т. 2. С. 1–98.

⁴ Jameson F. Culture and financial capital // The Cultural Turn: Selected Writings on the Postmodern 1983–1998. London ; New York, 1998. P. 139.

капитализма как экономической системы американский теоретик считает «новое международное разделение труда, совершенно новую динамику банковской сферы и фондовой биржи, ... новые формы средств коммуникации, компьютеризацию и автоматизацию, перенос производства в развитые страны Третьего мира»¹. В этом смысле сопоставление концепций позднего капитализма Мандела и Джеймисона позволяет сделать вывод о том, что в экономических аспектах они в значительной степени совпадают. В действительности принципиальное различие между ними лежит совсем в другой плоскости – в тех специфических отношениях между базисом и надстройкой – экономикой и культурой – и их динамике, которые Джеймисон считает определяющими для системы позднего капитализма. Концептуализация Джеймисоном культуры этой последней стадии капитализма как постмодернизма отсылает к постмодернистскому направлению в социальной теории. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть джеймисоновскую критику постмодернизма как теории и практики и в ходе этого анализа выявить особенности эволюции его собственной концепции.

В предисловии к англоязычному изданию Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна» (1984), первому из вышедших в свет работ по постмодернистской проблематике², Джеймисон предельно четко формулирует свое представление о характере связи между способом производства как базисом и культурой как элементом надстройки: «...хотя категория способа производства, – отмечает теоретик, – зачастую неверно трактуется в узко экономическом или “производственном” смысле, очевидно, что ее правильное объяснение требует структурного анализа и определения надстроечных уровней данной общественной формации и, в первую очередь, функции и пространства, которые должны быть отведены самой культуре: не может быть удовлетворительной модели конкретного способа производства без теории о его исторической и диалектической специфике и той уникальной роли культуры, ко-

¹ *Jameson F. Postmodernism, Or, the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, 1990. P. XIX.*

² Эта работа Лиотара была впервые опубликована в 1979 г.

торуую она играет в его рамках»¹. Постулируя этот тезис о тесной взаимосвязи базиса и надстройки – экономики и культуры – американский теоретик тем самым формулирует свою главную претензию к постмодернистской теории, к той «войне против тотальности», которая, как он полагает, была объявлена теоретиками-постмодернистами и воплотилась в лозунге Лиотара «объявим войну тотальности!»².

В своих работах о постмодернизме Джеймисон делает то, что до него не делали ни апологеты, ни критики постмодернизма: он предпринимает попытки тотализировать постмодерн, что коренным образом противоречит базовым установкам теории постмодернизма, сформулированным его более ранними теоретиками. Более того, как утверждает Мартин Джей, именно резко враждебное отношение к идее тотальности является тем важным критерием, который позволяет отнести к постструктуралистам такие значительные фигуры, как Жак Деррида, Мишель Фуко, Жак Лакан, Ролан Барт, Жиль Делёз, Жан-Франсуа Лиотар, Юлия Кристева, Филип Соллерс, Жорж Батай, Морис Бланшо, Пьер Клоссовски³.

Постмодернизм констатировал закат метанарраций и указал на то, что отныне социальная реальность организуется не вокруг неких центров, а по принципу ризомы, то есть лишена единого семантического стержня и обладает неисчерпаемым потенциалом самоконфигурирования⁴. Таким образом, организованную ситуацию современности постмодернистская философия назвала постмодерном.

В сложившихся условиях в затруднительном положении оказался марксизм – и как политическая доктрина, и как интеллектуальная традиция. Во-первых, потому, что признание правомочности приобретающего все большую

¹ *Jameson F.* Foreword // J.-F. Lyotard. *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge.* Manchester, 1984. P. XV.

² *Jameson F.* *History and Class Consciousness as an Unfinished Project.* P. 201.

³ *Jay M.* *Marxism and Totality: the Adventures of a concept from Lukács to Habermas.* Berkeley : Univ. of California Press, 1984. P. 515.

⁴ *Можейко М.А.* Ризома // *Энциклопедия постмодернизма.* URL: http://slovari.yandex.ru/~книги/Энциклопедия_постмодернизма/РИЗОМА/ .

популярность и авторитет в широких академических кругах тезиса о постмодерне как качественно новом состоянии социальной реальности, требовал и признания тех ключевых установок, из которых при его формулировании исходили постмодернисты. В частности, легитимизации в этом случае подлежал бы базовый постмодернистский принцип ризомы и идея ацентризма, которые входили в явное противоречие с марксистской методологией. Для марксистской традиции непреложной являлась идея о том, что изменения в надстройке детерминированы процессами, протекающими в экономическом базисе, и более точно историческим развитием способа производства. Во-вторых, в академическом дискурсе доминирующие позиции уже успели занять «правые», предложив влиятельную концепцию постиндустриального общества¹.

Джеймисон предпринимает попытку тотализировать постмодерн, разработав концепцию третьей стадии капитализма, в которой он диалектически синтезировал марксистские и постмодернистские установки. В своих теоретических построениях Джеймисон исходит из того, что примерно с середины XX в. капиталистическая система начинает претерпевать значительные структурные изменения, которые, как он полагает, уже не могут быть адекватным образом описаны при помощи классической концепции Маркса, а равно и ленинской идеи империализма как второй стадии капитализма. Поэтому, принимая в терминологический оборот понятие «позднего капитализма»², предложенное американским марксистским экономистом Эрнестом Манделем, Джеймисон настаивает на необходимости концептуализировать качественно новое состояние капитализма как его третью стадию. Таким образом, получается, что американский теоретик продолжает марксистскую цепочку стадий развития капитализма, начатую самим Марксом и продолженную Лениным.

¹ См.: *Jameson F. Marxism and Postmodernism*. P. 35.

² См.: *Mandel E. Op. cit.*

Характеризуя современный капитализм как мультинациональный и синхронизируя его развитие с процессом глобализации, Джеймисон в полном соответствии с марксистской традицией утверждает, что именно капиталистический способ производства определяет существующую конфигурацию социальной реальности. Однако система позднего капитализма, по мнению Джеймисона, отличается от предшествующих стадий тем, что капиталистические практики достигают здесь своей наивысшей интенсивности, проникнув уже не только во все доступные области географического пространства, но и внедрившись во все сферы социальности и культуры, трансформируя их.

Изменение характера экономического производства в условиях позднего капитализма структурно реорганизует социальное пространство и культуру, которые приобретают постмодернистские черты. На уровне практики этот процесс «постмодернизации» социальной реальности проявляется в размывании некогда устойчивых границ социальных структур, унификации социальных связей и форм общения, которые приводят к постепенному исчезновению тех устойчивых центров, вокруг которых организовывалось модернистское социальное пространство.

На уровне индивида влияние новых капиталистических практик проявляет себя через товарную реификацию, которая становится доминантой постмодернистской формы мышления¹. В условиях позднего капитализма реификация развивается до своей чистой формы. Принципиальным результатом этого процесса для Фредрика Джеймисона становится превращение культуры в настоящую «вторую природу»², которая, по его словам, осуществляет невиданную ранее в истории колонизацию Реального. В итоге состояние постмодерна порождает такую ситуацию, при которой символический порядок культуры окончательно заслоняет собой Реальное, то есть саму историю. Таким образом, мы оказываемся в пространстве симулякров, приобретающем собственное бытие, параллельное бытию истории.

¹ См.: *Jameson F. The Political Unconscious ...*

² *Jameson F. Postmodernism or, the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, 1991. P. IX.*

Этот разрыв между порядком реального и символическим порядком постмодернистской культуры оказывает влияние и на индивидуального субъекта. Для Джеймисона оно выражается в первую очередь в том, что «последний утрачивает способность организовывать свое прошлое и будущее в виде связного опыта»¹, поскольку, оказавшись в пространстве знаков, он теряет связь с означаемым, то есть с историей. Вслед за Лаканом и Делезом Джеймисон называет это состояние постмодернистского субъекта шизофренией, констатируя тем самым распад классического субъекта. В этой ситуации проблематичным оказывается возникновение и существование в условиях постмодерна сколько-нибудь устойчивого политического субъекта, способного к реальному политическому действию.

¹ Горных А.А. Джеймисон. С. 315.

Глава 2. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ Ф. ДЖЕЙМИСОНА

2.1. Концепция идеологии Ф. Джеймисона

1950–1960-е гг. ознаменовались утверждением в западном теоретическом дискурсе тезиса о «конце идеологии». Симптоматично то, что эта идея озвучивалась и обосновывалась в рамках совершенно различных направлений от тех, которые можно обозначить собирательным понятием «либеральные» (Раймон Арон, Дэниэл Белл, Сеймур Липсет, Эдвард Шилз, Филип Конверс), до постструктуралистских и постмодернистских (Мишель Фуко, Жан Бодрийяр, Жак Деррида, Жиль Делёз и Феликс Гваттари).

Первую группу теорий объединяло то, что, во-первых, идеологию они понимали главным образом как систему идей, как одну из тех традиционных идеологических матриц, какими являются либерализм и консерватизм, коммунизм и фашизм; во-вторых, идеология рассматривалась ими как центр и силовое поле всей символической политики. Поэтому, заявляя о «конце идеологии», представители этой группы прежде всего говорили о тех или иных симптомах распада этих эксплицитных и целостных идеологических форм, который они вполне последовательно продолжая свою логику связывали с концом других феноменов Модерна – классов, утопий и даже самой политики.

Так, по мнению Р. Арона, высказанному им в середине 1950-х гг., существовавшие прежде идеологические границы стали исчезать и утратили свое былое значение, поскольку практика примирила те противоречивые требования, которые лежали в основе традиционных идеологических различий¹.

¹ См.: *Aron R. Nations and Ideologies // Encounter. 1955. Vol. 4, № 1, January. P. 24.*

Д. Белл увидел признаки окончания «эпохи идеологий»¹ в том, что их утопические и эсхатологические мотивы стали утрачивать свою привлекательность для народных масс, которых окружающая действительность, как оказалось, устраивала в гораздо большей степени, чем полагали озабоченные идеями интеллектуалы. Похожую точку зрения отстаивал С. Липсет. Для него конец идеологий представлялся неизбежным итогом общественного развития. Согласно Липсету, симптомы ослабления прежних идеологий и утопий проявились в том, что при всех возможных оговорках они утратили способность вдохновлять людей на упорный труд, моральную жизнь и изменение мира, доказав таким образом свою несостоятельность или превратившись в «рутинизированные операциональные реальности»². Ф. Конверс, опираясь на данные эмпирического исследования, пришел к выводу о незначительной роли идеологий в мировосприятии «обычных граждан», которые согласно его заключению скорее склонны разделять их отдельные положения, логически не связывая последние в единую, целостную систему идей и убеждений³. Э. Шилз посчитал, что размывание некогда устойчивых идентичностей «правых» и «левых» свидетельствовало о начале постидеологической эры. С его точки зрения, являясь лишь одной из существующих целостных систем когнитивных и моральных представлений о мире и обществе, идеология отличается от других подобных систем тем, что она требует тотального подчинения своим принципам и ведет к ощущению отчужденности от общества⁴. Поэтому Шилз призывал предотвратить появление новых идеологий после кончины существующих⁵.

¹ *Bell D.* The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press, 2000. P. 403.

² *Lipset S.M.* Consensus and Conflict: Essays in Political Sociology. New Brunswick, New Jersey : Transaction Publishers, 1990. P. 84. В этой работе С. Липсет проверяет и подтверждает идеи, изложенные им в более ранней работе, см.: *Lipset S.M.* Political man: The social bases of politics. Garden City, New York : Doubleday & Company, 1960. 432 p.

³ См.: *Converse P.E.* The Nature of Believe Systems in Mass Publics // Ideology and Discontent / ed. D.E. Apter. New York, 1964. P. 206–261.

⁴ См.: *Shils E.* The Concept and Function of Ideology // International Encyclopedia of Social Sciences / ed. D.L. Sills. New York, 1968. Vol. 7. P. 66-76.

⁵ См.: *Shils E.* The End of Ideology? // Encounter. 1955. Vol. 5, № 5, November. P. 57.

Сама постановка вопроса о возможности общества без идеологии сразу отсылает нас к классическому исследованию идеологии Карла Маннгейма, который подробно препарировал этот феномен в разных разрезах и, пытаясь найти варианты выхода для сознания за пределы идеологии, пришел к заключению, что любое знание идеологично, а следовательно идеологична и любая теория идеологии и критика идеологии.

Этот краткий обзор данной группы теорий «конца идеологии» позволяет сделать несколько принципиальных обобщений относительно их содержания и влияния на конфигурацию политического дискурса в указанный период.

Во-первых, на уровне общества идеология не рассматривается представителями данной группы теоретиков как неотъемлемый элемент надстройки. С их точки зрения, общество может и даже должно существовать без целостных идеологических систем, которые, ассоциируясь некогда с сознанием и волей конкретных классов, теперь расщепляются до отдельных убеждений и представлений и спускаются на уровень индивида. Из чего логически следует вывод о том, что перед сторонниками «конца идеологии» должен был встать вопрос об архаичности такого теоретического конструкта как конфликт классов и даже самого класса как политической категории, что собственно и произошло.

Вместе с тем симптоматично то (и это указывает на некоторое противоречие, содержащееся в данных теориях), что дискурсивно они не смогли уйти от классовой проблематики. Так, например, в текстах и у Белла, и у Липсета, и у Конверса присутствует явно или латентно классовая дихотомия. Эксплицитно классовая логика проявилась, в частности, в высказывании Липсета о том, что «демократическая классовая борьба продолжится, но это будет борьба без идеологий»¹. Далее эта мысль получила продолжение в его более поздней работе «Социальные классы умирают?», где Липсет заявил, что класс как объяснительная матрица по-прежнему сохраняет свое значение в

¹ *Lipset S.M. Political man: The social bases of politics. P. 408.*

одних сферах, но все больше теряет его в других¹. Имплицитно противопоставление классов прослеживалось у Конверса и Белла, когда они говорили о том, что массы не тяготеют к мышлению в формате идеологии в отличие от элит, решения которых в значительной степени зависят от идеологических систем (Конверс)², или о том, что наемные работники вполне удовлетворены своим положением, а социальная инженерия интересует в основном только интеллектуалов (Белл)³. Если применить к анализу этих и других высказываний постмодернистский метод деконструкции, то сместив аналитический фокус можно увидеть, что в них присутствуют по крайней мере два примечательных элемента: интенция представить класс как социологическую категорию, лишенную политического содержания (или стремительно теряющую его) и преобладание в дискурсе отсылок к классу наемных работников, когда речь идет о классе и его упадке. В этом контексте второй элемент модернистской бинарной оппозиции «рабочий класс – класс собственников средств производства» дискурсивно оказывается как бы вне заданных рамок и тем самым освобождается от экстраполяции на себя выводов о кризисе класса. Таким образом, формально отсутствуя в тексте, он все же оказывается в нем на господствующей позиции и может претендовать на то, в чем отказано рабочему классу – на классовое сознание, связную идеологическую систему и политическую роль. Здесь мы видим использование стратегии власти умалчивания, о которой говорили философы-постмодернисты⁴. В любом случае дискредитация класса как политической категории и разрушение ее символических и дискурсивных связей с категорией идеологии еще больше ослабляют последнюю.

Все авторы из указанной группы делали оговорку о том, что их выводы о кризисе идеологий распространяются только на страны Запада, то есть на

¹ Clark T.N., Lipset S.M. Op. cit.

² Converse P.E. Op. cit. P. 255.

³ Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. P. 404.

⁴ См., напр.: Фуко М. Порядок дискурса // М. Фуко. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр., коммент. и послесл. С. Табачниковой. М., 1996. С. 47–96.

страны свершившейся модернизации, страны Модерна, в то время как в пределах мира домодерного идеологии по-прежнему остаются важным средством политической мобилизации. Важно учесть, что эти дискуссии происходили на фоне развертывания гораздо более масштабного и хорошо артикулированного дискурса политической модернизации и что некоторые теоретики «конца идеологии» были тесно связаны с этим вновь возникшим направлением.

Анализ дискурса теорий модернизации при всем множестве последних позволяет говорить о присущей им интенции позиционировать себя в качестве объективного, деидеологизированного знания о современных социальных и политических процессах. В плане теоретико-политическом они были направлены на обоснование демократии как не только наиболее эффективного политического устройства, но и как некой органической формы, к которой рано или поздно в ходе модернизации придут все общества. Поэтому основной фокус теоретиков, работающих в этом русле, был нацелен на выявление закономерностей общественного и политического развития и условий, достаточных для институционализации демократии. В этом смысле дискурс теорий политической модернизации следует логике реализма в известном средневековом споре об универсалиях, представляя демократию как такую извечную универсалию, обладающую независимым существованием и воплощающуюся в своих партикуляриях, модернизовавшихся политических режимах. Это указывает на то, что логика западной, а точнее англо-саксонской, теоретической культуры гораздо более диалектична и определяется не только установками аристотелевского номинализма, как считают многие исследователи¹. Скорее речь идет о сосуществовании этих двух тенденций, первая из которых признается маргинальной и вытесняется из легитимного дискурса в область политического бессознательного. В действительности подобный акт вытеснения сам по себе является идеологическим, поскольку скрывает те

¹ См., напр.: *Гайденок П.П.* Средневековый номинализм и генезис новоевропейского сознания // *Вопр. философии.* 2014. № 2. С. 155–163.

смыслы, которые могут определять утаиваемое и зачастую отрицаемое, ценностное содержание того или иного дискурса. Что в принципе характерно для англо-саксонской политической науки, которая, как отмечает В.С. Мартьянов, имеет дело «не с ценностями и тем более не с конфликтами ценностей, так как мораль изначально выносится за скобки в угоду объективности, но с описанием объективированных естественно-политических процессов, не связанных с сознанием их участников и наблюдателей»¹.

Таким образом, несмотря на все попытки позиционировать теории модернизации как строго научные и верифицируемые последним не удалось уйти от произвольной и непроизвольной идеологизации. Это, в частности, подтверждают американские исследователи Нильс Гилман и Майкл Лэтэм в своих работах, посвященных анализу предпосылок и особенностей конструирования этих теорий. Так, Н. Гилман утверждает, что они были предназначены не только для того, чтобы «понять, что происходит в постколониальных регионах, но и чтобы подтолкнуть те изменения, которые бы сделали эти регионы больше похожими на “нас”, а не на Россию или Китай»², а М. Лэтэм полагает, что они позволяли выявить те средства, при помощи которых Соединенные Штаты могли ускорять глобальные изменения и направлять их в нужное русло³. Более того, можно сказать, что во второй половине XX в. и вплоть до настоящего времени теории модернизации выступали в роли своеобразного эрзаца прежних идеологий для так называемых «модернизирующихся» и «переходных» обществ, заместив собой привычные дискурсы традиционных идеологий и старую систему символических координат, которая позволяла государствам ориентироваться в мировом политическом пространстве в условиях холодной войны. Частные случаи такого замещения перечислены, к примеру, в широко известной работе Сэмюэла Хантингтона о «треть-

¹ Мартьянов В.С. *Метаязык политической науки*. Екатеринбург : УрО РАН, 2003. С. 37–38.

² Gilman N. *Mandarins of the Future: Modernization Theory in Cold War America*. Baltimore : The Johns Hopkins Univ. Press, 2003. P. 3.

³ См.: Latham M.E. *Modernization as Ideology: American Social Science and “National Building” in the Kennedy Era*. Chapel Hill : The Univ. of North Carolina Press, 2000. P. 2.

ей волне» демократизации¹, хотя и описаны в совершенно другой модальности.

Таким образом, для данной группы теорий было характерно стремление нивелировать идеологии, а вместе с ними и сам класс как политическую категорию. Однако, воплощая в себе логику зрелого Модерна, они производили критику, которая уже сама по себе являлась идеологической и создавала новые идеологические феномены.

В лагере постмодернистов и постструктуралистов критика идеологии, которая по времени следовала за «либеральной» критикой, носила совершенно иной характер и исходила из совсем других предпосылок. Британский исследователь Терри Иглтон выделяет три направления в рамках теории постмодернизма, которые были нацелены на «дискредитацию классической концепции идеологии»². Первое направление Т. Иглтон связывает с отрицанием постмодернистами самой идеи репрезентации, в форме которой и выступает любая идеология, поскольку ее предназначение состоит в толковании окружающей действительности. Второе направление критики, по мнению теоретика, определяется эпистемологическим скептицизмом постмодернизма. Идея идеологии отвергается уже потому, что сам акт признания той или иной формы сознания идеологической подразумевает существование какой-то абсолютной истины, что противоречит базовым установкам постмодернистской теории. Третье направление, как утверждает Иглтон, стремится упразднить концепцию идеологии в силу ее бесполезности, следуя неоницшеанской логике, которая нацелена на пересмотр отношений между рациональностью, интересами и властью³.

¹ См.: Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2003. 368 с. Также некоторые интересные примеры использования концепции модернизации в качестве элемента идеологии (в том числе как навязываемого извне) описаны в книге, см.: Latham M.E. The Right Kind of Revolution: Modernization, Development, and U.S. Foreign Policy from the Cold War to the Present. Ithaca : Cornell Univ. Press. 257 p.

² Eagleton T. Ideology: an Introduction. London ; New York : Verso, 1991. P. XI.

³ См.: Ibid. P. XI–XII.

К этой классификации, предложенной Иглтоном, важно добавить еще один подход, связанный с постмодернистским скепсисом относительно картезианского субъекта. Человек, признаваемый недавним изобретением¹, образ которого возник «в промежутках между фрагментами языка»², для постмодернистов распадается на россыпь осколков. Например, у Мишеля Фуко он превращается всего лишь в пространство, в котором пересекаются дискурсивные практики; у Жоржа Батая «Я» как субъект является ценностью, а не сущностью, он случаен и недостоверен, а свою суверенность он обретает лишь в тот короткий миг, когда становится тем, что французский философ называет «я=которое=умирает»³; у Жака Деррида субъект понимается как «функция» языка и обретает свое существование, «становится *означающим*..., только вписываясь в систему различий»⁴. Иными словами, субъект, о котором повествуют постмодернистские работы, является несубстанциональным, он не суверенен как классический субъект, а его *cogito*, текучее и ускользающее, существует лишь в своих мгновенных вспышках. Таким образом, совершенно очевидно, что такой субъект не может быть носителем идеологии в ее классическом понимании.

Эта характеристика постмодернистских подходов к проблеме идеологии наглядно показывает всю степень несовместимости классического концепта идеологии и ключевых положений, на которые опирается теория постмодернизма, таких как закат больших нарративов (недоверие к любым тотализированным повествованиям), игра истины (истина релевантна и плюральна), ризома (номадизм как способ существования всякой среды) и смерть субъекта (субъект не субстанционален и является лишь функцией чего-то другого). Историзируя данное противоречие можно увидеть, что постмодернисты от-

¹ См.: Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб. : А-сad, 1994. С. 404.

² Там же. С. 404.

³ Батай Ж. Из «Внутреннего опыта» // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб., 1994. С. 227–229.

⁴ Деррида Ж. Различие // Ж. Деррида. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля / пер. С.Г. Кашина, Н.В. Сулова. СПб., 1999. С. 188.

вергают идеологию как продукт эпохи Просвещения, логику которого они стремятся разрушить в своих теоретических построениях. Крайней формой этого отрицания, к примеру, стало известное заявление Жюль Делеза и Феликса Гваттари в их работе «Тысяча плато» о том, что «идеологии нет и никогда не было»¹, и не менее известный тезис Жана Бодрийера из его книги «Символический обмен и смерть» – «больше нет идеологии, остались одни симулякры»².

Сопоставление обоснования тезиса о конце идеологии у постмодернистов и у либеральных теоретиков позволяет увидеть, что постмодернистская критика идеологии для нее несоизмеримо более опасна. В отличие от других теоретиков постмодернисты говорят не столько о невозможности идеологии как социального явления в сложившихся исторических обстоятельствах, сколько о теоретической несостоятельности самого концепта, подрывая ключевые принципы, на которых он зиждется – рациональность и единство субъекта, бинарность подлинного и иллюзорного.

Вместе с тем результаты постмодернистской деконструкции классической концепции идеологии оказались двойственными. С одной стороны, безусловно, по ней был совершен сокрушительный удар, последствия которого до сих пор остро ощущаются как в теории, так и в политической практике. С другой стороны, тот факт, что при всем своем стремлении создать новый язык и покончить с властью языка Модерна, теоретики-постмодернисты все-таки не сумели полностью отказаться от самой категории «идеологии», логоцентричной даже чисто лексически, указывает на то, что рудименты семантики классического концепта идеологии в постмодернистских теориях сохранились пусть даже в тех высказываниях, где слова «идеология» и «идеологический», казалось бы, уже окрашены постмодернистскими смыслами. Контент-анализ работ таких философов-постмодернистов как Ж. Бодрийер,

¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория, 2010. С. 4.

² Бодрийер Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2000. С. 45.

Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко¹, которые использовали эти понятия в своих текстах не только тогда, когда подвергали их критике, подтверждает этот тезис. Примечательно, что даже Ж. Делёз и Ф. Гваттари, которые так резко высказывались об идеологии, фактически заменили это понятие синонимичным термином «ноология»².

Тем не менее отношение к проблеме идеологии в рамках этого внутренне неоднородного направления намного сложнее, а возможных модусов для его интерпретации гораздо больше. Следует отметить, что элементы семантики, связанной с концепцией идеологии, растворились в таких излюбленных постмодернистами категориях, как «дискурс», «симулякр», «биополитика», «дисциплинарная власть», а также то, что постмодернистские теории выполняют по отношению к концепции идеологии весьма благотворную функцию трикстера³, обостряя и проблематизируя ее лакуны средствами иронии и драматизации⁴.

В любом случае, как отмечает О. Малинова, провокационное заявление о смерти идеологии, получившее широкую поддержку в среде западных интеллектуалов, стало одним из тех факторов, которые спровоцировали новую волну интереса к проблеме идеологии⁵. Не удивительно, что наряду с прочими наиболее активно и жестко на подобные заявления отреагировали теоретики, близкие к марксистской традиции. В период, когда идея «конца идеологии» активно распространялась в западных университетах, в своих работах прямо или косвенно ее попытались опровергнуть такие разные исследовате-

¹ См.: Ж. Бодрийяр. Общество потребления (1970); Ж. Деррида. Поля философии (1972); Ж.-П. Лиотар. Состояние постмодерна (1979); М. Фуко. Интеллектуалы и власть (1972), Власть и тело (1975), Политическая функция интеллектуала (1976).

² Делёз Ж., Гваттари Ф. Указ. соч.

³ О том, как работает трикстер, подрывая привычную систему координат и обнажая ее «темную сторону», см., напр.: *Bassil-Morozow H. The Trickster and the System: Identity and Agency in Contemporary Society. Routledge, 2014. 212 p.*

⁴ Интересную попытку интерпретации заявления Делёза и Гваттари об идеологии как такой драматизации, см.: *Mackenzie I., Porter R. Dramatization as Method in Political Theory // Contemporary Political Theory. 2011. Vol. 10, iss. 4. P. 482–501.*

⁵ См.: *Малинова О.Ю. Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Полит. наука. 2003. № 4. С. 8–31.*

ли, как Луи Альтюссер, Ги Дебор, Герберт Маркузе, Пауль Маттик, Иштван Месарош, Джордж Новак и др. Среди аргументов, которые отдельные марксистские критики противопоставляли этой идее, озвучивались, в частности, мнения о том, что тезис о конце идеологии сам по себе является идеологическим, порождая своеобразную идеологию конца идеологии; что идеология не исчезла из современного общества, а лишь превратилась из ложного сознания отдельного класса во всеобщее сознание¹; что она неизбежна в условиях капитализма. Многие представители последующего поколения близких к марксизму теоретиков продолжили актуализировать идеологическую проблематику. Свои версии того что такое идеология и как она функционирует в современном обществе предложили такие исследователи как Славой Жижек, Терри Иглтон, Йоран Терборн, Мишель Пешё и др.

Уже теоретики Франкфуртской школы настаивали на том, что идеология не только не ушла в прошлое с наступлением позднего капитализма, но и проникла в самую ткань всех социальных явлений. Эта идея проистекала из совершенно марксистского положения о нарастании внутренних противоречий в капиталистической системе в ходе ее расширения, которое и востребует идеологию. Еще в 1937 г. М. Хокхаймер, один из основоположников этой школы, заговорил о существовании такой корреляции между развитием идеологии и развитием капитализма, которая потом была изучена франкфуртцами в разрезе самых различных социальных процессов и явлений, вплоть до науки и техники. Вместе с тем все они говорили об идеологии в марксистском смысле как о ложном сознании, а не как о системе убеждений. С их точки зрения, в условиях зрелого капитализма сфера действия идеологии расширилась, а сама она стала более репрессивной за счет появления в ее арсенале новых механизмов доминирования – масс-медиа и рекламы, которые позволяют капитализму оказывать беспрецедентное давление и навязывать свои ценности через совершенно разные источники – кино, музыку, мо-

¹ См., напр.: *Marcuse H. Repressive Tolerance // A Critique of Pure Tolerance. Boston, 1965. P. 110.*

ду и т.д. Опираясь на эти аргументы, еще один известный представитель школы Г. Маркузе, который, находясь в Америке, был хорошо знаком с идеями конца идеологии, подчеркивал, что поздний капитализм является более идеологическим чем любая из предшествовавших ему социально-экономических формаций. Борьба с этой идеологией, начатая теоретиками Франкфуртской школы, не могла не породить контр-идеологию, которая воплотилась в идеологии «новых левых», выступивших против «общества потребления», навязываемого капиталистической системой. Среди прочего «новые левые» оспаривали и идею о конце идеологий.

Так, в США своеобразной реакцией на этот тезис, впервые озвученный в период господства политики маккартизма и воспринятый в самых высоких государственных кругах, на уровне практики стал резкий рост интереса к марксистским идеям среди молодежи и подъем протестного движения. В то время как американские государственные деятели убеждали общественность в том, что основные внутренние проблемы были связаны вовсе не с идеологическими противоречиями, а с поиском способов достижения общих целей как это, к примеру, сделал президент Кеннеди¹, студенты в разных городах США активно включались в политическую борьбу и создавали политические организации и кружки левого толка. Помимо прочего американские новые левые были вдохновлены призывами Райта Миллса, озвученными им в его известном обращении, через которое рефреном проходила критика «конца идеологии»². Не менее известная Порт-Гуронская декларация движения новых левых «Студенты за демократическое общество», принятая в 1962 г., является одним из свидетельств того, что лозунг «идеологии иссякли» ими не разделялся³.

¹ См.: *Kennedy J.F.* 234 – Commencement Address at Yale University. June 11, 1962. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=29661> .

² *Mills W.C.* Letter to the New Left // *New Left Review*. 1960. № 5, September-October. URL: http://www.antiauthoritarian.net/sds_wuo/letter_to_the_new_left/ .

³ См.: *The Port Huron Statement of the Students for a Democratic Society*.

Важный вклад в дискуссии о релевантности концепта идеологии внес французский философ Поль Рикер. В своей работе «Лекции об идеологии и утопии» (1986) он фактически обосновывал онтологический статус идеологии, показав, что она является неотъемлемой частью символической структуры социальной реальности. Более того, он фундирует идеологию в практике, утверждая, что «структура социального бытия является символической изначально»¹. Именно эта онтологическая связь между идеологией и праксисом, согласно Рикеру, позволяет идеологии функционировать как ложное сознание, или как говорит сам французский философ, выполнять функцию искажения реальности. В то же самое время символическая структура социальной реальности, по Рикеру, обуславливает необходимость в неких паттернах, которые бы позволяли индивидам ориентироваться в этом символическом поле и артикулировать свой социальный опыт. Идеологию он рассматривает в роли такого паттерна и таким образом приписывает ей интегративную функцию. В своем анализе функционального ядра идеологии Рикер идет дальше, в практико-политическую область, показывая, что идеология также выполняет функцию легитимации власти, в процессе которой снимается конфликт, возникающий вследствие противоречия между основными функциями идеологии – функцией искажения реальности и интеграционной функцией. Таким образом, в своей концепции Рикер представляет идеологию в качестве неотъемлемого элемента социальной жизни и властно-политических отношений, самой своей аргументацией опровергая тезис о конце идеологии.

Итак, дискуссии о конце идеологии стали тем важным фоном или скорее даже силовым полем, на котором вызревали новые теории и подходы к проблеме идеологии. Полезной функцией этих в целом несостоявшихся попыток дискредитировать сам концепт являлось то, что они указали на потенциальные лакуны и как казалось на неразрешимые противоречия, которые уже в рамках своих систем координат должны были восполнить или разрешить но-

¹ Ricoeur P. Lectures on Ideology and Utopia. New York: Columbia University Press. 1986. P. ii.

вые теории идеологии. Среди задач, которые предстояло решить в условиях перехода от парадигмы модерна к постмодерну, ключевая задача состояла в обосновании релевантности концепции идеологии и обоснование ее онтологического статуса. Одним из тех, кто попытался решить эту задачу, был Фредрик Джеймисон.

Джеймисон выступил против идеологии конца идеологии. Можно сказать, что в его работах она являлась тем антитезисом, в связке с которым он выстраивал свою собственную теорию идеологии. На это указывают многочисленные отсылки исследователя к этой идее. В пику постмодернистским теоретикам Джеймисон отстаивает понятие идеологии, которое они хотят упразднить. Он утверждает, что «ни один из альтернативных терминов ... не способен так же удерживать элементы и структуру конкретного объекта..., при этом кардинальным образом смещая дискурсивные рамки, в которых он рассматривается, схватывая его таким, каков он есть, так чтобы для невооруженного глаза были заметны его основные черты как верования, социально-символического праксиса и средства групповой медиации»¹. Примечательно, что в своих рассуждениях о понятиях «идеология» и «идеологический» теоретик использует слово *остранение* (*estrangement* – *англ.*). Джеймисон утверждает, что эти понятия «по-прежнему способны шокировать, но не как некая инвектива, а как *остранение*, которое одновременно является *позиционированием*»². Эта ремарка теоретика отсылает к идее остранения³, предложенной В.Б. Шкловским и получившей развитие в рамках теории формализма. Формалистами это понятие использовалось для обозначения специального художественного приема, цель которого заключается в представлении знакомой вещи как в первый раз виденной, что позволяет преодолеть автоматизм восприятия этой вещи субъектом, перед которым, благодаря остране-

¹ *Jameson F. Ideological Analysis: a Handbook* // F. Jameson. *Valences of the Dialectic*. London ; New York, 2009. P. 316.

² *Ibid.*

³ Это понятие было введено В. Шкловским в статье «Искусство как прием», см.: *Шкловский В. Искусство как прием* // Манифесты «ОПОЯЗА». URL: <http://www.opojaz.ru/manifests/kakpriem.html> .

нию, она должна предстать в новом свете. Остранение необходимо отличать от марксистского понятия «отчуждение», особенно в связи с терминологической путаницей, которая возникла при переводе на русский язык слова *Verfremdung* – предложенного Бертольдом Брехтом немецкого эквивалента «остранения» Шкловского¹. Различие между этими двумя концепциями в своей статье «*Entfremdung, Verfremdung*»² сформулировал Эрнст Блох. Понятие *Entfremdung* (отчуждение – *рус.*; *alienation* – *англ.*) для него однозначно имеет негативный смысл. Оно обозначает ситуацию, возникающую в условиях капитализма, когда человек утрачивает связь с окружающим миром и с самим собой и сам, превращаясь в товар, начинает воспринимать действительность через призму меновой стоимости. В то же время, понятие *Verfremdung* (остранение – *рус.*; *estrangement* – *англ.*) имеет отчетливый позитивный оттенок и даже противостоит отчуждению, которое лишь «усиливается по мере того, как люди привыкают к нему»³. Остранение позволяет остановить инертное движение сознания и посмотреть на привычное под непривычным углом зрения. Эффект остранения (*Verfremdungseffekt* у Брехта) пробуждает, порождает изумление⁴, шокирует, как был шокирован герой Сартра Антуан Рокантен⁵, взглянув на привычные вещи и свое тело отстраненно, как бы из другой плоскости бытия. Для Джеймисона понятия «идеология» и «идеологический» также потенциально несут в себе этот эффект шока, поскольку описанный в этих терминах рутинный образ окружающей действительности предстает в совершенно другом свете и вызывает изумление. Это изумление, в свою очередь, может стать отправной точкой для поиска реального. Такая связка идеологии и остранения у Джеймисона особенно примечательна в контексте других его работ, где остранение занимает важное место, выступая

¹ См.: Тульчинский Г.Л. К упорядочению междисциплинарной терминологии // Психология процессов художественного творчества. Л., 1980. С. 242–243.

² См. англоязычную версию статьи: Bloch E. *Entfremdung, Verfremdung: Alienation, Estrangement* // *The Drama Review: TDR*. 1970. Vol. 15, № 1, Autumn. P. 120–125.

³ Ibid. P. 124.

⁴ Ibid. P. 125.

⁵ См.: Сартр Ж.-П. Тошнота // Ж.-П. Сартр. Тошнота : избр. произведения / пер. с фр. ; вступ. ст. С.Н. Зенкина. М., 1994. С. 23–182.

в роли ключевой операции на пути к критике окружающей действительности и конструированию утопий¹.

В своих исследованиях, посвященных идеологии, Джеймисон пытается актуализировать проблему ее сущности. За невнимание к этой проблеме он подвергает критике существующие теории идеологии, которые, по его мнению, в основном сосредоточены на методах идеологического анализа в ущерб онтологии. Он полагает, что причина такого смещения теоретического ракурса заключается в самом понятии идеологии, которое прочно связано с совершенно конкретным «интерпретативным сообществом», а именно с марксизмом. Тем самым Джеймисон хочет подчеркнуть, что, во-первых, именно марксизм как такое сообщество задает смыслы этого понятия и правила его использования, что, однако, не является какой-то уникальной способностью марксизма. «Любая оригинальная или известная теоретическая методология, – полагает он, – сегодня функционирует схожим образом, хотя групповая динамика других таких интерпретативных сообществ, на первый взгляд, может быть менее ясной или заметной»². Во-вторых, тот факт, что Джеймисон использует понятие «интерпретативные сообщества», концептуализированное Стенли Фишем, свидетельствует о том, что проблему идеологии он рассматривает как проблему интерпретации. Суть последней состоит в том, что, испытывая интерпретативное давление со стороны марксизма, другие интерпретативные сообщества, не осознавая объективных ограничений, стремятся наделить понятие «идеология» собственными смыслами. Как отмечает С. Фиш, «члены различных сообществ оспаривают друг друга, поскольку, с точки зрения каждого из них, другие “просто” не могут видеть то,

¹ См., напр.: *Jameson F. Generic Discontinuities in SF: Brian Aldiss' Starship // Archaeologies of the Future. The Desire Called Utopia and Other Science Fictions. London ; New York, 2005. P. 254–266.*; *Jameson F. «If I Can Find One Good City, I Will Spare the Man»: Realism and Utopia in Kim Stanley Robinson's Mars Trilogy // F. Jameson. Archaeologies of the Future. The Desire Called Utopia and Other Science Fictions. New York ; London, 2005. P. 393–416.*

² *Jameson F. Ideological Analysis: a Handbook. P. 316.*

что является очевидным и безусловным»¹. В этом смысле спор таких конкурирующих интерпретаций не может привести к обнаружению подлинной сущности идеологии.

Эта логика полностью вписывается в гносеологию политической философии Джеймисона, отражая его представления о диалектике реального и символического. Истоки этих представлений американского теоретика лежат в марксистской идее об истории как смене общественных формаций, а также в лакановской концепции трех порядков – Воображаемого, Символического и Реального.

Джеймисон рассматривает проблему общественно-исторических формаций не только с точки зрения изменений экономического характера, которые они в себе несут, но и с позиции трансформации модуса восприятия реальности, которой сопровождается смена этих формаций. Как отмечает Вильям Доулинг, эта идея является той первой важной отправной точкой, с которой начинается отход Джеймисона от традиционного марксизма². Прimitивный коммунизм или первобытно-общинный строй американский теоретик представляет как такой этап в истории человечества, когда отсутствие разделения труда и каких бы то ни было элементов капиталистических отношений сочетается с тем, что человек пока еще мыслит коллективно. Его сознание еще не индивидуализировано, и окружающий мир он воспринимает через призму коллективного бытия, мысля даже «не как член группы, а как сама группа»³. Для Джеймисона эта стадия олицетворяет утраченное единство человека с социальным миром, который в силу этого представлялся монолитным и тотальным. Однако дальнейшее развитие общественных форм и прежде всего переход к капитализму, как он полагает, привело к разрушению этого единства и распаду коллективного сознания. Более того, с развитием капитализма теоретик связывает и фрагментацию самой личности, «характеризующуюся

¹ *Fish S.* Is There a Text in This Class? The Authority of Interpretive Communities. Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press, 1982. P. 15.

² *Dowling W.C.* Op. cit. P. 22.

³ *Ibid.*

систематической квантификацией и рационализацией опыта субъекта, его инструментальной реорганизацией, точно такой же, какой подвергся внешний мир»¹. В условиях позднего капитализма – последней по времени его стадии, которую Джеймисон в культурном плане ассоциирует с постмодернизмом, фрагментация психики субъекта достигает своей крайней степени и приводит к тому, что используя терминологию Делёза и Гваттари, американский теоретик называет шизофренией². Таким образом, Джеймисон приходит к выводу, что при переходе к капиталистическим формам общественной организации социальная реальность во всей своей тотальности становится недоступной для сознания субъекта.

Важной для Джеймисона стала также идея французского психоаналитика Жака Лакана о том, что структура психики человека представлена тремя порядками или регистрами – Реальным, Воображаемым и Символическим, которые коррелируют со стадиями ее развития. Согласно Лакану, Реальное является той инстанцией, с которой ребенок соприкасается на самом раннем этапе своего развития, – это первая стадия формирования его психики. Здесь его сознание сливается с окружающим миром, здесь еще нет «Я» и того, что противостоит ему. Однако с вступлением ребенка в языковую реальность это единство сознания и мира распадается. Первым шагом к этому разрыву становится то, что Лакан называет «стадией зеркала»³, которая маркирует переход сознания от регистра Реального к регистру Воображаемого. Момент узнавания ребенком себя в зеркале запускает механизм формирования его Эго, однако, как отмечает Джеймисон, он же «обозначает коренной разрыв между субъектом и его собственным «Я», или образом, который никогда не будет преодолен»⁴. В свою очередь, Символический порядок, который сменяет порядок Воображаемого и связан с приобщением к языку, «является

¹ *Jameson F. The Political Unconscious ... P. 62.*

² См., напр.: *Jameson F. Postmodernism, Or, the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, 1990. 438 p.*

³ См.: *Лакан Ж. Стадия зеркала как образующая функцию Я, какой она раскрывается в психоаналитическом опыте // Кабинет: картины мира I СПб.: Инапресс, 1998. С. 136-143.*

⁴ *Jameson F. Imaginary and Symbolic in Lacan. P. 87.*

дальнейшим отчуждением субъекта»¹. Он заслоняет собой порядок реального, делая «невозможным возвращение к архаичной, довербальной стадии психики»². В итоге Лакан приходит к выводу, что «всякое Реальное недоступно»³, а окружающий мир лишь частично проявляет себя в символах. Иными словами, данная концепция предполагает, что Реальное существует, но оно непостижимо, поэтому все попытки познать его сводятся к языковой игре или борьбе интерпретаций.

Таким образом, синтезируя переработанные им элементы марксистской теории и лакановского психоанализа, Джеймисон подходит к вопросу о познаваемости действительности скептически, но вместе с тем его позиция диалектична. В противовес постмодернистам он настаивает на необходимости процедуры тотализации реальности, пусть даже в форме «частичного обобщения»⁴. Это положение является ключевым в методологии Джеймисона и отстаивается им на протяжении всей его научной работы – от «Марксизма и формы» (1971)⁵ до «Репрезентируя капитал» (2011)⁶. Для него эта процедура одновременно представляется и необходимой, и неизбежной, понимаясь как проявление интенциональности сознания.

Опуская концептуальное лакановское разграничение между двумя регистрами, идеологию Джеймисон рассматривает как элемент Воображаемого/Символического, организованный по аналогичному принципу. В работе «Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма» он приводит определение идеологии Л. Альтюссера, разработанное последним под влиянием лакановской концепции: идеология это «репрезентация в Воображаемом отношения субъекта к его или ее Реальным условиям существования»⁷.

¹ Ibid. P. 91.

² Ibid.

³ Лакан Ж. Имена-Отца / пер. с фр. А. Черноглазова. М. : Гнозис : Логос, 2006. С. 73.

⁴ Jameson F. Postmodernism, Or, the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, 1990. P. 332.

⁵ См.: Jameson F. Marxism and Form ...

⁶ См.: Jameson F. Representing Capital: A Reading of Volume One.

⁷ Jameson F. Postmodernism, Or, the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, 1990. P. 415. Данное определение у Л. Альтюссера см.: Альтюссер Л. Идеология и идеологиче-

Для самого Джеймисона эта формулировка выступает в роли тех основополагающих методологических рамок, в которых он разворачивает свою собственную концепцию идеологии. Анализ определения Альтюссера позволяет увидеть, почему в теоретических построениях Джеймисона оно занимает особое место. Во-первых, это определение указывает на то, что идеология выполняет функцию тотализации принципиально важную для американского теоретика. Во-вторых, оно является довольно схематичным, определяя идеологию лишь через функцию, которую та выполняет, что дает возможность Джеймисону детализировать и насыщать его дополнительными смыслами. В-третьих, введение Альтюссером в свою формулировку таких понятий как «Воображаемое», «Реальное» и «репрезентация» является для Джеймисона удачным способом преодолеть безраздельное господство языковых клише традиционного марксизма, что позволяет, с одной стороны, уйти от нежелательных ассоциаций с «проблемой Сталина», с другой – выстраивать более гибкий диалог с постмодернистскими теориями. В статье «Идеологический анализ: руководство», которая была подготовлена Джеймисоном на основе материалов курса, прочитанного им в 1981 г. в австралийском Университете Дикина, то есть примерно в то же время, когда он работал над своей концепцией постмодернизма, приводятся несколько других примечательных характеристик идеологии.

Джеймисон заявляет, что зарождение концепции идеологии можно рассматривать в качестве одного из проявлений того, что Зигмунд Фрейд когда-то назвал «Коперниканской революцией» в мысли¹. «Иными словами, – подчеркивает американский исследователь, – возникло убеждение в том, что как и в случае с солнечной системой реальность не вращается вокруг человеческого разума и сознания, но что последние подчиняются силе притяжения других законов, скрытых от нас, которые аналитик должен обнаружить, де-

ские аппараты государства (заметки для исследования). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html> .

¹ Jameson F. Ideological Analysis: a Handbook. P. 317.

кодировать, вскрыть, выявить»¹. Идеологию Джеймисон помещает в один ряд с другими событиями интеллектуальной истории, в которых получила свое развитие эта «Коперниканская революция». Среди них он перечисляет гегелевскую идею «коварства разума», или «коварства истории», заключающуюся в том, что история использует людей и их личные амбиции в целях, которые могут не иметь ничего общего с их осознанными намерениями. В этом же ряду событий для него находятся дарвиновская теория эволюции, которая «вернула историю человечества в лоно естественной истории»², и ницшеанская «генеалогия морали», обнажившая скрывающуюся за альтруистическими действиями динамику «воли к власти» – «борьбу за власть между слабым и сильным». Сюда же Джеймисон относит теорию самого Фрейда, которая, как он полагает, создала, возможно, самую мощную и влиятельную модель децентрации сознания и предложила эффективную концепцию бессознательного. Далее, к этому перечню американский теоретик добавляет «открытие» структуралистами, и в первую очередь Клодом Леви-Строссом, языка и влияния лингвистических систем на сознание человека. И наконец, особое место в этом перечне он ожидаемо отводит марксистской теории идеологии, которая впервые предельно четко и артикулировано обозначила разрыв между реальностью и ее восприятием, описанный в концепции «ложного сознания». Таким образом, через это обобщение Джеймисон пытается подчеркнуть, что сознание человека никогда не было суверенным, а наоборот, всегда находилось в зависимости от окружающей действительности, и что идеология является естественной, исторически обусловленной формой сознания человека, неизбежным стилем его мышления. Вместе с тем идеологию как такое ложное сознание Джеймисон трактует по-марксистски исторично и диалектически, подчеркивая, что ложность, о которой говорит Маркс, вовсе не является ошибочностью идеологии. Для него эта ложность скорее определяется степенью нераскрытости действительности, обусловленной конкретной

¹ Ibid. P. 318.

² Ibid.

стадией общественно-исторического развития, как например в случае с трудовой теорией стоимости, которая, как отмечает американский теоретик, могла быть окончательно сформулирована и подтверждена только в условиях капитализма, «когда впервые в истории труд человека повсеместно превратился в товар»¹.

Таким образом, очевидно, что принципиальной позицией в теории идеологии Джеймисона является наличие структурных отношений между идеологией и конкретным способом производства. Из этого же рассуждения теоретика о марксовской идее ложного сознания следует еще один важный вывод о том, что идеология в его трактовке имеет «позитивный смысл производства знания»² и является «необходимой функцией общественной жизни»³, поскольку позволяет приблизиться к пониманию реальности или, говоря словами самого Джеймисона, частично тотализировать ее. Этот позитивный смысл идеологии получил свое развитие в его концепции когнитивного картографирования как ключевой политической стратегии.

Однако будучи диалектиком Джеймисон подчеркивает и обратную сторону идеологии, связывая ее с отчуждением. Он пишет: «В некотором смысле идеология это та форма, которую в сфере сознания или мышления принимает отчуждение: это отчужденное мышление»⁴. Вместе с тем теоретик вновь подчеркивает диалектичность идеологии, указывая на то, что концепция отчуждения подразумевает существование некоего «не-отчужденного существования», к которому необходимо стремиться. Таким образом, теория идеологии неизбежно предполагает существование того, что ей противопоставляется – истины, науки, классового сознания или чего-то еще, что подразумевает конкретная модель идеологии. Этот тезис раскрывает еще один важный мотив, который побуждает Джеймисона настаивать на неизменной релевантности концепта идеологии, а именно его стремление развенчать

¹ Ibid. P. 319.

² Rothberg M. Op. cit. P. 119.

³ Cevalco M.E. Op. cit. P. 96.

⁴ Jameson F. Ideological Analysis: a Handbook. P. 321.

постмодернистский пафос о распаде или иллюзорности тех центров силы, вокруг которых формировался Модерн.

В работах Джеймисона едва ли можно найти последовательный и подробный историко-социологический и политико-философский анализ констелляций форм идеологии и соответствующих им способов производства. Его исследование имеет другой ракурс. Оно направлено на тотализацию той ситуации современности, которую американский теоретик называет поздним капитализмом, а также на выявление базовых механизмов производства и воспроизводства исторических форм социальности. В этом смысле проблема идеологии для Джеймисона значима как неотъемлемый структурный элемент такой конкретной исторической формы и неизбежно должна рассматриваться в ее контексте и тесной связке с ней, что собственно и делает теоретик, разворачивая в своих работах эпическую картину позднего капитализма или постмодернизма, в которой он прорисовывает отдельные детали – от психики индивида и городской архитектуры до идеологии и глобализации.

Джеймисон разделяет классификацию способов производства, которую в свое время предложил Маркс. Американский теоретик описывает их как следующие фазы: примитивный коммунизм или племенной строй; античный способ производства или рабовладельческая система городов-государств; азиатский способ производства или система восточных деспотий; феодализм; капитализм; наконец, коммунизм или социализм как будущие стадии общественного развития¹. Однако перечисленные стадии он рассматривает скорее сквозь призму разрывов, которые отделяют капиталистические формы от некапиталистических. Именно поэтому в фокусе его внимания оказывается лишь собственно капитализм, а также первая и последняя из стадий, выделенных Марксом – докапиталистическая фаза примитивного коммунизма и посткапиталистическая фаза, о которой Джеймисон говорит, но которой не дает конкретного названия.

¹ См.: Ibid. P. 319–320.

Согласно логике Джеймисона, в условиях примитивного коммунизма с характерным для него синкретизмом сознания человека феномен идеологии просто не мог возникнуть. Идеологические формы появляются позже на следующих стадиях общественного развития, когда они уже присутствуют в социальной ткани, но их существование еще не осознается. Их «открытие», как полагает теоретик, происходит лишь с переходом к капиталистической формации. Об идеологической природе остальных способов производства теоретик говорит собирательно. Используя введенное Альтюссером различие между структурным доминированием и структурной детерминацией, он подчеркивает, что в то время как все эти общественные формации детерминированы экономически, текущим типом производства идеология как фактор структурного доминирования в каждой из них может существенно различаться. Как Джеймисон отмечает в одной из своих последних работ «Репрезентируя капитал: опыт прочтения первого тома» (2011), это могут быть «разнообразные формы религии, или этос полиса либо античного города-государства, или отношения власти и персонального доминирования как в феодализме (не говоря уже об азиатском способе производства, о котором сейчас не принято говорить, где центральное место занимает уподобляемый Божеству император)»¹. Джеймисон подчеркивает, что в этих случаях идеологическая или религиозная доминанта не совпадает с тем, что детерминирует тип производства: «только при капитализме эти два элемента идентичны, и экономическая детерминанта одновременно является секулярной доминантой»². Поясняя свой тезис, теоретик обращается к социологической концепции Фердинанда Тённиса, изложенной последним в его известной работе «Общность и общество»³. Джеймисон сравнивает докапиталистические общества с тем, что Тённис называет общностями (*Gemeinschaft*), которые «вне

¹ *Jameson F.* Representing Capital: A Reading of Volume One. P. 16.

² *Ibid.*

³ См.: *Теннис Ф.* Общность и общество = *Gemeinschaft und Gesellschaft* : Основные понятия чистой социологии / пер. с нем. Д.В. Складнева ; Фонд «Университет». СПб. : Владимир Даль, 2002. 452 с.

зависимости от того, как в них технически устроено производство, все организованы по типу коллектива»¹. И только капитализм, который американский теоретик сопоставляет с концепцией общества (*Gesellschaft*) немецкого социолога, согласно Джеймисону, образует такую общественную формацию: «это организованное множество людей», которое «объединено отсутствием общности, обособленностью и верховенством индивидуальности»². Тем самым проводя параллель между своими представлениями о докапиталистических обществах и капитализме, с одной стороны, и концепцией Тённиса, с другой, Джеймисон пытается показать, что в докапиталистических обществах идеологические формы, о которых он говорит, более автономны и могут иметь менее прочные связи с доминирующим способом производства или даже не иметь их вовсе в отличие от идеологических форм в условиях капитализма. Напротив, связь между идеологией и капиталистическим способом производства является предельно прямой и прозрачной. Джеймисон даже называет капиталистическое общество «первым транспарентным обществом»³, которое, по его мнению, стало таковым благодаря идентичности упомянутых выше детерминанты и доминанты при капитализме. Эта прозрачность, отмечает теоретик, обеспечивает возможность открыть правду об обществе.

Таким образом, Джеймисону удастся обосновать онтологический статус идеологии и посредством этого доказать, что и в постмодернистском обществе идеология никуда не исчезает. Он показывает, что появление разных идеологических форм является неизбежным следствием общественного развития, а содержание и структура этих форм определяются спецификой конкретной-общественно-исторической формы, которая, в свою очередь обусловлена доминирующим способом производства. Он также видит истоки появления идеологических форм в эволюции индивидуального и коллектив-

¹ *Jameson F.* Representing Capital: A Reading of Volume One. Verso. London. P. 16.

² *Ibid.*

³ *Ibid.*

ного сознания. В первом случае, опираясь на идею Лакана, Джеймисон показывает, что идеологическая форма является естественным способом бытия сознания человека, которое оторвано от Реального. Во втором – он утверждает, что только в условиях примитивного коммунизма, для которого был характерен синкретизм сознания, идеологических форм не существовало. Поэтому разделяя тезис об идеологии как о «ложном сознании», он не драматизирует его, а напротив, обращает внимание на позитивную функцию идеологии, которая, как он считает, в меру своих внутренних ограничений, выполняет полезную функцию тотализации реальности.

2.2. Концепция утопии Ф. Джеймисона

Концепция утопии занимает ключевое место в политической философии Фредрика Джеймисона. В своих работах он постоянно подчеркивает актуальность утопической проблематики сегодня. Описывая современность как эпоху постмодерна, наступившую с приходом в середине XX в. мультинационального капитализма и постмодернизма как нового типа культуры, теоретик ставит вопрос о судьбе утопического мышления и утопии как политической стратегии и литературной формы. В своей самой известной работе «Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма», давая оценку шестидесятым годам как одному из переломных моментов современной социальной истории, он заявил, что «если постмодернизм является субститутом шестидесятых и компенсацией за их политический провал, тогда вопрос об утопии является главной проверкой на то, что осталось от нашей способности воображать изменения»¹. Некоторые теоретики полагают, что постмодернизм не проходит эту проверку, утверждая, что его сущностной чертой

¹ Jameson F. Postmodernism, Or, the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, 1990. P. XVI.

является антиутопизм и что время утопий завершилось вместе с Модерном (В. Мартьянов, Л. Фишман, М. Эпштейн и др.). Истоки этого антиутопизма они в целом видят в самой природе постмодерна. Так, В. Мартьянов полагает, что последний не может стать «содержанием нового политического проекта, новой политической эпистемы, так как сам по себе он содержательно пуст...»¹. Подтверждается он и враждебностью теоретиков постмодернизма к самой идеи утопии (Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр) или по крайней мере недоверием к концепту утопии и попытками заместить его чем-то другим (Ж. Деррида)².

Разделяя в целом мнение об антиутопизме постмодернизма, Джеймисон настаивает на необходимости того, что он называет «политикой утопии»³, которая должна быть направлена на преодоление ментальных границ, заданных существующим символическим порядком, и на возвращение способности помыслить общество за рамками сложившегося статус-кво. Реконструкция и анализ концепции утопии Джеймисона приобретает особое значение еще и потому, что его попытка вернуть проблематику утопии в поле социальной теории является одной из немногочисленных и наиболее удачных для современной левой мысли, утопический импульс в которой крайне слаб.

Реконструкцию концепции утопии Фредрика Джеймисона, следует начинать с рассмотрения вопроса о том, как в его теории преломляется категория пространства. Это необходимо, поскольку само понятие утопии семантически тесно связано с данной категорией, с восприятием пространства, а также с исторической и социокультурной эволюцией представлений о нем. В этом смысле утопическое мышление по сути является способностью мен-

¹ *Мартьянов В.С.* Политический проект Модерна. От мирозкономики к мирополитике: стратегия России в глобализирующемся мире. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010. С. 178.

² См.: *Historicizing Theory* /ed. By Peter C. Herman. Albany: State University of New York Press. 2003. P.285.

³ *Jameson F.* The Politics of Utopia. URL: <http://libcom.org/library/politics-utopia-frederic-jameson> .

тального моделирования альтернативного социального пространства, которого не существует в реальности.

Важно отметить, что именно проблематика пространства стала одной из центральных тем западной марксистской теории в 1970-е гг. Несмотря на то, что попытки ее вовлечения в марксистский дискурс вызвали серьезную полемику¹, спатиализация теории добавила марксизму совершенно новое измерение. Марксизм с его традиционным вниманием к истории и ярко выраженной темпоральной логикой начал отходить от понимания спатальности как сугубо статичного свойства реальности, являющегося лишь фоном, на котором разворачивается драма истории. Марксистская география предложила посмотреть на феномен пространства под принципиально иным углом зрения как на производную от социальных отношений, которые а priori историчны. Благодаря этому взгляду категория пространства обрела собственную теоретическую жизнь в марксизме, а дискурс спатальности стал неотъемлемой частью теоретических построений многих современных марксистских исследователей, работающих в совершенно разных дисциплинарных полях, в том числе Ф. Джеймисона.

Выделяя три стадии развития капитализма – классический, монополистический и поздний капитализм, Джеймисон подчеркивает, что для каждой из них характерна особая логика пространства. Он пишет: «Я попытался предположить, что каждая из трех исторических стадий капитала породила только ей свойственный тип пространства несмотря на очевидность того факта, что эти три стадии капиталистического пространства имеют гораздо более глубокую взаимосвязь, чем пространства, характерные для других способов производства»². Далее Джеймисон конкретизирует механизмы производства новых форм спатальности: «...все эти три типа пространства, которые я имею в виду, являются результатом прерывающейся экспансии или ка-

¹ Soja E.W. *Postmodern Geographies: the Reassertion of Space in Critical Social Theory*. London ; New York : Verso, 1989. P. 56.

² Jameson F. *Cognitive Mapping*. P. 348.

чественных скачков в расширении капитала, в его проникновении и колонизации тех областей, которые прежде не были подчинены товарной логике»¹.

Описывая эти различные формы капиталистической спатильности, Джеймисон использует пространственные метафоры. Первую форму пространства, вызванную к жизни классическим или рыночным капитализмом, он сравнивает с решеткой, обозначая тем самым тенденцию к унификации и упорядочиванию многообразия социальной жизни, свойственной докапиталистическим моделям развития. Строгие геометрические линии, образующие эту решетку, становятся метафорой линейной и репрессивной логики нарождающегося капитализма. Не случайно великие европейские философы, творившие на его заре Бэкон, Локк и особенно Гоббс, восхваляли евклидову геометрию как идеальный способ описания бытия. Другим важным аспектом этой геометрической метафоры Джеймисона является намерение показать еще возможное на этой стадии совпадение линии непосредственного и ограниченного индивидуального опыта и той социальной и экономической формы, которая этот опыт обуславливает.

Замещение рыночного капитализма монополистическим для американского теоретика сопряжено с важным пространственным сдвигом, реперной точкой которого стало возникновение империй и колониальных систем. Этот сдвиг стал причиной разрыва между некогда совпадавшими линиями индивидуального и социального бытия, поскольку в условиях империалистического капитализма индивидуальный субъект оказался в ситуации, когда он уже более не мог сопоставить эти две расходящиеся и ускользающие друг от друга линии. Метафорически возникшую здесь форму пространства можно представить в виде параллельных прямых, которые, согласно правилам евклидовой геометрии, не пересекаются.

Поздний капитализм породил социальное пространство качественно иного порядка. Называя его постмодернистским, Джеймисон подчеркивает, что его определяющим признаком является радикальное вытеснение времени

¹ Ibid.

как формы восприятия бытия исключительно спатиальными формами, что позволяет ему говорить о постмодернизме как о «конце темпоральности»¹. Интересно, что провозглашая этот тезис, американский теоретик фактически идет вразрез с одним из центральных положений теории Канта об априорных, иначе говоря, неизблемых формах сознания, которыми в равной степени являются и пространство, и время. Метафорой постмодернистского пространства для Джеймисона становится поверхность, плоскость, свойство, о котором он часто говорит, рассуждая о постмодернистском субъекте, артефактах современной культуры и политике.

Джеймисон убежден, что в условиях новой фазы капитализма существенную трансформацию претерпевает и субъект. В этом вопросе он солидарен с Делезом и Гваттари и их идеей «идеальной шизофрении»², к которой он активно апеллирует. Называя шизофреника идеальным типом постмодернистского субъекта, американский теоретик не наделяет это понятие никакими медицинскими смыслами. Для него это прежде всего субъект, сознание которого утрачивает способность воспринимать время и таким образом редуцируется к пространству «вечного настоящего». Примечательно замечание Джеймисона о том, что в условиях постмодернизма эта абсолютизация настоящего воспринимается позитивно как новый вид свободы и освобождение от оков прошлого. Более того, сам шизофренический субъект рассматривается как противоположность субъекту параноидальному и так же оценивается положительно. Джеймисон пишет: «Шизофреник здесь противопоставляется крепости эго параноика, источнику всех фашизмов и авторитаризмов, и таким образом становится политическим, а равно и как этическим идеалом»³.

Логика поверхности, считает теоретик, распространяет свои законы и на пространство политического и публичного. Если постмодернистский субъект

¹ См.: *Jameson F. The End of Temporality.*

² *Ibid.* P. 649.

³ *Ibid.*

утрачивает связь с будущим, то перестает выполняться и одна из конститутивных для Джеймисона функций политики – производство образов будущего и утопий. Об этом он пишет: «...ослабление чувства истории и исторического воображения, ставшее характерной чертой постмодерна, парадоксальным образом переплетается с утратой того места за пределами истории (или после ее конца), которое мы называем утопией ... сегодня достаточно сложно представить какую бы то ни было радикальную политическую программу без концепции другой системы, иного общества, которую, похоже, только идея утопии, причем весьма слабо, еще поддерживает в живых»¹. Политика тем самым оказывается запертой в бесконечном пространстве настоящего и утрачивает свой смысл, еще поддерживаемый Модерном.

Признаки трансформации постмодернистского публичного пространства Джеймисон наблюдает повсюду, отмечая, однако, что наиболее отчетливо их можно разглядеть в современной архитектуре. Так, одним из символов постмодернизма для него становится здание отеля Вестин Бонавенчер в Лос-Анджелесе², архитектура которого, как доказывает американский теоретик, соответствует новым постмодернистским формам коллективных практик³. Он показывает, что здание этого отеля устроено таким образом, что оно не предполагает никаких публичных пространств, а скорее наоборот, заставляет постояльцев и гостей постоянно «перетекать» из одного пространства в другое.

Еще одной важной характеристикой Вестин Бонавенчер является крайняя разветвленность и запутанность его внутренней структуры, в которой сложно ориентироваться и очень легко заблудиться. Для Джеймисона эта особенность здания является прямой проекцией логики организации пространства самого позднего капитализма. Продолжая ранее намеченную линию, теоретик утверждает, что на этой стадии разрыв между индивидуаль-

¹ *Jameson F.* The Politics of Utopia.

² *Jameson F.* Postmodernism, Or, the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, 1990. P. 38–45.

³ *Ibid.* P. 40.

ным опытом и бытием социального возрастает настолько, что субъект окончательно утрачивает способность к ориентации в постмодернистском пространстве.

Для того чтобы восстановить эту способность, Джеймисон предлагает прибегнуть к стратегии когнитивного картографирования, предполагающей разработку ментальных карт, которые помогут субъекту ориентироваться в постмодернистском пространстве, как обычные карты помогают ориентироваться на местности. Конструирование этих карт призвано раскрепостить утопическое мышление. Как справедливо отмечает Иен Бьюкинен, «утопии зиждутся на когнитивных картах»¹, которые функционируя в качестве онтологий настоящего, «требуют от нас археологий будущего, то есть утопий»². Ф. Вегнер даже называет утопии Модерна самыми ранними формами операций когнитивного картографирования³.

Свой подход к проблеме утопии Джеймисон характеризует как негативный⁴, поскольку, как отмечает теоретик, он направлен не на конструирование неких позитивных утопических нарративов по типу тех, которые возникли в XIX в.⁵, а на анализ того, что не позволяет нам «представить будущее», того, «что блокирует будущее и утопические импульсы»⁶. Здесь проявляется влияние на Джеймисона негативной диалектики Теодора Адорно, которая предполагает отказ от синтетической модели мышления, от поиска тождеств, и в то же время сконцентрированность сознания на противоречиях, содержащихся в реальности, согласно принципу «достигнуть можно только отрицательно, негативно»⁷. Далее такой подход к проблеме утопии, вероятно, также обусловлен влиянием на Джеймисона идей Альгирдаса Греймаса, а точнее его концепции семиотического квадрата, которую американский теоретик

¹ *Buchanan I.* Fredric Jameson: Live Theory. P. 113.

² *Ibid.* P. 118.

³ *Wegner Ph.E.* Op. cit. P. 58.

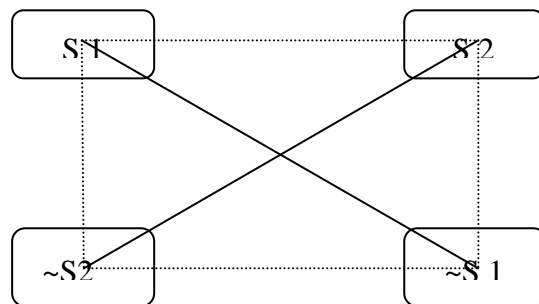
⁴ *Buchanan I.* Live Jameson. P. 131.

⁵ *Ibid.*

⁶ *Ibid.*

⁷ *Адорно Т.* Негативная диалектика. М. : Науч. мир, 2003. 376 с.

характеризует как «логическую структуру самой реальности»¹, или используя понятие Умберто Эко, как «онтологический структурализм»². Концепция семиотического квадрата указывает на то, что любое понятие или нарратив строится на семантических оппозициях, объединенных общим признаком, и что переход от одной оппозиции к другой неизбежно требует отрицания, негации³. Иными словами, перенося эту концепцию Греймаса на область утопического, можно сказать, что переход от реальности к утопии всегда требует отрицания первой через полагание некой не-реальности. В данном случае семиотический квадрат, основанный на бинарной оппозиции утопии и реального, можно представить в виде следующей схемы,

где: S1 обозначает реальность, S2 – утопию, ~S1 – не-реальность, ~S2 – не-утопию. Опираясь на принципы семиотического квадрата, семантические отношения между понятиями реальности и утопии, можно интерпретировать следующим образом. Во-первых, для того чтобы перейти от элемента оппозиции S1 (реальность) к элементу оппозиции S2 (утопия), которые находятся в отношениях противоречия, согласно данной схеме, необходимо отрицание S1 (реальности), или в логике семиотического квадрата, переход к элементу ~S1, обозначающему не-реальность. Таким образом, первый важный вывод, который можно сделать, применяя схему семиотического квадрата к проблеме утопии, состоит в том, что движение к утопии возможно только через отрицание реальности. Во-вторых, концепция семиотического квадрата также

¹ Jameson F. The Political Unconscious ... P. 46.

² Ibid.

³ Греймас А.Ж. Структурная семантика: поиск метода. М. : Акад. проект, 2004. 368 с.

предполагает, что элементы оппозиции S1 (реальность) и S2 (утопия) как элементы всякой бинарной оппозиции обладают общим свойством, из чего можно сделать второе принципиальное заключение об отношениях утопического и реального, а именно, что S1 (реальность) всегда предполагает существование S2 (утопии) и наоборот. Из этого также следует, что в любой семантической системе утопические импульсы ограничены семантикой реальности и в значительной степени детерминированы ею. В этом смысле, как отмечает сам Джеймисон, «даже самые наши невероятные фантазии являются коллажами опыта, конструктами, собранными из кусочков настоящего»¹.

Однако Джеймисон все же усматривает некоторые ограничения в методологии Греймаса и предпринимает попытку дополнить его концепцию. Так, американский теоретик указывает на то, что семиотический квадрат Греймаса в действительности представляет собой «статичную аналитическую схему, организованную скорее вокруг бинарных, а не диалектических оппозиций»². Джеймисон предлагает посмотреть на семиотический квадрат под другим углом зрения и увидеть в нем модель идеологической замкнутости, которая «обозначает пределы конкретного идеологического сознания и отмечает концептуальные точки, за границы которых сознание не может выйти и в пределах которых оно приговорено блуждать»³. Теоретик полагает, что семиотическую схему Греймаса необходимо усовершенствовать, придав ей более динамический, диалектический и исторический характер. В частности, в предисловии к английскому переводу книги Греймаса «О значении» Джеймисон утверждает, что между двумя бинарными оппозициями семиотического квадрата в действительности можно помыслить несколько промежуточных позиций⁴. Далее в работе «Политическое бессознательное» он говорит о том, что политическое воображение пытается преодолеть ограничения этой схе-

¹ *Jameson F.* Introduction: Utopia Now // *Archaeologies of the Future: the Desire Called Utopia and Other Science Fictions*. London ; New York : Verso, 2005. P. XVIII.

² *Jameson F.* The Political Unconscious ... P. 47.

³ Ibid.

⁴ *Greimas A.* On Meaning: Selected Writings in Semiotic Theory / trans. Paul J Perron & Frank H Collins. London : Frances Pinter, 1987. P. XIV.

мы, синтезируя все логически доступные позиции, противоречащие элементам бинарной оппозиции¹.

Как отмечает С. Хелмлинг, цель этой критики Джеймисона состоит в том, чтобы сделать семиотическую систему подвластной и гибкой для утопического желания². Это еще одно понятие, в терминах которого американский теоретик довольно часто рассматривает проблему утопии. Так, в работе «Политическое бессознательное» он называет утопию «либидинальным аппаратом» или «машиной желания»³; о политическом значении желания и удовольствия как утопических импульсов он говорит в статье «Удовольствие. Политический вопрос»⁴; желание в качестве основополагающего принципа утопического мышления он рассматривает в работе «Археологии будущего»⁵.

Джеймисон предлагает различать утопию как форму и утопию как желание⁶. Первая у него предстает в качестве самого жанра утопии или, говоря другими словами, особой структуры, а вторая – в качестве того, что теоретик называет утопическим импульсом. Такое разграничение Джеймисоном двух измерений проблематики утопии является весьма показательным, поскольку отражает его скепсис относительно перспектив утопий и утопического мышления в обществе постмодерна. В значительной степени это также определяет его негативный подход к проблеме утопии, который обуславливает смещение аналитического фокуса Джеймисона от содержания утопии к проблеме ее репрезентации.

Проблема репрезентации утопии или, иными словами, проблематичность для индивидуального и коллективного сознания помыслить будущее, является ключевой в концепции утопии Джеймисона. Для него эта проблема связана не только со спецификой постмодернистской культуры и общества,

¹ *Jameson F. The Political Unconscious ...* P. 48.

² *Helmling S. Op. cit.* P. 91–92.

³ *Jameson F. The Political Unconscious ...* P. 48.

⁴ *Джеймисон Ф. Удовольствие. Политический вопрос.*

⁵ *Jameson F. Archaeologies of the Future: the Desire Called Utopia and Other Science Fictions.* London ; New York : Verso, 2005. 431 p.

⁶ *Jameson F. Varieties of the Utopian // F. Jameson. Archaeologies of the Future: the Desire Called Utopia and Other Science Fictions.* London ; New York, 2005. P. 1.

но и с формой и структурой самой утопии, и состоит она в том противоречии, которое возникает при попытках представить утопию в нарративной форме. Это противоречие, на которое указывает теоретик, заключается в том, что любая нарративная утопическая конструкция неизбежно включает в себя элементы настоящего и тем самым подрывает себя. Так, в своей работе «Семена времени» он отмечает, что «идеи об утопической жизни содержат в себе противоречивые представления, поскольку все они, по-видимому, нацелены на изображение и осуществление поруганной идеи свободы, которую по определению, а также из-за самой ее структуры, невозможно ни заранее определить, ни описать: когда вы уже знаете, в чем состоит ваша вожденная задача в такой еще-не-существующей свободе, у вас возникает подозрение, что возможно это никакая ни свобода, а всего лишь повторение; в то же время, страх запятнать открывающееся будущее своими уродливыми и подавленными социальными привычками из настоящего является извечной угрозой для фантазий о будущем обществе»¹. По мнению теоретика, для всех самобытных утопий было характерно смутное ощущение этого структурного противоречия². По этой причине, согласно Джеймисону, любые попытки представить утопию в нарративной форме обречены на провал. В этом смысле утопия не может быть законченным политическим проектом и руководством к действию.

В работе «Семена времени» Джеймисон ассоциирует утопию с машиной: «...утопическая машина может вобрать в себя несвободу, сконцентрировать ее там, где она может быть наилучшим образом переработана и поставлена под контроль...»³. Эта выбранная теоретиком метафора отсылает нас к культуре модернизма, в которой эстетика машины была доминирующей. Так, образ машины идеализировался в архитектурных концепциях Ле Корбюзье, который называл дом «машиной для жилья»; принцип машинерии

¹ *Jameson F.* The Seeds of Time. New York : Columbia Univ. Press, 1994. P. 56–57.

² *Ibid.* P. 57.

³ *Ibid.*

был важной частью идеологии литературного творчества у писателей-модернистов Э. Паунда и Д. Дос Пассоса; Дзига Вертов представлял человека как совершенную машину. В целом вся модернистская культура говорила о машине, порождая веру в возможность построения общества подобного ей по эффективности и функциональности. По аналогии с модернистскими машинами Джеймисон приписывает такую же функциональность утопии. Для него ее сущностной чертой является функция, которую она выполняет. В чем же, по Джеймисону, состоит эта функция?

В «Политическом бессознательном» он называет утопию машиной желания, заимствуя эту метафору у Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Французскими теоретиками она была введена для обозначения новой модели описания субъекта, которая противопоставлялась ими классической концепции. Принципиальным свойством «Я» в их модели являлась его несубстанциональность, превращающая субъект из монолитного трансцендентного Абсолюта в бесконечный процесс самоорганизации. То что запускает этот процесс, они как фрейдисты нашли в пластах бессознательного. Это желание, которое для них по сути единственное устойчивое основание индивидуального бытия, творческое начало, создающее индивида, который «производится как остаток, рядом с желающими машинами»¹. Машина желания Делеза и Гваттари, таким образом, воплощает в себе процессуальность желания как творческого начала, «это постоянное производство самого производства». Уподобляя утопию машине желания Джеймисон наделяет ее похожими смыслами. Утопия для него аккумулирует творческий импульс желания, производит желание и невозможна без него. Именно такое понимание утопии побуждает Джеймисона скептически оценивать перспективы утопии в условиях постмодернизма.

Джеймисон указывает на присущий постмодернизму антиутопизм. Он отмечает, что в условиях позднего или постмодернистского капитализма

¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина ; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. С. 35.

утопические импульсы оказываются подавленными в максимально возможной степени¹. Джеймисон полагает, что кризис утопии в этот период отчасти был обусловлен кризисом самого социализма, отмечая, что в «это время “утопия” была кодовым словом, которое обозначало “социализм” или любую другую революционную попытку создать новое общество, которое радикалы того времени почти всегда отождествляли со Сталиным и советским коммунизмом»². Однако более глубокую структурную причину этого кризиса утопического Джеймисон все же видит в специфических онтологических и гносеологических установках постмодернизма. Характеризуя последний как культуру пастиша и репликации, Джеймисон считает, что утопическое мышление является чуждым для культуры постмодерна, поскольку подлинно утопическая фантазия всегда предполагает разрыв с настоящим, с привычным ходом истории и попытку вообразить новую грамматику общества³. Более того, новый тип субъекта – субъекта шизофренического, которого производит культура постмодерна, не способен мыслить утопически, хотя бы потому, что не способен желать. Согласно Джеймисону, способность желать у такого субъекта вытеснена аффектами и симулякрами желаний, происходит то, что теоретик называет «денатурализацией желания»⁴. В целом все эти особенности постмодернистской культуры обуславливают угасание в ней утопических импульсов. В этом смысле проблема желания становится для Джеймисона условием восстановления способности мыслить утопически, а следовательно и подлинно политической проблемой. Как представляется, ее решение Джеймисон видит скорее в плоскости микрополитики и педагогики, чем в плоскости «большой политики». Здесь беспокойство теоретика о судьбе желания в условиях постмодерна коррелирует с общей обеспокоенностью

¹ *Jameson F.* Utopia and its Antinomies // *F. Jameson. Archaeologies of the Future: the Desire Called Utopia and Other Science Fictions.* London ; New York, 2005. P. 161.

² *Jameson F.* Postmodernism, Or, the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, 1990. P. 159.

³ *Jameson F.* The Future as Disruption // *F. Jameson. Archaeologies of the Future: the Desire Called Utopia and Other Science Fictions.* London ; New York, 2005. P. 211–233.

⁴ *Jameson F.* Cognitive Mapping. P. 349.

иссяканием импульсов желания, которое характерно в целом для современной критической теории. К примеру, Мигель Абенсур известный французский теоретик говорит о необходимости «воспитания желания» как непременном условии развития утопического мышления¹. У Джеймисона педагогическая составляющая его философии более отчетливо представлена в статье «Марксизм и обучение», в которой теоретик рассуждает о модели преподавания марксизма и которая могла бы способствовать формированию марксистского мировоззрения.

Анализируя метафору машины в концепции утопии Джеймисона, Ф. Вегнер полагает, что концептуализация Джеймисоном утопии как машины является последним пунктом эволюции его взглядов на утопию, которая последовательно проходит стадии от представлений об утопии как горизонте, утопии как фигуре и утопии как машине². И. Бьюкинен приходит к выводу, что для Джеймисона утопия скорее играет роль своеобразной машины обещания (*promising machine*)³. Эта характеристика концепции Джеймисона, данная Бьюкиненом, довольно точно отражает ключевые особенности его понимания утопии и раскрывает джеймисоновскую метафору машины. Характеризуя утопию у Джеймисона как машину обещания, Бьюкинен показывает, что она основана на том же принципе машинерии, что и машина желания Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Подлинная утопия – это машина обещания, поскольку она постоянно продуцирует надежду на некое другое будущее, обещает, но не гарантирует это будущее. В этом смысле истинное значение утопии состоит именно в поддержании этого импульса надежды, который парадоксальным образом угасает при попытках воплотить его в жизнь в качестве политического проекта, и наоборот поддерживается благодаря сбоям в работе этой машины обещания. Из этого следует, что критерием оценки подлинности

¹ См. об этом: *Amsler S.S. Pedagogy against «Dis-Utopia» : from Conscientization to the Education of Desire // Current Perspectives in Social Theory / ed. by H. Dahms. Emerald Group Publishing Limited, 2008. Vol. 25. P. 311–314.*

² *Wegner Ph.E. Op. cit. P. 58.*

³ *Buchanan I. Metacommentary on Utopia, or Jameson's Dialectic of Hope. P. 22.*

утопии является ее способность постоянно продуцировать надежду на будущее, а не наличие хорошо разработанного механизма достижения и организации этого будущего. Еще один важный аспект такого подхода к утопии состоит в том, что он позволяет удерживаться в зоне свободы и не переходить за ее черту в зону необходимости. Таким образом, машина обещания – это та форма, в которой только и может функционировать подлинная утопия, согласно Джеймисону.

Итак, Джеймисон настаивает на возвращении утопического мышления в сферу политического и прежде всего в левую политику. Он отмечает, что «это, конечно же, не означает, что если нам удастся вернуть к жизни самую утопию, то мы тут же сможем узреть контуры новой и эффективной в условиях глобализации практической политики. Это означает лишь то, что без этого мы никогда не сможем их определить»¹. Вместе с тем теоретик отказывается от конструирования позитивного утопического нарратива по типу идеи коммунизма в классическом марксизме, полагая, что сама попытка репрезентировать утопию разрушает утопический импульс, который является конституирующим для утопии. Напротив, его подход к проблеме утопии является негативным и нацелен на анализ того, что блокирует само утопическое мышление и утопические импульсы. Помещая проблему утопии в контекст постмодернизма, Джеймисон приходит к выводу, что в постмодернистском обществе утопия должна выполнять функцию «машины желания», поскольку утопическое мышление и любые утопические импульсы здесь блокированы самой неспособностью постмодернистского субъекта испытывать желания, замещенные у него аффектами.

Вместе с тем ответив на вопрос о структуре и функциях утопии в концепции Ф. Джеймисона, следует обратиться к еще одному важному вопросу политической философии, а именно к вопросу о соотношении утопии и идеологии, который ранее был подробно исследован такими авторитетными исследователями как К. Мангейм и П. Рикер.

¹ *Jameson F. The Politics of Utopia.*

Так, Мангейм указывает на их сущностное единство, утверждая, что и идеология, и утопия представляют собой трансцендентальные по отношению к действительности ориентации¹. Однако он четко различает их по двум критериям – по функциям, которые они выполняют, а также по степени их реализации. В первом случае функциональное отличие утопии от идеологии, согласно теоретику, заключается в том, что первая всегда направлена на разрушение действительной структуры бытия, в то время как последняя нацелена на ее сохранение. Второе отличие утопии от идеологии, по Мангейму, состоит в том, что идеологии никогда не достигают реализации своего содержания, тогда как утопиям удастся преобразовать существующую историческую действительность, приблизив ее к своим представлениям². Таким образом, идеология и утопия у Мангейма по сути структурно не различимы. Обе они представляют собой не соответствующие бытию трансцендентальные ориентации, и одна и та же трансцендентальная ориентация в зависимости от исторической ситуации и того достигает ли она своей реализации, может функционировать и как идеология, и как утопия.

Поль Рикер сопоставляет утопию и идеологию по функциям, которые они выполняют, и указывает на антагонистический характер отношений между ними. Однако в отличие от Мангейма, оценивавшего позитивно лишь утопию и выступавшего за искоренение идеологии, французский теоретик выделяет негативные и позитивные функции как у идеологии, так и у утопии, рассматривая их соотношение на трех уровнях. Так, на первом уровне, в то время как идеология выполняет позитивную функцию интеграции, конститутивная функция утопии состоит в том, что она позволяет увидеть реальность под другим углом зрения и пересмотреть природу существующей социальной организации. На втором уровне, идеология способствует легитимации существующей власти, тогда как идеология разоблачает идеологию власти,

¹ Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы / Сост., общ. ред. и предисл. В.А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1991. С. 113-114.

² Мангейм К. Там же. С. 115-116.

тем самым подрывая ее. Об этом столкновении идеологии и утопии Рикер говорит следующее: «если идеология ... является добавочной стоимостью к недостаточному доверию к власти, то утопия это то, что эту добавочную стоимость разоблачает»¹. На третьем уровне, Рикер сопоставляет негативные функции идеологии и утопии, показывая, что в то время как идеология функционирует как ложное сознание, утопии свойственна тенденция к отрыву от реальности, от реальных проблем существующего общества². Вместе с тем противопоставляя идеологию и утопию, Рикер подчеркивает, что они связаны между собой диалектически и что «невозможно выйти из круговорота идеологии и утопии»³.

В отличие от Мангейма и Рикера, Джеймисон лишь намечает контуры диалектики идеологии и утопии. О существовании между ними диалектических отношений он говорит в работе «Политическое бессознательное». Для обоснования этой позиции теоретик обращается в первую очередь к марксистской герменевтике и утверждает, что «негативная герменевтика», воплощенная в толковании идеологии как ложного сознания, не является ее единственным измерением. Джеймисон показывает, что для марксизма характерна и «позитивная герменевтика», которая основана на классе и коллективной динамике. Поясняя, что ложное сознание, это не что иное, как структурные ограничения ценностей конкретного социального класса, он утверждает, что эти структурные ограничения могут быть преодолены исключительно в рамках классового сознания, в котором только и могут быть концептуализированы идеи и ценности конкретного класса, его утопия. Джеймисон показывает, что в границах индивидуального сознания эта концептуализация не возможна, поскольку она требует болезненной децентрации сознания, которой оно будет неизбежно сопротивляться. Индивидуальное сознание, не может пребывать в состоянии перманентной «Коперниканской революции»,

¹ Ricoeur P. Lectures on Ideology and Utopia. New York: Columbia University Press. 1986. P. 298.

² Ricoeur P. Там же. P. 17.

³ Там же. P. 180.

что, в частности, наглядно продемонстрировали психоаналитические исследования¹. Таким образом, возможность перехода от ограниченности идеологии к утопии Джеймисон видит в тотализации классового сознания посредством процедуры когнитивного картографирования, концептуализации которой и посвящен следующий параграф.

2.3. Концепция когнитивного картографирования Ф. Джеймисона в контексте проблемы глобализации

Характерной чертой политической философии Фредрика Джеймисона является ее диалектический и тотализирующий характер, который в частности выражается в том, что теоретик устанавливает предельно четкие взаимосвязи и зависимости между различными структурами социального бытия – экономическим, культурным, политическим и индивидуальным. Так, в своей известной работе о постмодернизме² он описывает последний как культурную логику позднего капитализма и определяет характерный для него тип шизофренического субъекта. В сфере же политического отражением этого способа производства для Джеймисона становится глобализация, которую теоретик называет политической стратегией позднего капитализма³. Как и многие другие левые теоретики, Джеймисон подвергает глобализацию критике, однако его заслуга состоит в том, что в отличие от других ему удалось сформулировать конкретную стратегию, направленную на противостояние глобализации, которую он называет когнитивным картографированием. На Западе данная концепция была аккумулирована левой социальной теорией и получила развитие в рамках разных направлений критических исследований,

¹ *Jameson F.* The Political Unconscious. Narrative as a Socially Symbolic Act. Ithaca, N.Y. : Cornell Univ. Press, 1981. P. 283-284.

² *Jameson F.* Postmodernism, Or, the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, 1990.

³ *Jameson F.* Globalization as Political Strategy // Valences of the Dialectic. London ; New York, 2009. P. 456–472.

превратившись в них либо в авторитетный теоретический концепт, либо по крайней мере в символически значимую фигуру речи или, говоря словами Джеймисона, во влиятельную идеологическую форму, в то время как в российских социальных науках она пока не получила должного концептуального осмысления.

Тем не менее решение данной задачи осложняется уже хотя бы тем, что самим Джеймисоном идея когнитивного картографирования более или менее подробно в виде самостоятельной концепции была изложена лишь в одной его одноименной статье, которая была опубликована в сборнике «Марксизм и интерпретация культуры», изданном в 1990 г.¹, и лишь частично освещена в других его работах таких как «Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма»² (1990), «Геополитическая эстетика, или кино и пространство в мир-системе»³ (1992), «Марксизм и постмодернизм»⁴ (1998). В этой связи анализ концепции когнитивного картографирования Джеймисона может осуществляться лишь в форме реконструкции, что обуславливает необходимость помещения настоящего исследования в широкий контекст всей его теории, включая прежде всего рассмотрение идеи когнитивного картографирования в тесной связи с представлениями американского теоретика о глобализации, которой, по его мысли, она призвана противостоять.

Исходная теоретическая установка Джеймисона относительно проблемы глобализации является естественным продолжением его представлений о логике общественно-исторического развития и состоит в том, что глобализацию он рассматривает как неотъемлемый элемент третьей (поздней) стадии капитализма, которую он называет мультинациональной⁵. В этой связи оче-

¹См.: Jameson F. Cognitive Mapping. P. 347-360. Перевод данной статьи Джеймисона на русский язык был опубликован в 2014 г., см.: Джеймисон Ф. Когнитивная картография // Марксизм и интерпретация культуры : пер. с англ. М. ; Екатеринбург, 2014. С. 335–349.

² Jameson F. Postmodernism, Or, the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, 1990.

³ Jameson F. The Geopolitical Aesthetic, or, Cinema and Space in the World System. Bloomington ; London : Indiana Univ. Press : BFI Pub., 1992. 220 p.

⁴ Jameson F. Marxism and postmodernism.

⁵ Jameson F. Globalization as a Philosophical Issue // F. Jameson. Valences of the Dialectic. London ; New York, 2009. P. 435–455.

видно, что подход Джеймсона к анализу глобализации как концепта и феномена неизбежно будет носить критический характер, однако в целях настоящего исследования важно выяснить, как именно разворачивается его критика и на какие сущностные свойства глобализации она прежде всего направлена.

Взгляды Джеймсона на проблему глобализации предметно изложены им в книге «Валентности диалектики» (2009) в разделах «Глобализация как философская проблема»¹ и «Глобализация как политическая стратегия»². Первый из указанных разделов был ранее опубликован в виде отдельной статьи под названием «Заметки о глобализации как политической проблеме»³ в коллективной монографии «Культуры глобализации» (1998), к которой Джеймсон также написал предисловие. Анализ данных материалов в контексте всей его теории позволяет прояснить специфику джеймсоновской трактовки глобализации и понять его основополагающий тезис о связи глобализации и позднего капитализма.

Философским основанием подхода Джеймсона к глобализации следует считать идею Гегеля о диалектике Тождества и Различия⁴, которую американский теоретик интерпретирует следующим образом: «Он [Гегель] говорит о том, что вы начинаете с Тождества только для того, чтобы обнаружить, что оно всегда определяется в терминах Различия с чем-то другим; вы обращаетесь к Различию и выясняете, что любые рассуждения о нем включают мысли о “тождестве” самой этой категории. Как только вы сможете увидеть, как Тождество переходит в Различие, а Различие в Тождество, вы сможете понять и то, и другое как неразделяемую Оппозицию, вы поймете, что их всегда нужно мыслить вместе»⁵. Как представляется, именно эта идея о диалектике Тождества и Различия отражается в понимании Джеймсоном логики развития глобализации и ее эффектов. В частности, это определяет его ответ на

¹ Ibid.

² *Jameson F.* Globalization as Political Strategy.

³ *Jameson F.* Notes on Globalization as a Political Issue // *The Cultures of Globalization* / ed. by Fredric Jameson and Masao Miyoshi. Durham, 1998. P. 54–80.

⁴ Гегель Г.В. Ф. Наука логики. М. : Наука, 2005. 800 с.

⁵ *Jameson F.* Globalization as a Philosophical Issue. P. 454.

один из ключевых вопросов в споре о глобализации: ведет ли она к стандартизации и унификации мира или, наоборот, к росту многообразия. Эта проблема также находится в центре целого пласта теорий модерности и формулируется в виде специфического для них вопроса «Одна модерность или много?»¹.

Для Джеймисона указанные тенденции являются разными валентностями одного процесса глобализации, которые легко меняются местами и в гегелевском духе переходят от Тождества к Различию и наоборот. Так, отмечает теоретик, в культурном измерении глобализации мы можем наблюдать то, что приветствуют постмодернисты – рост многообразия и усиление различий, которые также отражаются в появлении в дискурсе публичной сферы «целого ряда групп, рас, гендеров, этничностей», а также «исчезновение тех структур, которые приговорили целые сегменты общества к забвению и подчинению»². Между тем в экономическом измерении глобализации скорее господствует принцип Тождества, что проявляется в «стремительной ассимиляции некогда автономных национальных рынков и производственных зон в единую сферу, в исчезновении национальных систем обеспечения (в области продовольствия, например) и принудительной интеграции стран всего мира в новую глобальную систему разделения труда»³. Однако поменяв местами валентности Тождества и Различия, мы увидим, что на уровне культуры происходят процессы стандартизации, исчезновение локальных различий и массивификация общества, в то время как в рамках глобальной экономики, к примеру, возникают особые локальные и региональные рынки.

С одной стороны, этот тезис Джеймисона можно было бы рассматривать в качестве приветствия глобализации как источника различия. Однако поместив его в контекст всей теории Джеймисона, исходной установкой которой

¹ См.: *Wagner P. Modernity: One or Many? // The Blackwell Companion to Sociology / ed. by Judith R. Blau. Malden, MA, 2004. P. 30–42; Мартьянов В.С. Один Модерн или «множество»? // ПОЛИС : Полит. исслед. 2010. № 6. С. 41–53.*

² *Jameson F. Globalization as a Philosophical Issue. P. 437.*

³ *Ibid.*

является идея о примате капитализма как движущей силы общественно-исторического развития, нам следует интерпретировать его иначе. Теоретик делает акцент на глобализации как Тожестве, показывая, что она аккумулирует различия, которые продуцирует в ходе своего развития, встраивая их в свою логику. Понимаемая таким образом глобализация у Джеймисона оказывается очень близка к идее развертывания мирового Духа Гегеля, но все же не тождественна ей.

Исследовательница Карен Ирр отмечает, что глобализация в трактовке Джеймисона имеет важную модальность и понимается им в том числе как американизация¹. Действительно, теоретик подробно анализирует стратегии доминирования Америки и демонстрирует как элементы национальных, региональных и локальных культур и экономик постепенно вытесняются или встраиваются в некие универсальные глобальные формы. В том числе подтверждая свой известный тезис о том, что на стадии позднего капитализма логика капитала подчиняет себе культуру, он показывает как американская политика способствовала коммерциализации культуры на примере тех мер, которые использовали США в борьбе с культурным протекционизмом других государств. Однако важно отметить, что Джеймисон предостерегает от скатывания к пониманию американизации в духе конспирологии. Распространение капитализма в глобальном масштабе в форме американизации для него является естественным следствием экономического доминирования США, которые действуя как любой другой субъект капиталистической экономики стремятся сохранить и увеличить свое экономическое преимущество, что оборачивается ухудшением благосостояния других субъектов². Иными словами, для Джеймисона Америка на стадии позднего капитализма выступает отнюдь не в роли источника, а в роли своеобразного проводника глобальной логики капитала, является своего рода носителем гегелевского Ми-

¹ *Irr C. The American Grounds of Globalization // On Jameson: from Postmodernism to Globalization / ed. by Caren Irr and Ian Buchanan. Albany, New York, 2006. P. 232.*

² *Jameson F. Globalization as a Philosophical Issue. P. 441.*

рового Духа или, если формулировать данную идею в структуралистских терминах, местом производства глобальных экономических структур и структур бессознательного. Крайне примечательно, что политику глобализации Джеймисон также описывает в терминах политического реализма, характеризуя ее как игру с нулевой суммой, к примеру, когда говорит, что в процессе глобализации реализация свободы одного «ведет к разрушению национального культурного производства других народов»¹.

Ядром экономики позднего капитализма американский теоретик называет консюмеризм² или идеологию потребления, которая является отражением процесса «либидинизации рынка»³. Последний воплощается в том, что прежде всего вследствие воздействия рекламы товар становится желанным сам по себе и таким образом сам становится идеологией, которая апеллирует уже не к рациональным, а к бессознательным структурам психики. Глобальная экономика позднего капитализма аккумулирует эту идеологию в целях своего дальнейшего расширения, транслируя логику товарной формы в те области социального, которые ей ранее не подчинялись. Поэтому Джеймисон заключает: «что бы ни происходило на прежних стадиях капитализма, ... сегодня не осталось анклавов, ... где не господствовала бы товарная форма»⁴. В то же время, обратной стороной этого процесса является зависимость товара от своего либидинального образа, без которого он не будет желанным. В этом смысле любой экономический товар должен стать культурным товаром. Именно поэтому Джеймисон говорит о взаимной обусловленности экономики и культуры, которая оформляется в условиях позднего капитализма и которая размывает границы между экономикой и культурой. Продолжая свою критическую линию, он подчеркивает, что такая взаимная обусловленность подрывает дуализм экономики и культуры, или в марксистской терминологии базиса и надстройки. Он пишет: «этот дуализм экономики и культуры ...

¹ Ibid. P. 454.

² Ibid. P. 444.

³ Ibid. P. 448.

⁴ Ibid. P. 449–450.

стал казаться непродуктивным, особенно на третьей стадии капитализма (постмодерности или позднего капитализма), когда эти два измерения дедифференцировались и опрокинулись друг на друга: культура здесь становится товаром, а экономика превращается в процесс либидинального и символического инвестирования...»¹. Такая взаимная обусловленность базиса и надстройки в превращенной форме отражается во всех структурных элементах надстройки, в том числе и в политике. В связи с этим Джеймисон отмечает, что «культура здесь окончательно приобрела экономический характер, и теперь эта особая экономика определяет политическую повестку дня, диктует политику»². Он особо подчеркивает, что прежние формы борьбы за власть на стадии позднего капитализма продолжают существовать, как например, борьба за полезные ископаемые и другие ресурсы, или чисто политические, дипломатические и военные попытки заменить непокорные правительства на дружественные. Однако все это теоретик определяет как «модернистские формы империализма»³ и утверждает, что парадигмальным основанием глобализации является то, что он называет «постмодернистской формой империализма» или «культурным империализмом»⁴. Именно эта форма воплощает в себе ключевую особенность системы позднего капитализма, каковой является «дедифференциация, слияние между различными уровнями экономического, культурного и политического, что определяет постмодерность и придает глобализации фундаментальную структуру»⁵. Джеймисон ставит вопрос о способах или формах противостояния глобализации и называет несколько вариантов таких способов и форм по выделяемым им уровням глобализации, а именно технологическому, политическому, культурному, экономическому и социальному⁶.

¹ *Jameson F. Cultural Revolution // F. Jameson. Valences of the Dialectic. London ; New York, 2009. P. 277.*

² *Jameson F. Globalization as Political Strategy. P. 460.*

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid. P.461.*

⁵ *Ibid.*

⁶ *Ibid. P.468.*

На первом технологическом уровне в качестве возможной стратегии противостояния глобализации теоретик называет «политику луддизма»¹ по аналогии со стихийным движением луддитов в Англии в период промышленного переворота (конец XVIII – начало XIX в.), уничтожавших фабричные машины, внедрение которых в производство угрожало потерей тружениками своих рабочих мест. Перспективы этой весьма радикальной стратегии, направленной на то, чтобы остановить наступление новой технологической эры, Джеймисон оценивает критически, однако указывает на некоторые ее достоинства. Он полагает, что эта стратегия может выполнять полезную функцию напоминания о нашей глубокой убежденности в необратимости технологического прогресса и в итоге стать «своеобразной аллегорией “отсоединения”² [от глобализации] на политическом уровне, поскольку попытаться вообразить общество без компьютеров или автомобилей и самолетов значит представить возможным выход из глобальной системы»³. Иными словами, политика луддизма для Джеймисона – это не конкретная практико-политическая стратегия, а скорее частный случай стратегии утопического мышления, основанный на негативной диалектике и направленный на репрезентацию тех противоречий в реальности, которые не позволяют помыслить выход из глобализации. Однако следует отметить, что элементы политики и идеологии луддизма присутствуют и в пространстве современной политики. В частности, носителями такой идеологии являются неолуддиты – движение, выступающее за отказ от ряда технологий и постулирующее принцип «все технологии политические»⁴; или мексиканская террористическая группа «Círculo de Ataque – Punta de Obsidiana», нацеленная на разрушение техно-

¹ Ibid.

² Термин Самира Амина, см.: *Amin S. Delinking: Toward a Polycentric World*. London : Zed Books, 1990. 208 p.

³ *Jameson F. Globalization as Political Strategy*. P. 468.

⁴ *Glendinning C. Notes toward a Neo-Luddite Manifesto*. URL: <http://theanarchistlibrary.org/library/chellis-glendinning-notes-toward-a-neo-luddite-manifesto> .

индустриальной системы¹. Вместе с тем, очевидно, что эта стратегия противостояния глобализации на практико-политическом уровне оказывается лишь частью «бунта маргиналов», о котором говорит Б.Ю. Кагарлицкий, и который направлен на разрушение существующего и не способен предложить позитивную программу².

На политическом уровне в качестве стратегии противостояния глобализации Джеймисон выделяет политику национализма³, называя национальное государство тем единственным полем, где еще может развернуться политическая борьба против глобализации⁴. Тем не менее не все варианты этой стратегии представляются американскому теоретику эффективными. Так, он подвергает критике проекты национальных государств, возникших после распада колониальной системы⁵, подчеркивая, что вместо подлинной свободы они пришли лишь к новой зависимости, став подчиненной частью системы глобального капитализма. Как представляется, одну из причин провала этих националистических проектов Джеймисон видит в том, что они основывались на идеологии модернизации, которую он оценивает крайне критически. Теоретик полагает, что идея модерности лишь «маскирует отсутствие какой бы то ни было всеобщей коллективной социальной надежды, или телоса, после развенчания социализма, поскольку сам капитализм не имеет никаких социальных целей. Продвижение слова “модерность” вместо “капитализма” позволяет политикам, правительствам и политологам утверждать, что у капитализма они есть и таким образом скрывать эту ужасающую пустоту»⁶. ту»⁶.

Напротив, в качестве примера эффективной стратегии национализма, Джеймисон называет идеологию голлизма, получившую свое название по

¹ Mexico: Communique for package bomb sent to the rector of UNAM. URL: <http://waronsociety.noblogs.org/?p=8967>.

² Кагарлицкий Б.Ю. Восстание среднего класса. М.: Алгоритм: ЭКСМО, 2012. С. 108-111.

³ Jameson F. Globalization as Political Strategy. P. 469.

⁴ Ibid. P. 470.

⁵ Ibid. P. 469.

⁶ Ibid.

имени президента Франции Шарля де Голля. Определяющей чертой последней Джеймисон считает ее направленность против империализма США, что, как он отмечает, уже является сопротивлением системе, или самой глобализации. Такая трактовка американским теоретиком голлизма вызывает вопросы, поскольку далее в работе (равно как и в других своих трудах) он крайне скупко комментирует свой тезис. Однако рассмотрение голлизма в контексте взглядов Джеймисона объясняет причины его благосклонности и внимания к идеологии голлизма. И в этом смысле она ценна для теоретика как реальная модель политики сопротивления американскому империализму на уровне государства, которая нашла свое отражение в культуре, экономике, политике и социальной сфере, поскольку де Голлю действительно удалось закрепить за Францией статус самостоятельного участника международных отношений и осуществлять политику, часто шедшую вразрез с интересами США и даже направленную против их гегемонии. Так, он выступил за отмену Бреттон-Вудской международной валютной системы, основанной на долларе, и за возвращение к золотому стандарту¹; поставил национальную культурную политику на институциональные рельсы², в том числе пытаясь противостоять американизации французской культуры³, и своей политикой способствовал развитию во Франции элементов социального государства.

Выделение Джеймисоном национализма в качестве стратегии сопротивления глобализации и прежде всего его высокая оценка голлизма как варианта такой стратегии позволяет охарактеризовать его как модернистского теоретика. Вместе с тем обращение Джеймисона к тому же голлизму, весьма отдаленному во времени примеру, дает возможность заключить, что он не видит подобных перспективных политических проектов в современности.

¹ *Chivvis C.S.* De Gaulle and the Dollar // *Charles de Gaulle's Legacy of Ideas* / ed. by Benjamin M. Rowland. Lanham, MD, 2011. P. 11.

² *Haine S.W.* Culture and Customs of France. Westport, Conn. : Greenwood Press, 2006. P. 33–34.

³ *Henry F.G.* Language, Culture, and Hegemony in Modern France (1539 to the Millennium). Birmingham, Ala. : Summa Pub., 2008. P. 191–194.

На уровне культуры стратегия противостояния глобализации, по мнению Джеймисона, должна состоять во влиятельной негативной программе, которая должна артикулировать «все видимые и невидимые формы культурного империализма»¹. Однако сложность реализации данной стратегии теоретик видит в том, что если и можно репрезентировать факторы дезинтеграции культуры, то гораздо сложнее определить то ее позитивное содержание, на которое должны быть направлены меры защиты².

Стратегии противостояния глобализации на экономическом и социальном уровнях теоретик рассматривает во взаимосвязи, полагая, что предпосылкой для сопротивления здесь должны являться традиционные для марксизма коллективная солидарность и активная политическая работа³.

Тем не менее все эти описанные Джеймисоном стратегии предстают в виде разрозненных и не до конца проработанных элементов некой будущей большой стратегии сопротивления глобализации, которая пока существует лишь в виде проекта и парадигмальным основанием которой, как представляется, должна стать стратегия когнитивного картографирования, получившая в работах Джеймисона более концептуальное оформление.

Джеймисон не был тем, кто ввел в научный оборот понятия «когнитивная карта» и «когнитивное картографирование». Автором первого является американский психолог Эдвард Толман, предложивший его еще в 1948 г. Впоследствии это понятие получило широкое распространение в различных общественных и гуманитарных науках – географии, урбанистике, истории, социологии и политологии, и в частности было воспринято американским урбанистом Кевином Линчем, который сформулировал на его основе родственное понятие «когнитивного картографирования» в своей известной работе «Образ города» (1960)⁴. Как представляется, именно у Линча Джеймисон и заимствовал это понятие. Линч использует его для того, чтобы описать

¹ *Jameson F.* Globalization as Political Strategy. P. 470.

² *Ibid.* P. 471.

³ *Ibid.* P. 472.

⁴ *Lynch K.* The Image of the City. Cambridge MA: MIT Press, 1960. 194 p.

тот способ, посредством которого сознание человека ориентируется в городском пространстве. Оно создает когнитивные карты, опираясь на знаки, метки и ключевые места города, благодаря которым человек ориентируется в пространстве и ощущает город своим. Как отмечает Линч, «в процессе обнаружения пути, стратегически важное значение имеет образ окружающей среды, обобщенная ментальная картина внешнего физического мира, которой обладает индивид. Этот образ является одновременно и продуктом непосредственных ощущений, и памяти о прошлом опыте, и используется для того, чтобы интерпретировать информацию и направлять действие. Необходимость распознавания и моделирования окружающей нас среды настолько важна и уходит своими корнями так далеко в прошлое, что этот образ имеет большое практическое и эмоциональное значение для индивида»¹. Отсутствие такой ментальной карты, согласно Линчу, ведет к потере ориентации в пространстве и нарастанию чувства отчужденности.

Используя идею Линча, Джеймисон предпринимает попытку перенести логику когнитивного картографирования с локальных физических городских пространств на уровень социальной и глобальной тотальности, которую, как отмечает теоретик, «мы все носим в своих головах в по-разному искаженных формах»². Для Джеймисона именно на уровне этих метапространств возникает острая потребность в таких ментальных картах. Эта необходимость обусловлена прежде всего той непрозрачностью социального, которую порождает глобализация, чьи предпосылки, в первую очередь, лежат в дедифференциации экономики и культуры, о чем было подробно сказано ранее. Джеймисон заявляет, что когнитивное картографирование должно являться частью любого политического социалистического проекта. Для него оно выступает в роли стратегии противостояния постмодернистской логике позднего капитализма и глобализации, являющейся продуктом последнего. Однако важно понять как теоретик определяет механизмы реализации этой стратегии, или

¹ Ibid. P. 4.

² Jameson F. Cognitive Mapping. P. 353.

по крайней мере намечает контуры таковых, что требует более пристального рассмотрения самой концепции когнитивного картографирования Джеймисона.

Характеризуя свою концепцию когнитивного картографирования, Джеймисон указывает на то, что она представляет собой синтез идеи Линча и концепции идеологии Альтюссера, понимаемой как «репрезентация в Воображаемом отношения субъекта к его или ее Реальным условиям существования»¹. Американский теоретик усматривает между ними значительное функциональное сходство. В его понимании когнитивные карты у Линча выполняют в физическом пространстве функцию, очень близкую к той функции, какую в социальном пространстве выполняет идеология у Альтюссера. А именно, согласно Джеймисону, последняя указывает на разрыв между локальной позицией субъекта и социальной тотальностью. Таким образом, соединяя эти концепции, Джеймисон стремится придать идеологии Альтюссера инструментальный характер, превратить ее из чистой теории в политическую идею – основу для реального левого политического проекта. Для того чтобы таким образом реконцептуализировать, уходящую корнями в 1970-е гг. альтюссеровскую идеологию, теоретик и пытается перенести на нее спатальную логику когнитивных карт. Как представляется, такой шаг Джеймисона является закономерным и позволяет приспособить концепцию идеологии Альтюссера к специфике позднего капитализма и глобализации, которые продуцируют новый тип социального пространства и в совершенно новом ключе ставят на повестку дня проблематику спатальности. Похожую точку зрения на теоретические предпосылки и цели концепции когнитивного картографирования, в частности, высказывает Т. Миррлис, который полагает, что с ее помощью американский теоретик легитимирует марксизм. «Когнитивное картографирование, – отмечает он, – является джеймисоновским решением политической проблемы доминирования постструктуралистского или либерально-плюралистического академического дискурса, который

¹ Ibid.

стремится маргинализировать попытки марксистов тотализировать социальную реальность и помыслить капитализм как глобальную систему»¹. Косвенно это подтверждает и сам Джеймисон, критикуя в своем программном эссе о когнитивном картографировании постструктуралистскую философию за то, что она приравнивает тотализирующее мышление к тоталитарному мышлению, и постмарксизм – за отказ от классовой проблематики².

Главная цель когнитивного картографирования как стратегии для Джеймисона состоит в тотализации тотальности, которую вслед за Лукачем американский теоретик понимает как способ производства, определяющий бытие конкретной общественной формации³. В этом смысле концепцию когнитивного картографирования можно считать своего рода квинтэссенцией всей политической теории Джеймисона, поскольку она логически завершает его многолетний проект, направленный на обоснование марксистской идеи тотальности и выявление способов ее тотализации и репрезентации (при всех онтологических и гносеологических ограничениях, которые он устанавливает). Однако, как справедливо замечает Р. Талли, важный вопрос, который должен быть поставлен в рамках концепции когнитивного картографирования, связан не только с проблемой того, как репрезентировать тотальность, но и того, «кто осуществляет репрезентацию и кто является ее объектом»⁴.

В своих работах Джеймисон четко обозначает инструмент стратегии когнитивного картографирования, которым для него является классовое сознание. Более того, он даже отождествляет их, называя когнитивное картографирование «кодовым словом для “классового сознания”»⁵, что позволяет заключить, что субъектом репрезентации тотальности для Джеймисона прежде всего должен являться класс. Как отмечает И. Бьюкинен, «когда Джеймисон использует слово “тотальность” или говорит о процедурах тотализации, он

¹ *Mirrlees T. Cognitive Mapping ...*

² *Jameson F. Cognitive Mapping. P. 354.*

³ *Jameson F. Marxism and postmodernism. P. 41.*

⁴ *Tally R.T., Jr. Jameson's Project of Cognitive Mapping: A Critical Engagement. P. 407.*

⁵ *Jameson F. Marxism and postmodernism. P. 41.*

подразумевает, что ни один класс или часть класса не сможет функционировать политически до тех пор, пока не найдет способ репрезентировать себя самому себе»¹. Этот тезис Бьюкинена весьма точно интерпретирует другое утверждение американского теоретика, высказанное им в эссе «Класс и аллегория в современной массовой культуре», о том, что необходимой предпосылкой классового сознания является видимость класса для самого себя². По сути это означает, что, по логике Джеймисона, класс одновременно должен выступать для себя и субъектом, и объектом репрезентации, поскольку только репрезентировав себя или обретя свое классовое сознание, он сможет создать когнитивную карту тотальности. Таким образом, реализация стратегии когнитивного картографирования у Джеймисона распадается на два этапа, где первый имеет целью восстановление классового сознания, а второй – репрезентацию тотальности.

Таким образом, в философии Ф. Джеймисона концепция когнитивного картографирования фактически выполняет функцию политической стратегии. Несмотря на то, что процедура когнитивного картографирования носит умозрительный, а не конкретно-практический характер, для Джеймисона именно она является центральным элементом будущей глобальной стратегии сопротивления глобализации, которую американский теоретик считает политическим измерением позднего капитализма. Такое первостепенное значение когнитивного картографирования в политической борьбе против глобализации, согласно Джеймисону, обусловлено спецификой самой глобализации, которая привносит логику капитализма во все области общественного и индивидуального бытия, выступая тем самым в качестве унифицирующей силы. Глобализация смешивает экономическое и культурное и существенно затрудняет выявление причинно-следственных связей в развитии общественных отношений, а главное – она делает неочевидными классовые противоречия. В этом смысле когнитивное картографирование является для Джейми-

¹ *Buchanan I.* Fredric Jameson: Live Theory. P. 108.

² *Jameson F.* Class and Allegory in Contemporary Mass Culture ...

сона стратегией эмансипации классового сознания, без чего политическая борьба невозможна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политико-философский комплекс Фредрика Джеймисона является уникальным синтезом классических, неклассических и постнеклассических подходов, самобытных идей и концепций, вследствие чего его идентификация по признаку доминирующей методологии и близости к той или иной теоретической традиции представляется крайне проблематичной. Политическая философия Ф. Джеймисона включает в себя элементы классического марксизма, марксизма Ж.-П. Сартра и Г. Лукача, неомарксизма теоретиков Франкфуртской школы, структурализма Л. Альтюссера и постмодернистских теорий. Кроме того, в его концепцию идеологии инкорпорированы отдельные положения психоаналитической теории Ж. Лакана, а на его негативный подход к проблеме утопии оказала влияние концепция семиотического квадрата А. Греймаса. Тем не менее в его политической философии можно выделить два основных центра притяжения, вокруг которых структурируется его сложный теоретико-методологический синтез, – это марксизм и постмодернизм.

Так, постмодернизм, который Ф. Джеймисон характеризует как культурную логику позднего капитализма, представляет собой тематический центр его политической философии, а все его политико-философские концепции в той или иной степени направлены на критику постмодернизма и позднего капитализма, или являются попыткой найти пути выхода из состояния постмодерна. Марксизм же является основной методологической рамкой всего политико-философского проекта Джеймисона, в которую он встраивает все другие методологии. Марксизм также выступает для него в роли ценностного ориентира, что проявляется в его риторике эмансипации классового сознания и классовой борьбы, регуманизации человека через восстановление утраченной в условиях постмодернизма способности желать и воображать будущее.

В этом смысле политическую философию Ф. Джеймисона можно охарактеризовать как «постмодернистский неомарксизм», отражая таким образом центральную роль марксистских установок, которые он творчески перерабатывает, а также центральное место проблемы постмодернизма в его политической философии. Это позволяет сделать вывод о том, что фигурирующее в российской политической науке обозначение теоретического комплекса Джеймисона как «неомарксистского постмодернизма» ведет к интерпретации политической философии Джеймисона как постмодернистской, что не соответствует действительности.

Комплексный анализ идей Ф. Джеймисона также позволил установить специфику его трактовки политического, сущностной характеристикой которого является тенденция к дедифференциации (или разобособлению) сферы политического и других сфер общественной жизни. Как марксист он в первую очередь пытается установить соотношение между политикой и экономикой (аналогичную процедуру он осуществляет и в отношении культуры и экономики). И здесь со всей очевидностью следует отметить, что Ф. Джеймисон целенаправленно размывает границу между этими сферами, которая довольно четко обозначается в классической политической философии. В его дискурсе политического практически отсутствуют такие центральные для политической науки категории как власть, представительство и т.д. Более того, он подчеркивает, что фокусирование внимания на этой проблематике, характерное для классической политической философии, противоречит ключевым установкам марксизма и уводит анализ социальных процессов в ложном направлении. Для Джеймисона сущностью политического является классовая борьба, динамика классовых отношений и классового сознания. Именно в классовой борьбе экономическое наиболее тесно переплетается с политическим, образуя с ним единое целое. В частности он показывает, что наиболее полно это переплетение экономического и политического проявляется в момент революции.

Специфика понимания Ф. Джеймисоном предмета политического обуславливает включение им в область своего политико-философского анализа тех теоретических проблем, которые непосредственно связаны с проблемой классовой борьбы и эмансипации классового сознания в условиях позднего капитализма. Все рассматриваемые в настоящем исследовании концепции Ф. Джеймисона, а именно концепции идеологии, утопии и когнитивного картографирования, так или иначе выстраиваются вокруг этих проблем и функционально связаны между собой как возможные инструменты их решения.

Так, понимая идеологию как репрезентацию в Воображаемом отношении субъекта к его или ее Реальным условиям существования, в своей концепции идеологии Ф. Джеймисон доказывает, что идеология выполняет полезную функцию тотализации реальности, которую он считает важнейшей политической задачей в условиях позднего капитализма и культуры постмодернизма, затемняющей классовую структуру общества и препятствующей эмансипации классового сознания.

В свою очередь, в концепции утопии Ф. Джеймисон анализирует факторы, блокирующие утопическое мышление и утопические импульсы, без чего индивидуальное и коллективное сознание не способно вообразить новое общество и помыслить варианты выхода из сложившегося статус-кво. Ф. Джеймисон показывает, что тот тип субъекта, который производит культура постмодерна и который он называет шизофреническим субъектом, не способен мыслить утопически, поскольку утратил способность желать. Подлинное желание у такого субъекта замещено аффектами, которые являются лишь симулякрами желаний. В этой связи Ф. Джеймисон утверждает, что в условиях постмодерна утопия должна выполнять функцию «машины желания», а ее главная задача – восстановить способность субъекта испытывать желание.

Концепция когнитивного картографирования Ф. Джеймисона посвящена непосредственно проблеме эмансипации классового сознания. Считая необ-

ходимой предпосылкой эмансипации классового сознания способность класса репрезентировать себя самому себе, теоретик вводит категорию когнитивного картографирования, которая описывает стратегию репрезентации класса в условиях глобализации, рассматриваемой Ф. Джеймисоном в качестве политической стратегии позднего капитализма. Как представляется, стратегия когнитивного картографирования Ф. Джеймисона предполагает перенастройку фокуса саморепрезентации класса с уровня конкретного общества до глобального уровня ввиду специфики глобализации, которая разобособляет экономическое, культурное, политическое, существенно затрудняя выявление причинно-следственных связей в развитии общества, и главное, делая неочевидными классовые противоречия.

Итак, исследование, проведенное в настоящей работе, позволяет утверждать, что политическая философия Фредрика Джеймисона представляет ценность для политической науки в качестве новой методологической рамки для анализа политических идей, теорий, идеологий, политических феноменов и процессов, поскольку она предлагает системный, целостный критический взгляд на современное состояние общества и раскрывает механизмы воздействия императивов позднего капитализма не только на уровне политики и общества, но и на уровне индивида. Более того, осуществленный Ф. Джеймисоном синтез разных методологических подходов, позволил «оживить» важные концепты и категории марксистской теории, которая, несомненно, и сегодня сохраняет свой эвристический потенциал. Вместе с тем для российской политической философии интерес представляет сам марксистско-постмодернистский дискурс Джеймисона, который может обогатить его проблемное и методологическое поле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономова Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках [Текст] : (Критич. очерк концепций французского структурализма) / Н.С. Автономова. – М. : Наука, 1977. – 271с.
2. Адорно Т. Негативная диалектика [Текст] / Т. Адорно. – М. : Науч. мир, 2003. – 376 с.
3. Алексеева Т.А. Современные политические теории [Текст] / Т.А. Алексеева. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2000. – 479 с.
4. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) [Электронный ресурс] / Л. Альтюссер. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html> . – (дата обращения: 03.08.2014).
5. Альтюссер Л. Противоречие и сверхдетерминация [Текст] / Л. Альтюссер // За Маркса. – М., 2006. – С. 127–186.
6. Баллаев А.Б. «Ранний капитализм» и перспективы социального государства [Текст] / А.Б. Баллаев // Политико-философский ежегодник / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред. И.К. Пантин. – М., 2010. – Вып. 3. – С. 96–118.
7. Батай Ж. Из «Внутреннего опыта» [Текст] / Ж. Батай // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб., 1994. – С. 223–244.
8. Блох Э. Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы / Сост., общ. ред. и предисл. В.А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1991. – С. 49-78.
9. Бодрийяр Ж. Общество потребления [Текст] / Ж. Бодрийяр. – М. : Республика, 2006. – 272 с.

10. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть [Текст] / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2000. – 387 с.
11. Бузгалин А.В. Будущее коммунизма [Текст] / А.В. Бузгалин. – М. : Олма-Пресс, 1996. – 112 с.
12. Бузгалин А.В. Постсоветский марксизм в России: ответы на вызовы XXI века [Текст] : (тез. к формированию науч. шк.) / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов. – М. : ЛЕНАНД, 2005. – 56 с.
13. Вершинин С.Е. Жизнь – это надежда. Введение в философию Эрнста Блоха [Текст] / С.Е. Вершинин. – Екатеринбург : Изд-во Гуманит. ун-та, 2001. – 304 с.
14. Гайденко П.П. Средневековый номинализм и генезис новоевропейского сознания [Текст] / П.П. Гайденко // Вопр. философии. – 2014. – № 2. – С. 155–163.
15. Гегель Г.В.Ф. Наука логики [Текст] / Г.В.Ф. Гегель. – М. : Наука, 2005. – 800 с.
16. Горных А.А. Джеймисон [Текст] / А.А. Горных // Новейший философский словарь. – Минск, 2001. – С. 312–316.
17. Горных А.А. Постмодернизм, или логика культуры позднего капитализма [Текст] / А.А. Горных // Социология : энцикл. – Минск, 2003. – С. 226–229.
18. Греймас А.Ж. Структурная семантика: поиск метода [Текст] / А.Ж. Греймас. – М. : Акад. проект, 2004. – 368 с.
19. Делез Ж. Анти-Эдип : Капитализм и шизофрения [Текст] / Ж. Делез, Ф. Гваттари ; пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина ; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. – 672 с.
20. Делез Ж. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения [Текст] / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург : У-Фактория, 2010. – 896 с.
21. Деррида Ж. Поля философии [Текст] / Ж. Деррида. – М. : Акад. проект, 2012. – 384 с.

22. Деррида Ж. Различие [Текст] / Ж. Деррида // *Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля / Ж. Деррида ; пер. С.Г. Кашина, Н.В. Сулова. – СПб., 1999. – С. 168–208.*
23. Джеймисон Ф. Барьер времени [Текст] / Ф. Джеймисон ; пер. с англ. В. Макарова // *Неприкоснов. запас. – 2015. – № 1 (099). – С. 151–172.*
24. Джеймисон Ф. Интервью [Текст] / Ф. Джеймисон // *Философские маргиналии. – М., 1991. – С. 110–121.*
25. Джеймисон Ф. Историзм в «Сиянии» [Текст] / Ф. Джеймисон // *Искусство кино. – 1995. – № 7. – С. 54–61.*
26. Джеймисон Ф. Когнитивная картография [Текст] / Ф. Джеймисон ; пер. с англ. А. Парамонова // *Марксизм и интерпретация культуры : пер. с англ. – М. ; Екатеринбург, 2014. – С. 335–349.*
27. Джеймисон Ф. Критика в истории [Электронный ресурс] / Ф. Джеймисон ; пер. с англ. О. и П. Серебряных // *Неприкоснов. запас. – 2012. – № 5 (85). – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/2800> . – (дата обращения: 20.01.2016).*
28. Джеймисон Ф. Ленин как политический мыслитель [Текст] / Ф. Джеймисон ; пер. с англ. Е.А. Вахрушевой // *Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. – 2015. – Т. 15, вып. 2. – С. 71–85.*
29. Джеймисон Ф. Маркс и Монтаж [Текст] / Ф. Джеймисон ; пер. с англ. Е. Бучкиной // *Скепсис. – 2009. – Июль-август. – Режим доступа: https://scepsis.net/library/id_2573.html . – (дата обращения: 20.01.2016).*
30. Джеймисон Ф. Марксизм и интерпретация культуры [Текст] : пер. с англ. / Ф. Джеймисон. – М. ; Екатеринбург : Кабинет. ученый, 2014. – 414 с.

31. Джеймисон Ф. Модернизм как идеология [Текст] / Ф. Джеймисон ; пер. с англ. А. Захарова // Неприкоснов. запас. – 2014. – № 6 (98). – С. 3–35.
32. Джеймисон Ф. О советском магическом реализме [Текст] / Ф. Джеймисон ; пер. с англ. И. Борисовой // Синий диван. – 2004. – № 4. – С. 126–154.
33. Джеймисон Ф. Политика утопии [Электронный ресурс] / Ф. Джеймисон ; пер. с англ. Д. Потемкина // Худож. журн. – 2012. – № 84. – Режим доступа: <http://www.permm.ru/menu/xzh/archiv/84/politika-utorii.html> . – (дата обращения: 20.01.2016).
34. Джеймисон Ф. Постмодерная мысль [Текст] / Ф. Джеймисон // Контексты современности 1: актуальные проблемы общества и культуры в западной социологической теории. – Казань, 2000. – С. 19–20.
35. Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления [Текст] / Ф. Джеймисон // Логос. – 2000. – № 4. – С. 63–77.
36. Джеймисон Ф. Постмодернизм и рынок [Текст] / Ф. Джеймисон ; пер. с англ. Б. Скуратова // Журнал № 1. – М., 2003. – С. 77–92.
37. Джеймисон Ф. Реализм и утопия в сериале «Прослушка» [Текст] / Ф. Джеймисон ; пер. с англ. И. Кушнарёвой // Логос. – 2013. – № 3 (93). – С. 37–54.
38. Джеймисон Ф. Реально существующий марксизм [Текст] / Ф. Джеймисон ; пер. с англ. А. Смирнова // Логос. – 2005. – № 3 (48). – С. 208–246.
39. Джеймисон Ф. Репрезентация глобализации [Электронный ресурс] / Ф. Джеймисон. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2010/04/05/jameson/> . – (дата обращения: 11.04.2013).
40. Джеймисон Ф. Сингулярный модерн: Эссе об онтологии настоящего (Фрагменты) [Текст] / Ф. Джеймисон // Какой модерн? Философские рефлексии над ситуацией пост/недо/after-post/пост-пост... мо-

- дернизма : колл. моногр., посвящ. 70-летнему юбилею д. филос. н., проф. А.А. Мамалуя : в 2 т. / Харьк. нац. ун-т имени В.Н. Каразина ; под. ред. Л.В. Стародубцевой. – Харьков, 2010. – Т. 1. – С. 342–355.
41. Джеймисон Ф. Теории постмодерна [Текст] / Ф. Джеймисон // Искусствознание. – 2001. – № 1. – С. 111–122.
42. Джеймисон Ф. Удовольствие: политический вопрос [Текст] / Ф. Джеймисон ; пер. с англ. Е.А. Вахрушевой // Логос. – 2015. – Т. 25, № 1 (103). – С. 1–22.
43. Дианова В.М. Джеймисон как теоретик постмодернизма [Текст] / В.М. Дианова // Философия Р. Рорти и постмодернизм конца XX века : материалы конф. – СПб., 1997.
44. Дмитриев А.Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя франкфуртская школа (1920-1930- гг.) [Текст] / А.Н. Дмитриев. – СПб. : Европ. ун-т в С.-Петербурге ; Летний сад, 2004. – 528 с.
45. Добренъков В.И. Гуманистическая антропология Эриха Фромма [Текст] / В.И. Добренъков, П.В. Агапов. – М. : Акад. проект, 2015. – 208 с.
46. Егорова И.В. Философская антропология Эриха Фромма [Текст] / И.В. Егорова. – М. : ИФ РАН, 2002. – 164 с.
47. Жилинская А.В. Трансформация идеологии в мире политики [Текст] / А.В. Жилинская, А.Э. Сенцов, А.А. Трунтягин // Молодой ученый. – 2015. – № 9. – С. 968–970.
48. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм [Текст] / И.П. Ильин. – М. : Интрада, 1996. – 256 с.
49. Ильченко М.С. Не(о)марксистский дискурс эпохи постмодерна [Текст] / М.С. Ильченко // Дискурс-Пи : науч.-практ. альм. – 2007. – № 7. – С. 25–27.
50. Кагарлицкий Б.Ю. Восстание среднего класса / Борис Кагарлицкий. – М.: Алгоритм: ЭКСМО, 2012. – 224 с.

51. Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: Введение в социальную и политическую теорию. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 320 с.
52. Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения [Текст] / Б.Ю. Кагарлицкий. – М. : Алгоритм : Эксмо, 2006. – 408 с.
53. Кагарлицкий Б.Ю. От империй – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации [Текст]/ Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд.дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 680 с.
54. Капустин Б.Г. Бессубъектная политика перед лицом кризиса [Электронный ресурс] / Б.Г. Капустин. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Bessub-ektnaya-politika-pered-licom-krizisa> . – (дата обращения: 28.02.2016).
55. Капустин Б.Г. Критика политической философии: Избранные эссе. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. – 424 с.
56. Капустин Б.Г. О понятии «революция» [Текст] / Б.Г. Капустин // Революция как концепт и событие : моногр. / под ред. Вартумян А.А., Ильинской С.Г., Федоровой М.М. – М., 2015. – С. 6–31.
57. Кондрашов П.Н. Онтология историчности в философии Маркса [Текст] / П.Н. Кондрашов // Логос. – 2011. – № 2 (81). – С. 81–96.
58. Коренев А.М. Семантические проблемы теоретического познания в эпоху постмодернизма в философии Ф. Джеймисона [Текст] / А.М. Коренев // Вестн. Моск. ун-та. Серия 7. Философия. – 2008. – № 6. – С. 3–12.
59. Лакан Ж. Имена-Отца [Текст] / Ж. Лакан ; пер. с фр. А. Черноглазова. – М. : Гнозис : Логос, 2006. – 160 с.
60. Лакан Ж. Стадия зеркала как образующая функцию Я, какой она раскрывается в психоаналитическом опыте [Текст] // Кабинет: картины мира I – СПб.: Инапресс, 1998. – С. 136-143.

61. Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма [Текст] / В.И. Ленин // Избр. произведения : в 4 т. / В.И. Ленин. – М., 1988. – Т. 2. – С. 1–98.
62. Лиотар Ж.-П. Состояние постмодерна [Текст] / Ж.-П. Лиотар. – М. : Алетейя, 1998. – 160 с.
63. Лукач Г. Классовое сознание [Текст] / Г. Лукач // История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике / Г. Лукач. – М., 2003. – С. 145–178.
64. Лукач Г. Овеществление и сознание пролетариата [Текст] / Г. Лукач // История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике / Г. Лукач. – М., 2003. – С. 179–302.
65. Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Социальные основания постмодернизма: попытка марксистского анализа // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2009. – Вып. 9. – С. 107–122.
66. Магун А. О негативной диалектике Теодора Адорно [Электронный ресурс] / А. Магун. – Режим доступа: <http://sinijdivan.narod.ru/sd4rez2.htm>. – (дата обращения: 19.02.2015).
67. Максимова М.В. Онтологический хаос в концепции Ф. Джеймисона [Текст] / М.В. Максимова // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 3. – С. 24–27.
68. Малинова О.Ю. Концепт идеологии в современных политических исследованиях [Текст] / О.Ю. Малинова // Полит. наука. – 2003. – № 4. – С. 8–31.
69. Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы / Сост., общ. ред. и предисл. В.А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1991. – С. 113–169.
70. Мареев С.Н. Из истории советской философии. Лукач – Выготский – Ильенков [Текст] / С.Н. Мареев. – М. : Культур. революция, 2008. – 447 с.

71. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология [Текст] // Собрание сочинений / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1955. – Т. 3. – С. 7–544.
72. Маркс К. Философско-экономические рукописи 1844 года / Маркс К. // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. – М.: Политиздат, 1956. – С. 517–642.
73. Маркузе Г. Одномерный человек [Текст] / Г. Маркузе. – М. : REFL-book, 1994. – 368 с.
74. Мартьянов В.С. В поисках парадигмы позднего модерна [Текст] / В.С. Мартьянов // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. – 2010. – № 10. – С. 135–148.
75. Мартьянов В.С. Метаязык политической науки [Текст] / В.С. Мартьянов. – Екатеринбург : УрО РАН, 2003. – 236 с.
76. Мартьянов В.С. Один Модерн или «множество»? [Текст] / В.С. Мартьянов // ПОЛИС : Полит. исслед. – 2010. – № 6. – С. 41–53.
77. Мартьянов В.С. Политический проект Модерна. От мироэкономики к мирополитике: стратегия России в глобализирующемся мире [Текст] / В.С. Мартьянов. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010. – 359 с.
78. Мартьянов В.С. После постмодернизма [Текст] / В.С. Мартьянов // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер.: Философия. – 2012. – Т. 10, № 3. – С. 64–73.
79. Мартьянов В.С. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции [Текст] / В.С. Мартьянов, Л.Г. Фишман. – М. : Весь Мир, 2010. – 256 с.
80. Межуев В.М. Идея всемирной истории в учении Карла Маркса [Текст] / В.М. Межуев // Логос. – 2011. – № 2 (81). – С. 3–36.
81. Межуев В.М. Так что же такое коммунизм? [Текст] / В.М. Межуев // Альтернативы. – 2009. – № 1. – С. 151–159.

82. Михайлов И.А. Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований [Текст]. Ч. 1. 1914–1939 гг. / И.А. Михайлов. – М. : ИФРАН, 2008. – 208 с.
83. Можейко М.А. Ризома [Электронный ресурс] / М.А. Можейко // Энциклопедия постмодернизма. – Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/~книги/Энциклопедия_постмодернизма/РИЗОМА/ . – (дата обращения: 19.02.2015).
84. Назарова О.Ю. Актуальность марксизма в современном мире: неомарксизм Ф. Джеймисона [Текст] / О.Ю. Назарова // Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2009. – № 1 (25). – С. 23–30.
85. Назарова О.Ю. Эволюция философских взглядов Ф. Джеймисона [Текст] : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Назарова Оксана Юрьевна. – СПб., 2010. – 246 с.
86. Пензин А.А. Открытая диалектика Фредрика Джеймисона [Текст] / А. Пензин // Марксизм и интерпретация культуры. – М. ; Екатеринбург, 2014. – С. 5–30.
87. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии [Текст] / Ж.-П. Сартр. – М. : АСТ Москва, 2009. – 928 с.
88. Сартр Ж.-П. Воображаемое: феноменологическая психология воображения [Текст] / Ж.-П. Сартр. – СПб. : Наука, 2001. – 320 с.
89. Сартр Ж.-П. Проблемы метода [Текст] : статьи / Ж.-П. Сартр. – М. : Акад. проект, 2008. – 222 с.
90. Сартр Ж.-П. Тошнота [Текст] / Ж.-П. Сартр // Тошнота : избр. произведения / Ж.-П. Сартр ; пер. с фр. ; вступ. ст. С.Н. Зенкина. – М., 1994. – С. 23–182.
91. Семикозов Г.Е. Сингулярный модерн Ф. Джеймисона: в поисках настоящего [Текст] / Г.Е. Семикозов // Вісник Харьк. н. ун-та ім. В.Н. Каразіна. Серія «Філософія. Філософські перипетії». – 2011. – № 984. – С. 94–101.

92. Стыкалин А.С. Дьердь Лукач – мыслитель и политик [Текст] / А.С. Стыкалин. – М. : Степаненко, 2001. – 348 с.
93. Теннис Ф. Общность и общество = Gemeinschaft und Gesellschaft: Основные понятия чистой социологии [Текст] / Ф. Теннис ; пер. с нем. Д.В. Складнева ; Фонд «Университет». – СПб. : Владимир Даль, 2002. – 452 с.
94. Тульчинский Г.Л. К упорядочению междисциплинарной терминологии [Текст] / Г.Л. Тульчинский // Психология процессов художественного творчества. – Л., 1980. – С. 241–245.
95. Урузбакиева Ф.К. Американский деконструктивизм [Текст] : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Урузбакиева Фатима Капиевна. – СПб., 2004. – 130 с.
96. Урузбакиева Ф.К. Новая герменевтика Фредерика Джеймисона [Электронный ресурс] / Фатима Урузбакиева. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/uruzbakieva-fk/novaya-germenevtika-frederika-dzheymisona> . – (дата обращения: 28.02.2016).
97. Фарман И.П. Социально-культурные проекты Юргена Хабермаса [Текст] / И.П. Фарман. – М. : ИФ РАН, 1999. – 244 с.
98. Федорова М.М. Революция и История (Революция в контексте времени Истории и времени Политики [Текст] / М.М. Федорова // Революция как концепт и событие : монография / под ред. Вартумян А.А., Ильинской С.Г., Федоровой М.М. – М., 2015. – С. 80–96.
99. Фишман Л.Г. Постмодернистская ловушка: путь туда и обратно [Текст] / Л.Г. Фишман. – Екатеринбург : УрО РАН, 2004. – 233 с.
100. Фишман Л.Г. Сон золотой и сон железный: политика и этика в современных российских литературных утопиях [Текст] / Л.Г. Фишман // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. – 2013. – Т. 13, вып. 3. – С. 53–66.
101. Фредрик Джеймисон [Текст] // Лаканалия. – 2009. – № 1: Диалектика. – С. 49.

102. Фуко М. Власть и тело [Текст] / М. Фуко // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко ; пер. с фр. С.Ч. Офертаса ; под общ. ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. – М., 2002. – С. 161–171.
103. Фуко М. Интеллектуалы и власть [Текст] / М. Фуко // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко ; пер. с фр. С.Ч. Офертаса ; под общ. ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. – М., 2002. – С. С. 66–80.
104. Фуко М. Ницше, генеалогия и история [Текст] / М. Фуко // Философия эпохи Постмодерна : сб. пер. и реф. – Минск, 1996. – С. 74–97.
105. Фуко М. Политическая функция интеллектуала [Текст] / М. Фуко // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко ; пер. с фр. С.Ч. Офертаса ; под общ. ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. – М., 2002. – С. 201–219.
106. Фуко М. Порядок дискурса [Текст] / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко ; пер. с франц., коммент. и послесл. С. Табачниковой. – М., 1996. – С. 47–96.
107. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук [Текст] / М. Фуко ; пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. – СПб. : А-сад, 1994. – 406 с.
108. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века [Текст] / С. Хантингтон. – М. : Рос полит. энцикл. (РОССПЭН), 2003. – 368 с.
109. Шапинская Е.Н. Фредерик Джеймисон: постмодернизм как культурная логика позднего капитализма [Текст] / Е.Н. Шапинская // Личность. Культура. Общество. – 2005. – № 2 (26). – С. 358–374.
110. Шачин С.В. Философия Франкфуртской школы. От Хабермаса до Либша. Идеиные основы [Текст] / С.В. Шачин. – М. : Ленанд, 2015. – 216 с.

111. Шкловский В. Искусство как прием [Электронный ресурс] / В. Шкловский // Манифесты «ОПОЯЗА». – Режим доступа: <http://www.opojaz.ru/manifests/kakpriem.html> . – (дата обращения: 02.09.2014).
112. 21st Century Political Science [Текст] : A Reference Handbook / ed. by John T. Ishiyama and Marijke Breuning. – Sage Publications, 2010. – 936 p.
113. Adorno T. How to look at Television [Текст] / T. Adorno // The Culture Industry: Selected Esseys on Mass Culture. – London ; New York, 2005. – P. 158–177.
114. Althusser L. Reading Capital. Pt. 1 / L. Althusser, E. Balibar. – New Left Books, 1970. – 338 p.
115. Amin S. Delinking: Toward a Polycentric World [Текст] / S. Amin. – London : Zed Books, 1990. – 208 p.
116. Amsler S.S. Pedagogy against «Dis-Utopia» : from Conscientization to the Education of Desire [Текст] / S.S. Amsler // Current Perspectives in Social Theory / ed. by H. Dahms. – Emerald Group Publishing Limited, 2008. – Vol. 25. – P. 291–325.
117. An American Utopia: Dual Power and the Universal Army / ed. by Slavoj Žižek. – London; New York : Verso, 2016. – 336 p.
118. Anderson J. The «Third Generation» of the Frankfurt School [Текст] / J. Anderson // <http://www.marcuse.org/herbert/scholaractivists/00JoelAnderson3rdGeneration.htm> . – (дата обращения: 23.02.2016).
119. Anderson P. Origins of Postmodernity [Текст] / P. Anderson. – London ; New York : Verso, 1998. – 143 p.
120. Aron R. Nations and Ideologies [Текст] / R. Aron // Encounter. – 1955. – Vol. 4, № 1, January. – P. 24–33.

121. Ashley D. Playing with the Pieces: The Fragmentation of Social Theory [Текст] / D. Ashley // *Critical Theory Now* / ed. by Philip Wexler. – London, 1991. – P. 70–97.
122. Assiter A. Althusser and Structuralism [Текст] / A. Assiter // *The British Journal of Sociology*. – 1984. – Vol. 35, № 2, June. – P. 272–296.
123. Barres O. In the Deeps of Despair. Existentialism by Jean-Paul Sartre [Текст] / O. Barres // *The Saturday Review*. – 1947. – May 31. – P. 14.
124. Bassil-Morozow H. The Trickster and the System: Identity and Agency in Contemporary Society [Текст] / H. Bassil-Morozow. – Routledge, 2014. – 212 p.
125. Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties [Текст] / D. Bell. – Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press, 2000. – 540 p.
126. Bell D. The Post-Industrial Society: the Evolution of an Idea [Текст] / D. Bell // *Survey*. – 1971. – Vol. 17, № 2, Spring. – P. 102–168.
127. Bloch E. Entfremdung, Verfremdung: Alienation, Estrangement [Текст] / E. Bloch // *The Drama Review: TDR*. – 1970. – Vol. 15, № 1, Autumn. – P. 120–125.
128. Bourricaud F. Post-Industrial Society and the Paradoxes of Welfare [Текст] / F. Bourricaud // *Survey*. – 1971. – Vol. 16, № 1, Winter. – P. 43–59.
129. Buchanan I. Fredric Jameson: Live Theory [Текст] / I. Buchanan. – London : Continuum, 2006. – 140 p.
130. Buchanan I. Ideology and Utopia in the Work of Fredric Jameson or the Counter-revolution in the Revolution [Текст] / I. Buchanan // *Arena Journal*. – 2006. – № 25/26. – P. 83–98.
131. Buchanan I. Live Jameson [Текст] : An Interview with F. Jameson / Ian Buchanan ; Fredric Jameson // I. Buchanan. *Fredric Jameson: Live Theory*. – London ; New York, 2006. – P. 120–132.

132. Buchanan I. Metacommentary on Utopia, or Jameson's Dialectic of Hope [Текст] / I. Buchanan // *Utopian Studies*. – 1998. – Vol. 9, iss. 2. – P. 18–30.
133. Callinikos A. *Against Postmodernism: A Marxist Critique*. – Cambridge. – Polity, 1989. – 207 p.
134. Cannon B. Hazel E. Barnes 1915–2008: A Tribute and Farewell [Текст] / B. Cannon // *Sartre Studies International*. – 2008. – Vol. 14, iss. 2. – P. 90–103.
135. Cazdyn E. Anti-anti: Utopia, Globalization, Jameson [Текст] / E. Cazdyn // *Modern Language Quarterly*. – 2007. – Vol. 68, № 2. – P. 331–343.
136. Cevalco M.E. The Political Unconscious of Globalization: Notes from the Periphery [Текст] / M.E. Cevalco // *Fredric Jameson: a Critical Reader* / ed. by Douglas Kellner and Sean Homer. – Houndmills ; Basingstoke ; New York, 2004. – P. 94–111.
137. Chivvis C.S. De Gaulle and the Dollar [Текст] / C.S. Chivvis // *Charles de Gaulle's Legacy of Ideas* / ed. by Benjamin M. Rowland. – Lanham, MD, 2011. – P. 11–22.
138. Clark T.N. Are Social Classes Dying? [Текст] / T.N. Clark, S.M. Lipset // *International Sociology*. – 1999. – Vol. 6, № 4, December. – P. 397–410.
139. Converse P.E. The Nature of Believe Systems in Mass Publics [Текст] / P.E. Converse // *Ideology and Discontent* / ed. D.E. Apter. – New York, 1964. – P. 206–261.
140. Cotkin G. *Existential America* [Текст] / G. Cotkin. – Baltimore, MD : The Johns Hopkins Univ. Press, 2005. – 368 p.
141. Deery P. «Running with the Hounds» Academic McCarthyism and New York University, 1952–1953 [Текст] / P. Deery // *Cold War History*. – 2010. – Vol. 10, № 4, November. – P. 469–492.
142. Devinatz V.G. McCarthyism on the Charles: The Life and Times of Labour Historian Ray Ginger before and After His Dismissal from Harvard

- University [Текст] / V.G. Devinatz // *Left History*. – 2008. – Vol. 13, iss. 2, Winter. – P. 128–150.
143. Dowling W.C. Jameson, Althusser, Marx. An Introduction to The Political Unconscious [Текст] / W.C. Dowling. – Ithaca ; New York : Cornell Univ. Press, 1984. – 148 p.
144. Eagleton T. Ideology: an Introduction [Текст] / T. Eagleton. – London ; New York : Verso, 1991. – 242 p.
145. Ellis J.M. Fredric Jameson's Marxist Criticism [Текст] / J.M. Ellis // *Academic Questions*. – 1994. – Spring. – P. 30–43.
146. Epstein M. Russian Postmodernism: New Perspectives on Late Soviet and Post-Soviet Culture [Текст] / M. Epstein. – New York ; Oxford : Berghahn Books, 1999. – 528 p.
147. Farr J. Political Science [Текст] / J. Farr // *The Cambridge History of Science*. – Cambridge Univ. Press, 2003. – Vol. 7: The Modern Social Sciences. – P. 306–328.
148. Fish S. Is There a Text in This Class? The Authority of Interpretive Communities [Текст] / S. Fish. – Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press, 1980. – 394 p.
149. Fitting P. Fredric Jameson and Anti-anti-Utopianism [Текст] / P. Fitting // *Arena Journal*. – 2006. – № 25/26. – P. 37–51.
150. Flores J. Review: Proletarian Meditations: Georg Lukács' Politics of Knowledge [Текст] / J. Flores // *Diacritics*. – 1972. – Vol. 2, № 3, Autumn. – P. 10–14.
151. Fredric Jameson. Duke Program in Literature. Awards, Honors and Distinctions [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://literature.duke.edu/people?Gurl=&Uil=812&subpage=profile> . – (дата обращения: 22.03.2016).
152. Friedman M.P. Of Sartre, race, and rabies: «Anti-Americanism» and the transatlantic politics of intellectual engagement [Текст] / M.P. Friedman // *Atlantic Studies*. – 2011. – Vol. 8, № 3, September. – P. 361–377.

153. Fulton A. *Apostles of Sartre: Existentialism in America, 1945–1963* [Текст] / A. Fulton. – Evanston, III : Northwestern Univ. Press, 1999. – 170 p.
154. Gilman N. *Mandarins of the Future: Modernization Theory in Cold War America* [Текст] / N. Gilman. – Baltimore : The Johns Hopkins Univ. Press, 2007. – 344 p.
155. Glendinning C. *Notes toward a Neo-Luddite Manifesto* [Электронный ресурс] / C. Glendinning. – Режим доступа: <http://theanarchistlibrary.org/library/chellis-glendinning-notes-toward-a-neo-luddite-manifesto> . – (дата обращения: 30.03.2015).
156. Grant J. *The End of Critique? Ideology as Replication in Adorno and Jameson* [Текст] / J. Grant // *Culture, Theory and Critique*. – 2014. – Vol. 55, № 1. – P. 1–16.
157. Greimas A. *On Meaning: Selected Writings in Semiotic Theory* [Текст] / A. Greimas ; trans. Paul J Perron & Frank H Collins. – London : Frances Pinter, 1987. – 251 p.
158. Gross D.S. *Marxism and Resistance: Fredric Jameson and the Moment of Postmodernism* [Текст] / D.S. Gross // *Canadian Journal of Political and Social Theory*. – 1988. – Vol. 12, № 3. – P. 71–86.
159. Gur-Ze'ev I. *Adorno and Horkheimer: Diasporic Philosophy, Negative Theology, and Counter-education* [Текст] / I. Gur-Ze'ev // *Educational Theory*. – 2005. – Vol. 5, № 3. – P. 343–365.
160. *Guy Debord and the Situationist International* [Текст] : *Texts and Documents*. – Cambridge, Mass. : MIT Press, 2004. – 514 p.
161. Haine S.W. *Culture and Customs of France* [Текст] / S.W. Haine. – Westport, Conn. : Greenwood Press, 2006. – XIII, 315 p.
162. Hardt M. [Introduction] [Текст] / M. Hardt, K Weeks // *The Jameson Reader* / ed. by Michael Hardt and Kathi Weeks. – Oxford, UK, 2000. – P. 2–29.

163. Helmling S. The Success and Failure of Fredric Jameson: Writing, the Sublime and the Dialectic of Critique [Текст] / S. Helmling. – Albany : State Univ. of New York Press, 2001. – 182 p.
164. Henry F.G. Language, Culture, and Hegemony in Modern France (1539 to the Millennium) [Текст] / F.G. Henry. – Birmingham, Ala. : Summa Pub., 2008. – XVIII, 280 p.
165. Herbert's Hippopotamus: Marcuse and Revolution in Paradise [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=gbzhmMDFcFQ> . – (дата обращения: 28.04.2015).
166. Historicizing Theory /ed. By Peter C. Herman. Albany: State University of New York Press. 2003. 332 p.
167. Homer S. Fredric Jameson: Marxism, Hermeneutics, Postmodernism [Текст] / S. Homer. – New York : Routledge, 1998. – X, 216 p.
168. Homer S. Sartrean Origins [Текст] / S. Homer // Fredric Jameson: a Critical Reader / ed. by Douglas Kellner and Sean Homer. – Houndmills ; Basingstoke ; New York, 2004. – P. 1–21.
169. Interview with Anders Stephanson [Текст] // Jameson on Jameson: Conversations on Cultural Marxism / ed. by Ian Buchanan. – Durham, NC, 2007. – P. 44–73.
170. Interview with Fredric Jameson [Текст] // Lukacs after Communism : Interview with Contemporary Intellectuals / Eva L. Corredor. – Durham, NC, 1997. – P. 75–94.
171. Interview with Paik Nak-Chung [Текст] // Jameson on Jameson: Conversations on Cultural Marxism / ed. by Ian Buchanan. – Durham, NC, 2007. – P. 74–98.
172. Interview with Sara Danius and Stefan Jonsson [Текст] // Jameson on Jameson: Conversations on Cultural Marxism / ed. by Ian Buchanan. – Durham, NC, 2007. – P. 151–170.

173. Interview with Srinivas Aravamudan and Ranjana Khanna [Текст] // Jameson on Jameson: Conversations on Cultural Marxism / ed. by Ian Buchanan. – Durham, NC, 2007. – P. 203–240.
174. Interview with Xudong Zhang [Текст] // Jameson on Jameson: Conversations on Cultural Marxism / ed. by Ian Buchanan. – Durham, NC, 2007. – P. 171–202.
175. Irr C. The American Grounds of Globalization [Текст] / C. Irr // On Jameson: from Postmodernism to Globalization / ed. by Caren Irr and Ian Buchanan. – Albany, New York, 2006. – P. 213–239.
176. James C.P. Does Jameson have any use of allegory? [Текст] / C.P. James // Critical Exchange. – 1983. – Fall. – P. 16–24.
177. Jameson F. «If I Can Find One Good City, I Will Spare the Man»: Realism and Utopia in Kim Stanley Robinson's Mars Trilogy [Текст] / F. Jameson // Archaeologies of the Future. The Desire Called Utopia and Other Science Fictions / F. Jameson. – New York ; London, 2005. – P. 393–416.
178. Jameson F. A Singular Modernity: Essay on the Ontology of the Present [Текст] / F. Jameson. – London ; New York : Verso, 2002. – 250 p.
179. Jameson F. Actualité de Sartre [Текст] / F. Jameson // Qu'est-ce que la subjectivité? / J.-P. Sartre ; pref. de Michel Kail et Raoul Kirchmayr. – Paris, 2013. – P. 177-187.
180. Jameson F. Archaeologies of the Future: the Desire Called Utopia and Other Science Fictions [Текст] / F. Jameson. – London ; New York : Verso, 2005. – 431 p.
181. Jameson F. Brecht and Method [Текст] / F. Jameson. – London ; New York : Verso, 1999. – 232 p.
182. Jameson F. Class and Allegory in Contemporary Mass Culture: Dog Day Afternoon as a Political Film [Текст] / F. Jameson // Signatures of the Visible / F. Jameson. – New York, 1992. – P. 35–54.

183. Jameson F. Cognitive Mapping [Текст] / F. Jameson // *Marxism and the Interpretation of Culture* / ed. by C. Nelson, L. Grossberg. – Urbana, 1990. – P. 347–360.
184. Jameson F. Commodification [Текст] / F. Jameson // *Valences of the Dialectic* / F. Jameson. – London ; New York, 2009. – P. 257–266.
185. Jameson F. Cultural Revolution [Текст] / F. Jameson // *Valences of the Dialectic* / F. Jameson. – London ; New York, 2009. – P. 267–277.
186. Jameson F. Culture and financial capital [Текст] / F. Jameson // *The Cultural Turn: Selected Writings on the Postmodern 1983–1998* / F. Jameson. – London ; New York, 1998. – P. 136–161.
187. Jameson F. Fear and Loathing of Globalization [Текст] / F. Jameson // *New Left Review*. – 2003. – № 23, September-October. – P. 105–114.
188. Jameson F. Foreword [Текст] / F. Jameson // *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge* / Lyotard J.-F. – Manchester, 1984. – P. VII–XXIII.
189. Jameson F. Generic Discontinuities in SF: Brian Aldiss' Starship [Текст] / F. Jameson // *Archaeologies of the Future. The Desire Called Utopia and Other Science Fictions* / F. Jameson. – London ; New York, 2005. – P. 254–266.
190. Jameson F. Globalization as a Philosophical Issue [Текст] / F. Jameson // *Valences of the Dialectic* / F. Jameson. – London ; New York, 2009. – P. 435–455.
191. Jameson F. Globalization as Political Strategy [Текст] / F. Jameson // *Valences of the Dialectic* / F. Jameson. – London ; New York, 2009. – P. 456–472.
192. Jameson F. History and Class Consciousness as an Unfinished Project [Текст] / F. Jameson // *Valences of the Dialectic* / F. Jameson. – London ; New York, 2009. – P. 201–222.

193. Jameson F. Ideological Analysis: a Handbook [Текст] / F. Jameson // Valences of the Dialectic / F. Jameson. – London ; New York, 2009. – P. 315–363.
194. Jameson F. Imaginary and Symbolic in Lacan [Текст] / F. Jameson // The Ideologies of Theory / F. Jameson. – London ; New York, 2008. – P. 77–124.
195. Jameson F. Introduction to Sartre after Sartre [Текст] / F. Jameson // Yale French Studies. – 1985. – № 68. – P. III–XI.
196. Jameson F. Introduction: Utopia Now [Текст] / F. Jameson // Archaeologies of the Future: the Desire Called Utopia and Other Science Fictions / F. Jameson. – London ; New York, 2005. – P. XI–XVI.
197. Jameson F. Marxism and Form: Twentieth Century Dialectical Theories of Literature [Текст] / F. Jameson. – Princeton, N.J. : Princeton Univ. Press, 1971. – XIX, 432 p.
198. Jameson F. Marxism and postmodernism [Текст] / F. Jameson // The Cultural Turn: Selected Writings on the Postmodern, 1983–1998 / F. Jameson. – London ; New York, 1998. – P. 33–49.
199. Jameson F. Marxism and Teaching [Текст] / F. Jameson // New Political Science. – 1979. – Vol. 1, iss. 2-3. – P. 31–36.
200. Jameson F. Notes on Globalization as a Political Issue [Текст] / F. Jameson // The Cultures of Globalization / ed. by Fredric Jameson and Masao Miyoshi. – Durham, 1998. – P. 54–80.
201. Jameson F. Postmodernism & Cultural Theories [Текст] / F. Jameson. – Xi'an : Shaanxi Normal Univ. Press, 1987. – 232 p.
202. Jameson F. Postmodernism and Consumer Society [Текст] / F. Jameson // The Anti-Aesthetic / ed. Hal Foster. – Seattle ; Washington, 1983. – P. 111–125.
203. Jameson F. Postmodernism, Or, the Cultural Logic of Late Capitalism [Текст] / F. Jameson // New Left Review. – 1984. – № 146. – P. 52–92.

204. Jameson F. Postmodernism, Or, the Cultural Logic of Late Capitalism [Текст] / F. Jameson. – Durham : Duke Univ. Press, 1990. – 438 p.
205. Jameson F. Reflections on the Brecht-Lukacs Debate [Текст] / F. Jameson // The Ideologies of Theory / F. Jameson. – London ; New York, 2008. – P. 434–450.
206. Jameson F. Representing Capital: A Reading of Volume One [Текст] / F. Jameson. – London ; New York : Verso, 2011. – 158 p.
207. Jameson F. Sartre: the Origins of a Style [Текст] / F. Jameson. – New Haven : Yale Univ. Press, 1961. – XII, 228 p.
208. Jameson F. Sartre's Critique, Volume One: an Introduction [Текст] / F. Jameson // Valences of the Dialectic / F. Jameson. – London ; New York, 2009. – P. 223–240.
209. Jameson F. Sartre's Critique, Volume Two: an Introduction [Текст] / F. Jameson // Valences of the Dialectic / F. Jameson. – London ; New York, 2009. – P. 241–253.
210. Jameson F. The Case For George Lukács [Текст] / F. Jameson // Salmagundi. – 1970. – № 13, Summer. – P. 3–35.
211. Jameson F. The Cultural Turn: Selected Writings on the Postmodern 1983–1998 [Текст] / F. Jameson. – London ; New York : Verso, 1998. – 206 p.
212. Jameson F. The End of Temporality [Текст] / F. Jameson // The Ideologies of Theory / F. Jameson. – London ; New York, 2008. – P. 636–658.
213. Jameson F. The Future as Disruption [Текст] / F. Jameson // Archaeologies of the Future: the Desire Called Utopia and Other Science Fictions / F. Jameson. – London ; New York, 2005. – P. 211–233.
214. Jameson F. The Geopolitical Aesthetic, or, Cinema and Space in the World System [Текст] / F. Jameson. – Bloomington ; London : Indiana Univ. Press : BFI Pub., 1992. – 220 p.
215. Jameson F. The Ideology of the Text [Текст] / F. Jameson // The Ideologies of Theory / F. Jameson. – London ; New York, 2008. – P. 20–75.

216. Jameson F. The Political Unconscious. Narrative as a Socially Symbolic Act [Текст] / F. Jameson. – Ithaca, N.Y. : Cornell Univ. Press, 1981. – 305 p.
217. Jameson F. The Politics of Utopia [Электронный ресурс] / F. Jameson. – Режим доступа: <http://libcom.org/library/politics-utopia-frederic-jameson> . – (дата обращения: 16.08.2014).
218. Jameson F. The Sartrean Origin [Текст] / F. Jameson // Sartre Studies International. – 1995. – Vol. 1, iss. 1/2. – P. 1–20.
219. Jameson F. The Seeds of Time [Текст] / F. Jameson. – New York : Columbia Univ. Press, 1994. – 214 p.
220. Jameson F. Transformations of the Image in Postmodernity [Текст] / F. Jameson // The Cultural Turn: Selected Writings on the Postmodern 1983–1998 / F. Jameson. – London ; New York, 1998. – P. 93–135.
221. Jameson F. Utopia and its Antinomies [Текст] / F. Jameson // Archaeologies of the Future: the Desire Called Utopia and Other Science Fictions / F. Jameson. – London ; New York, 2005. – P. 142–169.
222. Jameson F. Varieties of the Utopian [Текст] / F. Jameson // Archaeologies of the Future: the Desire Called Utopia and Other Science Fictions / F. Jameson. – London ; New York, 2005. – P. 1.–9.
223. Jay M. Marxism and Totality: the Adventures of a concept from Lukács to Habermas [Текст] / M. Jay. – Berkeley :University of California Press, 1984. – XI, 576 p.
224. Kellner D. Introduction [Текст] / D. Kellner // Postmodernism : Jameson. Critique / ed. by Douglas Kellner. – Washington, DC, 1989.
225. Kellner D. Introduction [Текст] / D. Kellner, S. Homer // Fredric Jameson: a Critical Reader / ed. by Douglas Kellner and Sean Homer. – Houndmills ; Basingstoke ; New York, 2004. – P. XII–XXII.
226. Kennedy J.F. 234 – Commencement Address at Yale University, June 11, 1962 [Электронный ресурс] / John F. Kennedy. – Режим доступа: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=29661> . – (дата обращения: 10.08.2014).

227. Lasswell H.D. Georg Lukacs's Vita [Текст] : [introduction] // Georg Lukács' Marxism: Alienation, Dialectics, Revolution. A Study in Utopia and Ideology / Victor Zitta. – Hague, 1964. – P. IIX–X.
228. Latham M.E. Modernization as Ideology: American Social Science and «National Building» in the Kennedy Era [Текст] / Michael E. Latham. – Chapel Hill : The Univ. of North Carolina Press, 2000. – XII, 288 p.
229. Latham M.E. The Right Kind of Revolution: Modernization, Development, and U.S. Foreign Policy from the Cold War to the Present [Текст] / Michael E. Latham. – Ithaca : Cornell Univ. Press, 2011. – 257 p.
230. Leitch V.B. American Literary Criticism since the 1930s [Текст] / Vinsen B. Leitch. – 2nd ed. – London ; New York : Routledge, 2010. – 432 p.
231. Lesjak C. History, Narrative, and Realism. Jameson's Search for a Method [Текст] / C. Lesjak // On Jameson : from postmodernism to globalization / ed. by Caren Irr and Ian Buchanan. – Albany : State Univ. of New York Press, 2006. – P. 27–50.
232. Lewis T.E. Too Little, Too Late: Reflections on Fredric Jameson's Pedagogy of Form [Текст] / T.E. Lewis // Rethinking Marxism. – 2009. – Vol. 21, № 3, July. – P. 438–452.
233. Lipset S.M. Consensus and Conflict: Essays in Political Sociology [Текст] / S.M. Lipset. – New Brunswick, New Jersey : Transaction Publishers, 1990. – 377 p.
234. Lipset S.M. Political man: The social bases of politics [Текст] / S.M. Lipset. – Garden City, New York : Doubleday & Company. – 432 p.
235. Lukacs G. History and Class Consciousness [Текст] / G. Lukacs. – London : Merlin Press, 1971. – 408 p.
236. Lukacs G. History and Class Consciousness [Текст] / G. Lukacs. – The MIT Press, 1972. – 408 p.

237. Lukács G. Marxism and Human liberation: Essays on History, Culture and Revolution [Текст] / G. Lukács ; ed. by E. San Juan, Jr. – New York : Dell Pub. Co, 1973. – 332 p.
238. Lynch K. The Image of the City [Текст] / К. Lynch. – Cambridge MA : MIT Press, 1960. – 194 p.
239. Mackenzie I. Dramatization as Method in Political Theory [Текст] / I. Mackenzie, R. Porter // Contemporary Political Theory. – 2011. – Vol. 10, iss. 4. – P. 482–501.
240. Mandel E. Late Capitalism [Текст] / E. Mandel. – London ; New York : Verso, 1998. – 620 p.
241. Marcuse H. Repressive Tolerance [Текст] / H. Marcuse // A Critique of Pure Tolerance. – Boston, 1965. – P. 81–117.
242. Mattick P., Jr. Old Left, New Left, What's Left? [Электронный ресурс] / P. Mattick, Jr. // Root & Branch. – 1970. – № 1. – P. 15–24. – Режим доступа: <http://bataillesocialiste.wordpress.com/revues/root-branch-1970-1981/> . – (дата обращения: 30.03.2015).
243. McCumber J. Time in the ditch: American philosophy and the McCarthy era [Текст] / John McCumber. – Evanston, III : Northwestern Univ. Press, 2001. – XXIII, 213 p.
244. Mészáros I. Ideology and Social Science [Электронный ресурс] / I. Mészáros. – Режим доступа: http://socialistregister.com/index.php/srv/article/view/5306/2207#.U-yH3-N_t2s . – (дата обращения: 03.08.2014).
245. Mexico: Communique for package bomb sent to the rector of UNAM [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://waronsociety.noblogs.org/?p=8967> . – (дата обращения: 30.03.2015).
246. Mills W.C. Letter to the New Left [Электронный ресурс] / W.C. Mills // New Left Review. – 1960. – № 5, September-October. – Режим

- доступа: http://www.antiauthoritarian.net/sds_wuo/letter_to_the_new_left/
 . – (дата обращения: 10.08.2014).
247. Mirrlees T. Cognitive Mapping or, the Resistant Element in the Work of Fredric Jameson: A Response to Jason Berger [Электронный ресурс] / T. Mirrlees // Cultural Logic: An Electronic Journal of Marxist Theory & Practice. – 2005. – Vol. 8. – Режим доступа: <http://clogic.eserver.org/2005/mirrlees.html> . – (дата обращения: 02.03.2015).
248. Monahan N.J. Sartre's Critique of Dialectical Reason and the Inevitability of Violence. Human Freedom in the Milieu of Scarcity [Текст] / N.J. Monahan // Sartre Studies International. – 2008. – Vol. 14, iss. 2. – P. 48–70.
249. O'Kane J. Adventures in Totalization: Jameson's Search for a Method [Текст] / J. O'Kane // Rethinking Marxism : A Journal of Economics, Culture and Society. – 1998. – Vol. 10, № 4, Winter. – P. 52–78.
250. O'Kane J. Postmodern Negative Dialectics [Текст] / J. O'Kane // Fredric Jameson: a Critical Reader / ed. by Douglas Kellner and Sean Homer. – Houndmills ; Basingstoke ; New York, 2004. – P. 142–168.
251. Ollman B. Toward Class Consciousness Next Time: Marx and the Working Class [Текст] / B. Ollman // Politics and Society. – 1972, Fall. – Vol. 3, iss. 1. – P. 1–24.
252. Osterle H.D. Review. Marxism and Form: Twentieth Century Dialectical Theories of Literature by Fredric Jameson [Текст] / H.D. Osterle // The German Quarterly. – 1973, Nov. – Vol. 46, № 4: Bertolt Brecht: 75th Anniversary of His Birth. – P. 660–667.
253. Pakulski J. The Death of Class [Текст] / Jan Pakulski and Malcolm Waters. – London ; Thousand Oaks, Calif. : Sage Publications Ltd, 1996. – VIII, 173 p.
254. Pawling C. The American Lukacs? Fredric Jameson and Dialectical Thought [Текст] / C. Pawling // Fredric Jameson: a Critical Reader / ed. by

- Douglas Kellner and Sean Homer. – Houndmills ; Basingstoke ; New York, 2004. – P. 22–41.
255. Pêcheux M. Ideology: Fortress or Paradoxical Space? [Текст] / M. Pêcheux // Rethinking Ideology: A Marxist Debate / ed. Sakari Haninen and Leena Paldan. – New York, 1983. – P. 31–35.
256. Pêcheux M. The Mechanism of Ideological (Mis)recognition [Текст] / M. Pêcheux // Mapping Ideology / ed. by Slavoj Žižek. – Verso, 2012. – P. 141–151.
257. Petrovic G. Reification [Текст] / G. Petrovic // A Dictionary of Marxist Thought / ed. by Tom Bottomore, Laurence Harris, V.G. Kiernan, Ralph Miliband. – Cambridge, MA, 1983. – P. 411–413.
258. Piccone P. Review. Marxism and Form: Twentieth Century Dialectical Theories of Literature by Fredric Jameson [Текст] / P. Piccone // The American Political Science Review. – 1976, Dec. – Vol. 70, № 4. – P. 1272–1273.
259. Postmodernism : Jameson critique [Текст] / ed. by Douglas Kellner. – Washington, D.C. : Maisonneuve Press, 1989. – 414 p.
260. Postone M. Critical Pessimism and the Limits of Traditional Marxism [Текст] / M. Postone, B. Brick // Theory and Society. – 1982. – Vol. 11, iss. 5. – P. 617–658.
261. Publications Fredric Jameson [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fds.duke.edu/db/aas/Romance/faculty/jameson/publications> . – (дата обращения: 06.08.2015).
262. Reed T.V. Re-Historicizing Literature [Текст] / T.V. Reed // A Companion to American Literature and Culture / ed. by Paul Lauter. – Chichester ; Malden, MA, 2010. – P. 96–109.
263. Ricoeur P. Ideology and Utopia as Cultural Imagination // Philosophic Exchange. – 1976. – Vol.7, No 1, Art 5. – P. 17-28.
264. Ricoeur P. Lectures on Ideology and Utopia. New York: Columbia University Press. 1986. – 353 p.

265. Roberts A. Fredric Jameson. Routledge Critical Thinkers [Текст] / A. Roberts. – London ; New York : Routledge, 2000. – X, 164 p.
266. Rorty R. Philosophy in America Today [Текст] / R. Rorty // American Scholar. – 1982. – Vol. 51, № 2. – P. 183–200.
267. Rothberg M. Theory, Migration and Labor in the Age of Globalization [Текст] / M. Rothberg // On Jameson: from Postmodernism to Globalization / ed. by Caren Irr and Ian Buchanan. – Albany, 2006. – P. 117–141.
268. Said E.W. Between Chance and Determinism: Lukacs's Aesthetik [Текст] / E.W. Said // Reflections on Exile and Other Essays. – Harvard, 2002. – P. 61–69.
269. Sargent L.T. Ideology and Utopia: Karl Mannheim and Paul Ricoeur // Journal of Political Ideologies. – October 2008. – No 13(3). – P. 263-273.
270. Sartre J.-P. Critique of Dialectical Reason. Collectives [Электронный ресурс] / J.-P. Sartre. – Режим доступа: <https://www.marxists.org/reference/archive/sartre/works/critic/collectives.htm>. – (дата обращения: 11.04.2015).
271. Sartre J.-P. Critique of Dialectical Reason The Fused Group [Электронный ресурс] / J.-P. Sartre. – Режим доступа: <https://www.marxists.org/reference/archive/sartre/works/critic/fused-group.htm>. – (дата обращения: 11.04.2015).
272. Schulenberg U. Fredric Jameson's American Neo-Marxism and the Dialectics of Totality and Difference [Текст] / U. Schulenberg // Amerikastudien / American Studies. – 2001. – Vol. 46, iss. 2. – P. 281–299.
273. Shils E. The Concept and Function of Ideology [Текст] / E. Shils // International Encyclopedia of Social Sciences / ed. D.L. Sills. – New York, 1968. – Vol. 7. – P.66–76.
274. Shils E. The End of Ideology? [Текст] / E. Shils // Encounter. –1955. – Vol. 5, № 5, November. – P. 52–58.

275. Skirbekk G. A History of Western Thought: from Ancient Greece to the Twentieth Century [Текст] / Gunnar Skirbeck and Nils Gilje. – London ; New York : Routledge, 2001. – XV, 487 p.
276. Soja E.W. Postmodern Geographies: the Reassertion of Space in Critical Social Theory [Текст] / Edward W. Soja. – London ; New York : Verso, 1989. – 266 p.
277. Stern L. George Lukacs: An Intellectual Portrait [Текст] / L. Stern // Dissent. – 1958. – Vol. 5, № 2, Spring. – P. 162–173.
278. Tally R.T. Jr. Sartre, Marcuse and the Utopian Project Today [Электронный ресурс] / R.T. Tally, Jr. // CLCWeb: Comparative Literature and Culture. – 2010. – Vol. 12, № 1. – Режим доступа: <http://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol12/iss1/2> . – (дата обращения: 11.04.2013).
279. Tally R.T., Jr. Jameson's Project of Cognitive Mapping: A Critical Engagement [Текст] / R.T. Tally, Jr. // Social Cartography: Mapping Ways of Seeing Social and Educational Change / ed. by Rolland G. Paultson. – New York ; London, 1996. – P. 399–416.
280. The Jameson Reader [Текст] / ed. by Michael Hardt and Kathi Weeks. – Oxford, UK ; Malden, Mass. : Blackwell, 2000. – IX, 408 p.
281. The Port Huron Statement of the Students for a Democratic Society [Электронный ресурс] / Tom Hayden et al. – Режим доступа: <http://coursesa.matrix.msu.edu/~hst306/documents/huron.html> . – (дата обращения: 06.08.2014).
282. Therborn G. The Ideology of Power and the Power of Ideology [Текст] / G. Therborn. – London : Verso, 1999. – 144 p.
283. Tominaga K. Postindustrial Society and Cultural Diversity [Текст] / K. Tominaga // Survey. – 1971. – Vol. 16, № 1, Winter. – P. 68–77.
284. Wagner P. Modernity: One or Many? [Текст] / P. Wagner // The Blackwell Companion to Sociology / ed. by Judith R. Blau. – Malden, MA, 2004. – P. 30–42.

285. Warde W.F. (Novack G.) Who Will Change the World? The New Left and the Views of C. Wright Mills [Текст] / Novack G. // *International Socialist Review*. – 1961. – Vol. 22, № 3. – P. 67–79.
286. Wegner Ph.E. Horizons, Figures, and Machines: The Dialectic of Utopia in the Work of Fredric Jameson [Текст] / Ph.E. Wegner // *Utopian Studies*. – 1998/ – Vol. 9, iss. 2. – P. 58–73.
287. West C. Fredric Jameson's American Marxism [Текст] / C. West // *The Cornel West Reader*. – New York, 2000. – P. 231-250.
288. West C. Fredric Jameson's Marxist Hermeneutics [Текст] / C. West // *Boundary 2*. – 1982, Autumn – 1983, Winter. – Vol. 11, № 1/2: Engagements: Postmodernism, Marxism, Politics. – P. 177–200.
289. Willenz E. Review: History and Class Consciousness: Studies in Marxist Dialectics by Georg Lukacs, Rodney Livingstone [Текст] / E. Willenz // *World Affairs*. – 1971. – Vol. 134, № 3, Winter. – P. 278–280.
290. Works of Georg Lukács in Non-Hungarian languages I [Текст] // *Studies in Soviet Thought*. – 1966. – Vol. 6, iss. 2, June. – P. 157–161.
291. Xudong Zhang. Modernity as Cultural Politics: Jameson and China [Текст] / Xudong Zhang // *Fredric Jameson: a Critical Reader* / ed. by Douglas Kellner and Sean Homer. – Houndmills ; Basingstoke ; New York, 2004. – P. 169–194.
292. Zitta V. Georg Lukács' Marxism: Alienation, Dialectics, Revolution. A Study in Utopia and Ideology [Текст] / Victor Zitta. – Hague : Martin Nijhoff, 1964. – 305 p.
293. Zizek S. Liberation Hurts [Электронный ресурс] : An Interview with S. Zizek by E.D. Rasmussen / Slavoj Zizek ; Eric Dean Rasmussen. – Режим доступа: <http://www.lacan.com/zizekillinois.htm> . – (дата обращения: 28.04.2015).